

Проф. Д. Овсянко-Куликовскій.

Н В. ГОГОЛЬ.

МОСКВА.

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,

Пименовская ул., со . домъ.

1902

Дозволено цензурою. Москва, 19 марта 1902 г.

Н. В. Гоголь.

ГЛАВА I.

„Пушкинское“ и „гоголевское“.

Художественный методъ Гоголя.

I.

Въ настоящемъ опытѣ, посвященномъ Гоголю, мы будемъ неоднократно вспоминать и Пушкина: намъ кажется, что сопоставленіе этихъ двухъ художественныхъ геніевъ, столь важное въ историко-литературномъ изслѣдованіи, можетъ оказаться плодотворнымъ и въ опытѣ психологическаго изученія натуры и творчества Гоголя.

Для современниковъ, близко знавшихъ Гоголя, этотъ человѣкъ былъ загадкою. Загадкою остается онъ и для насъ. Лишь одно въ немъ совершенно ясно и не подлежитъ спору: это именно его великій художественный геній, благодаря которому имя Гоголя стоитъ въ ряду величайшихъ именъ всемірной литературы. Насколько ясна эта сторона натуры Гоголя, настолько темно все остальное. Изучая Гоголя, какъ умъ, какъ характеръ, мы повсюду наталкиваемся на противорѣчія и неясности. Порою эти противорѣчія сгущаются въ родъ какихъ-то «парадоксовъ души», которые, при ослѣпительномъ свѣтѣ художественнаго генія Гоголя, кажутся еще парадоксальнѣе, чѣмъ, быть можетъ, они были на самомъ дѣлѣ.

Сопоставленіе этой замкнутой, противорѣчивой и неуравновѣшенной натуры съ открытою, гармоничною и

уравновѣшенной натурой Пушкина, очная ставка этого огромнаго темнаго ума съ огромнымъ свѣтлымъ умомъ Пушкина могли бы, думается намъ, пролить нѣкоторый свѣтъ на проблему психологіи Гоголя и его творчества или, по крайней мѣрѣ, содѣйствовать правильной постановкѣ ея.

Въ этомъ сопоставленіи чисто-психологическій вопросъ, по нѣкоторымъ пунктамъ, близко подходитъ къ вопросу историко-литературному: сравниваемые величины сопоставлены самой исторіей. Начинатели и основоположники нашей художественной литературы и нашего національнаго и общественнаго самосознанія (поскольку оно связывается съ художественнымъ творчествомъ), Пушкинъ и Гоголь были сотрудниками, другъ друга дополнявшими, въ одномъ и томъ же великомъ историческомъ дѣлѣ.

Въ лицѣ Пушкина мы имѣемъ генія съ извѣстными приемами творчества, съ извѣстнымъ художественнымъ міросозерцаніемъ, съ опредѣленнымъ даромъ чувствовать и понимать жизнь и человѣка. Въ лицѣ Гоголя мы имѣемъ генія съ иными приемами творчества, съ совсѣмъ другимъ художественнымъ міросозерцаніемъ,—и его даръ чувствовать и понимать жизнь и человѣка былъ совсѣмъ не такой, какъ у Пушкина. Эти два художественныя воззрѣнія, «пушкинское» и «гоголевское», явились отправными точками, отъ которыхъ пошли два направленія, два теченія, двѣ школы, до сихъ поръ еще не сказавшія своего послѣдняго слова и продолжающія развиваться дальше. «Пушкинское» и «гоголевское» проходятъ, съ 30-хъ годовъ и доселѣ, по всей русской литературѣ, то сближаясь, то разлучаясь, дополняя другъ друга, стремясь слиться въ какомъ то высшемъ синтезѣ, который, однако, еще далекъ, еще недостижимъ...

Изученіе ихъ развитія, различныхъ метаморфозъ и особыхъ выраженій, какія они получили въ творествѣ нашихъ писателей отъ 30-годовъ до послѣдняго времени, составляетъ задачу историко-литературную. Ихъ изуче-

ніе со стороны психологіи творчества Пушкина, Гоголя и ихъ преемниковъ, а также и раскрытіе психологическаго состава и характера «пушкинскаго» и «гоголевскаго» въ русской художественной литературѣ образуетъ особую—психологическую—задачу.

Предлагаемая работа есть небольшой, посильный вкладъ въ разработку нѣкоторыхъ вопросовъ, относящихся къ этой задачѣ.

Прежде всего мы займемся вопросомъ о *художественномъ методѣ* Гоголя и постараемся сопоставить этотъ методъ съ тѣмъ, на которомъ основывалось творчество Пушкина. Здѣсь различіе между «пушкинскимъ» и «гоголевскимъ» выступаетъ съ особливою ясностью.

Художественныхъ методовъ столько же, сколько и художниковъ. Но это разнообразіе легко подводится подъ два типа, подъ двѣ основныя формы художественнаго познанія. Эти двѣ формы суть тѣ же, что и въ научномъ познаніи: *наблюденіе* и *опытъ*¹⁾. Художникъ либо *наблюдаетъ* дѣйствительность и въ своемъ произведеніи подводитъ итогъ этимъ наблюденіямъ, либо дѣлаетъ своего рода *опыты* надъ дѣйствительностью, выдѣляя извѣстныя, его интересующія, черты или стороны ея, которыя въ ней вовсе не выдѣляются, а всегда, или въ огромномъ большинствѣ случаевъ, даны въ соединеніи съ другими чертами или сторонами, ихъ заслоняющими. Сравнительно рѣдко оба метода совмѣщаются въ равной мѣрѣ въ дарованіи одного и того же художника. Въ большинствѣ случаевъ художники—либо наблюдатели по преимуществу,—либо по преимуществу экспериментаторы.

Въ чемъ сущность этихъ двухъ методовъ? Къ чему сводятся принципиальныя—психологическія—различія между ними?

1) Сжатая характеристика этихъ двухъ художественныхъ методовъ была сдѣлана мною въ статьѣ о Чеховѣ, помѣщенной въ „Журналъ для всѣхъ“ (1899 г.).

Отвѣтъ на это могутъ дать только изслѣдованія процесса творчества у различныхъ художниковъ. Пока мы должны ограничиться установленіемъ общаго—*предварительнаго*—понятія о художникѣ-наблюдателѣ съ одной стороны и о художникѣ-экспериментаторѣ—съ другой.

Художникъ-наблюдатель, изучая людей и жизнь, стремится дать по возможности *правдивое* воспроизведеніе дѣйствительности, освѣтитъ картину такъ, какъ освѣщена сама дѣйствительность. Онъ не склоненъ очень сгущать краски или затушевывать извѣстные явленія жизни; онъ не придаетъ особливаго развитія одной сторонѣ дѣйствительности въ ущербъ другой; онъ старается «соблюдать пропорціи». И на его картинѣ жизнь изображена такъ, какъ она есть, но только въ образахъ типичныхъ, обобщающихъ, при чемъ комбинація, постановка и разработка этихъ образовъ наводятъ насъ на думы и выводы, на какіе подлинная жизнь не наведетъ. По произведеніямъ этого рода можно судить о той дѣйствительности, которая въ нихъ изображена, и на нихъ зачастую удобнѣе, чѣмъ на фактахъ самой жизни, обосновывается критика этой послѣдней.

Художникъ-наблюдатель присматривается и прислушивается къ жизни, стараясь понять ее,—онъ стремится постичь *человѣка въ жизни*, взятой въ опредѣленныхъ предѣлахъ мѣста и времени, — и въ своихъ созданіяхъ онъ не столько обнаруживаетъ и передаетъ намъ свою манеру *видѣть и слышать жизнь и свой даръ чувствовать человѣка*, сколько, открывая намъ широкую картину дѣйствительности, даетъ намъ возможность, при ея помощи, развивать и совершенствовать *наше собственное пониманіе жизни, нашъ собственный даръ чувствовать человѣка и все человеческое*.

Къ этому—*наблюдательному*—роду творчества принадлежатъ произведенія Пушкина («Евгеній Онѣгинъ», «Капитанская дочка» и др.), Лермонтова («Герой нашего времени»), Гончарова, Тургенева, Писемскаго, Л. Н. Тол-

стого (кромѣ его тенденціозныхъ, морализирующихъ произведеній послѣдняго времени, относящихся къ творчеству опытному).

Это и есть тотъ родъ творчества, о которомъ говорилъ Тургеневъ въ извѣстномъ письмѣ къ Дружинину 1856 г.: «...вы помните, что я, поклонникъ и малѣйшій послѣдователь Гоголя, толковалъ вамъ когда-то о необходимости возвращенія *Пушкинскаго элемента, въ противовѣсіе Гоголевскому*». Въ 1859 г. Тургеневъ прочелъ въ Петербургѣ лекцію о Пушкинѣ, въ которой онъ очертилъ сущность «пушкинскаго элемента». Насколько можно судить по сохранившемуся отрывку ¹⁾, Тургеневъ видѣлъ эту сущность въ томъ спокойномъ и свѣтломъ поэтическомъ созерцаніи, которое составляетъ характерную черту Пушкина, какъ художника, въ противоположность рѣзкому отрицанію нашей дѣйствительности, выразившемуся въ сатирѣ Гоголя и въ нѣкоторыхъ (лирическихъ) произведеніяхъ Лермонтова. Яснѣе улавливаемъ мы точку зрѣнія Тургенева въ вышеуказанномъ письмѣ къ Дружинину, гдѣ, вслѣдъ за приведенными словами, читаемъ: «стремленіе къ безпристрастію и къ истинѣ всецѣлой есть одно изъ немногихъ бодрыхъ качествъ, за которыя я благодаренъ природѣ, давшей мнѣ ихъ». Отсюда мы въ правѣ заключить, что Тургеневъ подъ «пушкинскимъ элементомъ» понималъ такое творчество, которое стремится къ возможно-полному, всестороннему и правдивому воспроизведенію дѣйствительности. 20 лѣтъ спустя, въ письмѣ къ г. Кигну (1876 г.) Тургеневъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ этотъ родъ творчества, называя его «объективнымъ»: «...нужно... вникать во все окружающее, стараться не только уловить жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, но и понимать ее, понимать тѣ законы, по которымъ она движется и которые не всегда выступаютъ наружу; нужно сквозь игру случайностей добиваться до типовъ—и со всѣмъ тѣмъ всегда

¹⁾ Онъ цитируется въ „Воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ“.

оставаться вѣрнымъ правдѣ, не довольствоваться поверхностнымъ изученіемъ, чуждаться эффектовъ и фальши».

Нѣкоторыя выраженія и наставленія въ этихъ выдержкахъ могутъ быть отнесены одинаково какъ къ творчеству наблюдательному, такъ и къ опытному. Таковъ, напр., совѣтъ «чуждаться эффектовъ и фальши», а равно и тотъ, который гласитъ, что «нужно сквозь игру случайностей добиваться до типовъ»: мы знаемъ широкіе и великолѣпные типы, построенные путемъ опытнаго творчества (напр., Хлестаковъ, Маниловъ, Поздrevъ, Собакевичъ и др.). Но зато характернымъ именно для наблюдательнаго творчества, однимъ изъ величайшихъ представителей котораго и былъ Тургеневъ, является то, что онъ говоритъ о стремленіи къ *безпристрастію* и *правдѣ всецѣлой* и потомъ о необходимости «понимать жизнь и тѣ законы, по которымъ она движется». Трудно представить себѣ художника-наблюдателя, которому было бы чуждо это *стремленіе* къ «безпристрастію и всецѣлой правдѣ» и который не обладалъ бы извѣстнымъ «пониманіемъ жизни» и «ея движенія», по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ предѣлахъ времени и мѣста, какими ограничиваются его наблюденія. Напротивъ, какъ безъ того, такъ и безъ другого вполне возможенъ *художникъ-экспериментаторъ*, даже великій: *таковъ и былъ Гоголь*. Правильнѣе будетъ сказать, что для художника-экспериментатора стремленіе къ безпристрастію и «всецѣлой правдѣ» означало бы, что онъ отказывается производить свои опыты. Если онъ понимаетъ жизнь эпохи и ея движеніе, то это, конечно, для него большое преимущество. Но это является въ его творествѣ *необходимостью* только въ томъ случаѣ, когда его художественные опыты будутъ направлены на познаніе скрытыхъ, невидныхъ въ дѣйствительности пружинъ, движущихъ жизнь, на обнаруженіе едва замѣтныхъ симптомовъ новыхъ явленій, на раскрытіе истинной природы и значенія назрѣвающихъ перемѣнъ, неясныхъ или незамѣченныхъ при обыкновенномъ наблюденіи жизни.

Художественныя произведенія, основанныя на чистомъ наблюденіи, становятся «документами», по которымъ можно изучать эпоху. Произведенія искусства опытнаго для этой цѣли либо совсѣмъ непригодны, либо требуютъ тщательныхъ разъясненій, различныхъ ограниченій и оговорокъ.

Къ сказанному добавлю еще то, о чемъ я уже писалъ неоднократно ¹⁾, а именно что художники въ своихъ наблюденіяхъ надъ дѣйствительностью, идутъ двумя путями: первый путь — *отъ себя*, второй — *не отъ себя*. Обыкновенно однимъ художникамъ свойственъ по преимуществу первый путь, другимъ — второй. Для обозначенія этихъ двухъ путей художественнаго наблюденія я беру термины *субъективный* — для первого, *объективный* — для второго.

Когда мы приступаемъ къ изученію творчества извѣстнаго художника, то на первыхъ же порахъ встрѣчаемся съ необходимостью установить, какимъ путемъ шелъ онъ въ своихъ наблюденіяхъ и что именно лежитъ въ основѣ лучшихъ его созданій: самоанализъ и наблюденіе натуръ родственныхъ его собственной, изученіе его ближайшей среды, гдѣ онъ выросъ и воспитался, или же наблюденія надъ чуждою ему жизнью, изученіе натуръ и характеровъ, для пониманія которыхъ самонаблюденіе не достаточно. Нельзя вполне понять художника, не зная, изъ какого окна онъ смотритъ на Божій міръ. Когда мы опредѣляемъ путь, которымъ шелъ художникъ, тогда многое въ его произведеніяхъ открывается намъ въ иномъ, болѣе правильномъ освѣщеніи, — мы начинаемъ понимать интимную сторону его творчества и можемъ прослѣдить тайное прозябаніе и ростъ его художественныхъ идей.

Итакъ, творчество наблюдательное бываетъ либо *по преимуществу субъективное* («отъ себя»), либо *по преимуществу объективное* («не отъ себя»), либо наконецъ

¹⁾ См. „Этюды о творествѣ И. С. Тургенева“ и „Л. Н. Толстой, какъ художникъ“.

такое, въ которомъ оба направленія совмѣщаются приблизительно въ равной мѣрѣ.

Ниже увидимъ, что различіе этихъ двухъ путей относится также и къ творчеству опытному, къ характеристикѣ котораго и обратимся теперь.

Какъ въ наукѣ, такъ и въ искусствѣ опытъ есть разновидность наблюденія. Но, въ противоположность опыту научному, опытъ въ искусствѣ сопряженъ съ извѣстными особенностями дарованія и всей душевной организаціи художника. Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду тѣхъ художниковъ, для которыхъ этотъ родъ творчества составляетъ призваніе, а не тѣхъ, у кого онъ является второстепеннымъ, дополнительнымъ элементомъ въ ихъ дарованіи.

Образцами опытнаго творчества, основаннаго на особенностяхъ ума, дарованія и всей душевной организаціи художника, являются у насъ «Ревизоръ», «Мертвыя души», сатира Салтыкова, произведенія Достоевскаго, Гл. Успенскаго, Чехова.

Въ произведеніяхъ художниковъ-экспериментаторовъ мы имѣемъ не широкую и разностороннюю картину жизни, *а нарочитый подборъ извѣстныхъ чертъ*, въ силу котораго изучаемая художникомъ сторона жизни выступаетъ такъ ярко, такъ отчетливо, что ея смыслъ, ея роль становятся понятны всѣмъ. Въ нашей жизни вообще не мало сторонъ, ускользающихъ отъ сознанія или отъ правильной оцѣнки: мы плохо сознаемъ, напр., ту массу пошлости, глупости, умственной и нравственной темноты, какая разлита въ насъ и вокругъ насъ. Этого-то рода «стороны жизни» рѣдко выдѣляются въ художественныхъ опытахъ и выставляются, какъ говорилъ Гоголь, «на все-народныя очи» въ созданіяхъ художниковъ-экспериментаторовъ.

Художественный опытъ, какъ методъ художественнаго познанія человѣка и жизни, ближайшимъ образомъ основанъ на дѣйствіи извѣстныхъ чувствъ, которыми худож-

никъ реагируетъ на впечатлѣнія дѣйствительности, и на особомъ порядкѣ мыслей, соответствующемъ этимъ чувствамъ. Эти чувства и мысли образуютъ ту *интуицію*, съ которою художникъ приступаетъ къ опыту и которая даетъ послѣднему надлежащее направленіе.

Повидимому, иначе стоитъ дѣло у художниковъ-наблюдателей: у нихъ созерцаніе жизни и изученіе людей вызываетъ игру весьма разнообразныхъ чувствъ и мыслей, другъ друга уравновѣшивающихъ. Въ этомъ смыслѣ душа такого художника отражаетъ самую жизнь, которая есть равновѣсіе, хотя и неустойчивое, разнообразныхъ психическихъ факторовъ—чувствъ, страстей, мыслей, идей, идеаловъ. И въ творческой работѣ художника ни одно изъ этихъ предварительныхъ чувствъ, ни одна изъ этихъ интуитивныхъ мыслей не получаетъ рѣшительнаго преобладанія надъ другими и не является направляющимъ и предрѣшающимъ моментомъ художественныхъ изысканій, которыя такимъ образомъ сохраняютъ характеръ строго-индуктивной работы мышленія. Напротивъ, у художниковъ-экспериментаторовъ мы видимъ предрѣшающую дѣятельность извѣстныхъ чувствъ и мыслей, наличность и функція которыхъ обусловливаются самою натурой, всѣмъ душевнымъ складомъ художника. У одного мы явственно различаемъ тотъ порядокъ чувствъ и мыслей, который Гоголь называлъ «видимымъ смѣхомъ и незримыми, невѣдомыми слезами», у другого — ѣдкій сарказмъ и гнѣвное отрицаніе (Салтыковъ), у третьяго — глубокую скорбь о человѣкѣ и особое «унылое чувство жалости» при видѣ несовершенствъ и бѣдствій людского существованія (Чеховъ) и т. д. Это—тѣ, которыя встрѣчаются чаще другихъ и могутъ даже считаться явленіями обычными во всякой художественной литературѣ (разумѣется, въ весьма разнообразныхъ формахъ и въ соединеніи съ талантами различной глубины и силы). Но бываютъ и иныя—рѣдкія—интуиціи, представляющія собою нѣчто исключительное и трудно-опредѣлимое. Таковъ, напр., тотъ порядокъ мыслей

и чувствъ, подъ властью котораго творилъ Достоевскій и который впервые былъ раскрытъ и опредѣленъ Н. К. Михайловскимъ въ статьѣ «Жестокій талантъ». Не вполне выясненъ еще характеръ интуиціи (повидимому, очень сложной и своеобразной) Гл. Успенскаго.

Все это по преимуществу мрачныя, скорбныя настроенія. Но возможно, что, при болѣе тщательномъ изученіи искусства съ точки зрѣнія, здѣсь намѣченной, найдутся художники-экспериментаторы, творившіе подъ наитіемъ болѣе свѣтлыхъ созерцаній, болѣе радужныхъ чувствъ и мыслей. Во всякомъ случаѣ они — рѣдкость, ихъ нужно искать, между тѣмъ какъ представители мрачныхъ и скорбныхъ интуицій—явленіе обычное. Это — фактъ знаменательный, наводящій на рядъ новыхъ вопросовъ, нѣкоторые изъ которыхъ мы затронемъ впослѣдствіи...

Во избѣжаніе недоразумѣній, укажу сейчасъ же на то, что многія изъ чувствъ и мыслей, служащихъ интуиціей художниковъ-экспериментаторовъ, вовсе не составляютъ ихъ монополіи и найдутся и у художниковъ-наблюдателей. Но рѣзкое различіе между тѣми и другими въ томъ, что, какъ было уже указано выше, у вторыхъ эти чувства и мысли уравниваются чувствами и мыслями иного порядка и иной окраски, а главное они являются не какъ интуиція, не въ началѣ процесса, а чаще всего въ концѣ его, какъ результатъ творчества, какъ горькій осадокъ созерцаній, какъ итогъ художественнаго познанія добра и зла человѣческаго. Во всякомъ случаѣ это у нихъ не предпосылка и не пружина творчества, какъ у художниковъ-экспериментаторовъ.

У этихъ послѣднихъ всегда наготовѣ данный порядокъ чувствъ и мыслей, являющійся свойственною данному художнику формою апперцепціи впечатлѣній жизни, и *иногда* эта форма получаетъ характеръ «большой посылки» «художественнаго силлогизма», такъ что процессъ творчества перестаетъ быть строго-индуктивнымъ и становится *въ нѣкоторой мѣрѣ дедуктивнымъ*. Образъ, созданный

художникомъ, остается, конечно, въ существѣ дѣла индуктивнымъ обобщеніемъ извѣстныхъ явленій, но онъ въ то же время сбивается и на выводъ изъ «предпосылки интуиціи», на иллюстрацію къ ней. Это замѣтно у Гл. Успенскаго въ большей степени, чѣмъ у другихъ.

Интуиція художника-экспериментатора даетъ творческому процессу опредѣленное направленіе и рѣзко выраженную «окраску», и явленія жизни, образы людей выходятъ изъ этой лабораторіи въ коренной переработкѣ, въ особомъ освѣщеніи. Тогда-то и получается столь извѣстный художественный эффектъ: образы и картины, строго говоря, *не правдивы* въ смыслѣ точнаго и разносторонняго изображенія дѣйствительности, но они по своему говорятъ намъ о дѣйствительности, о человѣкѣ, о челоѣчествѣ ту грустную или страшную правду, которую не скажетъ самое точное изображеніе ихъ.

II.

Эту страшную и грустную правду сразу схватилъ и понималъ Пушкинъ, когда Гоголь читалъ ему первые наброски «Мертвыхъ душъ».

Въ извѣстныхъ «письмахъ къ разнымъ лицамъ по поводу «Мертвыхъ душъ» Гоголь говоритъ объ этомъ такъ: «...когда я читалъ Пушкину первыя главы изъ «Мертвыхъ душъ», въ томъ видѣ, какъ онѣ были прежде, то Пушкинъ, который всегда смѣялся при моемъ чтеніи (онъ же былъ охотникъ до смѣха), началъ понемногу становиться все сумрачнѣе, сумрачнѣе, а наконецъ сдѣлался совсѣмъ мраченъ. Когда же чтеніе кончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски: «Боже, какъ грустна наша Россія!» Меня это изумило. Пушкинъ, который такъ зналъ Россію, не замѣтилъ, что все это карикатура и моя собственная выдумка! Тутъ-то я увидѣлъ, что значить дѣло, взятое изъ души, и вообще душевная правда, и въ какомъ ужасающемъ для челоѣка видѣ можетъ быть ему представлена

тьма и пугающее *отсутствіе свѣта* ¹⁾). Съ этихъ поръ я уже сталъ думать только о томъ, какъ бы смягчить то тягостное впечатлѣніе, которое могли произвести «Мертвыя души» (Сочин. Гоголя подъ редакціей Н. С. Тихонравова, 1889 г., т. IV, стр. 88—89).

Это свидѣтельство весьма характерно, какъ для самого Гоголя, такъ и для того художественнаго метода, однимъ изъ величайшихъ представителей котораго онъ является.

Для самого Гоголя здѣсь характерны сбивчивость и неясность рефлектирующей мысли художника, т.-е. пониманія путей и приемовъ собственнаго творчества. Объ этой сторонѣ ума Гоголя у насъ будетъ рѣчь въ дальнѣйшемъ. Здѣсь же постараемся извлечь изъ приведеннаго отрывка то, что относится къ сейчасъ занимающему насъ вопросу о различіи между наблюденіемъ и опытомъ въ искусствѣ, между душевнымъ складомъ художника-наблюдателя и душевнымъ складомъ художника-экспериментатора.

Отрывокъ прежде всего устанавливаетъ историческій фактъ, представляющій высокій интересъ какъ историко-литературный, такъ и психологическій.

Пушкинъ, художникъ-наблюдатель по преимуществу, сразу понялъ, прочувствовалъ и оцѣнилъ тотъ, вѣроятно, еще далеко не совершенный, но, безъ сомнѣнія, уже геніальный экспериментъ, который былъ сдѣланъ Гоголемъ въ первомъ наброскѣ «Мертвыхъ душъ». И, конечно, при всемъ несовершенствѣ это не была «карикатура и выдумка», какъ выражается Гоголь въ приведенномъ отрывкѣ. Если бы это была именно «карикатура и выдумка», Пушкинъ продолжалъ бы смѣяться. Но великому художнику-наблюдателю было не до смѣха,—онъ, съ его изумительнымъ даромъ пониманія, хорошо понялъ всю глубину захвата, всю обнаженную правду того, что читалъ ему великій художникъ-экспериментаторъ. Мрачное настроеніе Пушкина, эти, сказанныя «голосомъ тоски», слова

¹⁾ Курсивъ Гоголя.

его: «Боже, какъ грустна наша Россія!»—служать наилучшимъ доказательствомъ того, что опытъ былъ поставленъ правильно, что—при всѣхъ недостаткахъ первоначальнаго исполненія—онъ являлся настоящимъ откровеніемъ, новымъ словомъ въ русскомъ искусствѣ и русскомъ самосознаніи.

Опытъ былъ проведенъ смѣло и рѣзко. Непосредственно передъ вышеприведенной выдержкой о Пушкинѣ Гоголь говоритъ: «Если бы кто видѣлъ тѣ чудовища, которыя выходили изъ-подъ пера моего вначалѣ для меня самого, онъ бы, точно, содрогнулся». И самый эпизодъ о Пушкинѣ приводится какъ подтвержденіе этого. Но очевидно эти «чудовища» не были какіе-нибудь невѣроятные злодѣи,—это были все тѣ же Чичиковы, Маниловы, Ноздревы, Собакевичи, только рѣзче очерченные, болѣе безнадежно-пошлые, еще не подвергшіеся тому «смягченію», о которомъ говоритъ Гоголь ниже. Угнетающимъ образомъ дѣйствовалъ результатъ опыта,—добытая имъ правда о пошломъ человѣкѣ, картина русской жизни, полной «тьмы», «пугающее отсутствіе свѣта».

Конечно, Пушкинъ и безъ Гоголя отлично зналъ, какъ много на Руси пошлости и тьмы, но онъ не реагировалъ на это такъ, какъ реагировалъ Гоголь. Это обуславливалось всею натурой Пушкина и его художественнымъ гениемъ. Душа, открытая всѣмъ впечатлѣніямъ и всѣмъ сочувствіямъ, любознательный и воспріимчивый умъ, разносторонность натуры, живой интересъ къ дѣйствительности въ многообразныхъ ея проявленіяхъ—таковы тѣ особенности душевной организации, въ силу которыхъ Пушкинъ былъ въ искусствѣ художникомъ-наблюдателемъ и вмѣстѣ мыслителемъ, а въ жизни—мыслящимъ и передовымъ человекомъ, откликавшимся на всѣ важнѣйшіе интересы и запросы времени. Онъ бодро и сочувственно, съ заинтересованнымъ вниманіемъ, смотрѣлъ на Божій міръ и, наблюдая людей и жизнь, почти не заглядывалъ, развѣ урывками и случайно, въ свою собственную душу. Онъ не

думалъ о себѣ, какъ не думаетъ о себѣ естествоиспытатель, наблюдая природу.

Художникъ такого пошиба, несмотря на всю отзывчивость, какая ему свойственна, и на всю глубину его захвата, не можетъ, забывъ объ остальномъ, сосредоточиться исключительно на созерцаніи одной какой-либо стороны жизни; въ особенности чужды ему тѣ настроенія, которыя заставляли бы его реагировать на тьму и пошлость жизни такъ, чтобы стать нечувствительнымъ или не слишкомъ восприимчивымъ къ другимъ впечатлѣніямъ. Мало того: не только въ самой действительности («въ натурѣ»), но даже въ гениальномъ изображеніи Грибоѣдова пошлость и тьма русской жизни не могли привести Пушкина въ то мрачное настроеніе, о какомъ говоритъ Гоголь. Къ этой сторонѣ жизни и человѣка Пушкинъ, гений жизнерадостный и уравновѣшенный, не былъ *близко-восприимчивъ*. Онъ понималъ ее умомъ и отзывался на нее легкимъ юморомъ или мимолетною грустью (какъ, напр., въ «Евг. Онегинѣ»). И только когда великій магъ и волшебникъ экспериментальнаго творчества показалъ ему въ сгущенномъ видѣ тьму и пошлость русской жизни, онъ впервые содрогнулся передъ этимъ зловѣщимъ призракомъ и реагировалъ на него уже не юморомъ и грустью, а глубокою скорбью.

Художникъ-экспериментаторъ, которому удалось произвести такой эффектъ, по самой натурѣ своей представлялъ прямую противоположность Пушкину.

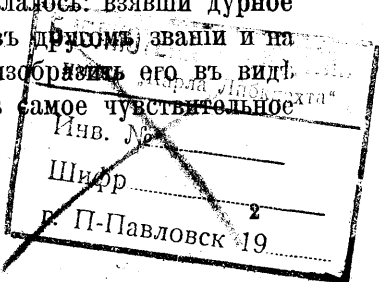
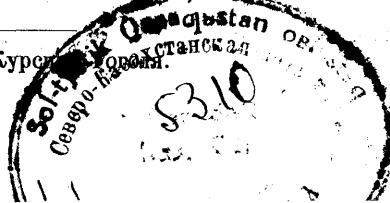
Сосредоточенный и замкнутый въ себѣ, неэкспансивный, склонный къ самоанализу и самобичеванію, предрасположенный къ меланхоліи и мизантропіи, натура неуравновѣшенная, Гоголь смотрѣлъ на Божій міръ сквозь призму своихъ настроеній, большею частью очень сложныхъ и психологически-темныхъ, и видѣлъ ярко и въ увеличенномъ масштабѣ преимущественно все темное, мелкое, пошрое, узкое въ человѣкѣ. Кое-что изъ этого порядка отрицательныхъ явленій онъ усматривалъ и въ себѣ са-

3182

момъ,—и тѣмъ живѣе и болѣзненнѣе отзывался онъ на эти впечатлѣнія, идущія отъ другихъ, отъ окружающей среды. Онъ изучалъ ихъ одновременно и въ себѣ, и въ другихъ. Находя въ себѣ нѣкоторые недостатки или «мерзости», какъ онъ выражается, онъ ихъ приписывалъ своимъ героямъ; а съ другой стороны, чужія «мерзости», изображенныя въ герояхъ, онъ сперва, такъ сказать, примѣрялъ къ себѣ, навязывалъ себѣ, чтобы лучше взглянуть въ нихъ и глубже постичь ихъ психологическую природу. Это были своеобразные приемы экспериментальнаго метода въ искусствѣ. Посмотримъ къ нимъ ближе и прежде всего поступимъ, что говорить о нихъ самъ Гоголь.

«Во мнѣ не было никакого извѣстнаго слишкомъ сильнаго порока, но знаменитѣе всего того, во мнѣ заключалось собраніе всѣхъ возможныхъ гадостей, каждой понемногу, и при томъ въ такомъ множествѣ, въ какомъ я еще не встрѣчалъ доселѣ ни въ одномъ человѣкѣ. Богъ далъ мнѣ многостороннюю природу. Онъ составилъ мнѣ также въ душу, уже отъ рожденія моего, нѣсколько хорошихъ свойствъ; но лучшее изъ нихъ, за которое не умѣю какъ возблагодарить Его, было *желаніе быть лучшимъ...*»¹⁾. Далѣе говорится о томъ, что Богъ устроилъ такъ, что дурныя качества Гоголя открывались ему постепенно. И вотъ, «по мѣрѣ того какъ они стали открываться, чуднымъ высшимъ внушеніемъ усиливалось во мнѣ желаніе избавляться отъ нихъ; необыкновеннымъ душевнымъ событіемъ я былъ наведенъ на то, чтобы передавать ихъ моимъ героямъ... Съ этихъ поръ я сталъ надѣлять своихъ героевъ, сверхъ ихъ собственныхъ гадостей, моею собственною дрянью. Вотъ какъ это дѣлалось: взявши дурное свойство мое, я преслѣдовалъ его въ другомъ званіи и на другомъ поприщѣ, старался себѣ изобразить его въ видѣ смертельнаго врага, нанесшаго мнѣ самое чувствительное

1) Курск. Губ. Зем. вѣд. 1864 г. № 10.

оскорбленіе, преслѣдовалъ его злобно, насмѣшкою и всѣмъ, чѣмъ попало» (тамъ же, стр. 87—88).

Ниже читаемъ: «Не думай однако же, послѣ этой исповѣди, чтобы я самъ былъ такой же уродъ, каковы мои герои. Нѣтъ, я не похожъ на нихъ. Я люблю добро, я ищу его и сгораю имъ; но я не люблю моихъ мерзостей и не держу ихъ руку, какъ мои герои... Я уже отъ многихъ своихъ гадостей избавился тѣмъ, что передалъ ихъ своимъ героямъ, ихъ осмѣялъ въ нихъ и заставилъ другихъ также надъ ними посмѣяться...» (тамъ же, стр. 91).

Это любопытное и важное свидѣтельство, какъ и многія другія въ письмахъ Гоголя, вызываетъ нѣкоторыя недомѣянія, которыя нужно устранить, прежде чѣмъ пользоваться имъ для психологіи великаго писателя. Письмо, откуда взяты приведенныя мѣста, относится къ 1843 году, когда извѣстная «перемѣна» или «душевное разстройство» Гоголя довольно далеко подвинулось впередъ. Характеръ этого разстройства, если не ошибаюсь, не вполне выясненъ ¹⁾. Но въ немъ нельзя не замѣтить между прочимъ того, что можно назвать «нравственной ипохондріей»: Гоголь явно преувеличивалъ недостатки своего характера и, кромѣ того, усматривалъ въ себѣ такіе, которыхъ совсѣмъ не было. Но помимо разныхъ недостатковъ, дѣйствительныхъ и мнимыхъ, едва ли не въ большей степени угнетало его присутствіе, обыкновенно не замѣчаемое нами, того душевнаго сора и хлама, который годами накопляется во всякой душѣ человѣческой. Вспомнимъ знаменитое мѣсто въ VII-ой главѣ «Мертвыхъ душъ», гдѣ говорится о писателѣ, «дерзнувшемъ вызвать наружу все, что ежеминутно предъ очами, и чего не зрять равнодушныя очи,—*всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ...*» Нѣтъ че-

1) Къ сожалѣнію, мнѣ не извѣстенъ пока рефератъ доктора Баженова о болѣзни Гоголя.

ловѣка, который не былъ бы опутанъ «тиною мелочей повседневной жизни», нѣтъ такого характера и ума, который не былъ бы или, по крайней мѣрѣ, не казался «раздробленнымъ» соромъ жизни, хламомъ будней, накапливающимся годами, опошливающимъ и изнашивающимъ душу человѣческую. Это опошливаніе или изнашивание души, это раздробленіе характера, замѣчаемое въ себѣ самомъ, причиняло Гоголю нестерпимую душевную боль. Въ его разгоряченномъ воображеніи все это принимало фантастическіе размѣры. Это и была та «мерзость» и «дрянь» душевная, на борьбу съ которою онъ выступалъ какъ художникъ и какъ моралистъ. Исторію и психологію этой борьбы мы рассмотримъ въ особой главѣ. Пока для насъ достаточно сдѣланныхъ здѣсь указаній, поясняющихъ вышеприведенную выдержку изъ «Писемъ по поводу «Мертвыхъ душъ». Процессъ художественнаго творчества, охарактеризованный въ этой выдержкѣ, представляетъ намъ картину, можно сказать, діаметрально-противоположную той, какую мы находимъ у Пушкина: выдѣленіе, въ художественномъ опытѣ, извѣстныхъ — отрицательныхъ — сторонъ жизни и души человѣческой, изученіе ихъ въ себѣ путемъ самоанализа, преувеличеніе ихъ значенія, болезненное реагированіе на нихъ, переходъ отъ самоанализа къ самобичеванію, жажда освободиться отъ нихъ, взглядъ на художественное творчество какъ на путь къ этому освобожденію...

Но пойдемъ дальше. Художественные опыты въ указанномъ направленіи Гоголь производилъ не только надъ собою, но и надъ другими. Это видно уже изъ того мѣста, гдѣ онъ говоритъ, что онъ надѣлялъ своихъ героев своею душевною «дрянюю» — *«сверхъ ихъ собственныхъ гадостей»*. Это поясняется нижеслѣдующимъ: «...для первой части поэмы требовались именно люди ничтожные. Эти ничтожные люди однако же ни чуть не портреты съ ничтожныхъ людей; напротивъ, въ нихъ собраны черты тѣхъ, которые считаютъ себя лучшими другихъ разумѣется,

только въ разжалованномъ видѣ изъ генераловъ въ солдаты. Тутъ, кромѣ моихъ собственныхъ, есть даже черты многихъ моихъ пріятелей, есть и твои ¹⁾. *Мнѣ необходимо было отобрать отъ всѣхъ прекрасныхъ людей, которыхъ я зналъ, все пошлое и гадкое, что они захватили нечаянно, и возвратитъ ихъ законнымъ владѣльцамъ...*» (курсивъ мой) (тамъ же, стр. 89).

И кто знаетъ, быть можетъ, въ Собакевича вошло нѣчто отъ Погодина, въ Манилова—наприм., отъ Плетнева и т. д.

Эта сторона въ творествѣ Гоголя, сторона объективная, заслуживаетъ внимательнаго разсмотрѣнія. Что она имѣла психологическій смыслъ *опыта*, а не чистаго наблюденія, представляется несомнѣннымъ. Гоголь и здѣсь не просто наблюдалъ и созерцалъ, а *мучительно реагировалъ, болезненно отзывался*, преувеличивалъ, перерабатывалъ изучаемыя стороны души человѣческой.

Вопросъ этотъ тѣснѣйшимъ образомъ связывается съ другимъ—о личныхъ отношеніяхъ Гоголя къ знакомымъ и близкимъ, о странностяхъ и неровностяхъ въ его общеніи съ людьми, о разныхъ недоразумѣніяхъ, возникшихъ на этой почвѣ, наконецъ, о столь извѣстномъ отсутствіи правдивости и простоты въ его поступкахъ, въ разговорѣ, въ письмахъ. Мы здѣсь не разсматриваемъ Гоголя какъ человѣка и потому не можемъ вдаваться въ подробности вопроса о его характерѣ; но такъ какъ, по нашему мнѣнію, нѣкоторыя черты характера Гоголя связаны съ его художественнымъ методомъ, раскрытію котораго посвящена эта статья, то необходимо отмѣтить здѣсь эти черты. Сюда прежде всего относится извѣстная склонность Гоголя скрывать, симулировать, мистифи-

¹⁾ Не Плетневъ ли?—Н. С. Тихонравовъ предполагаетъ, впрочемъ, что всѣ 4 отрывка могли и не быть письмами, раньше написанными къ извѣстнымъ лицамъ, а „относятся къ числу тѣхъ немногихъ статей, которыя были прибавлены къ „Перепискѣ съ друзьями“ (Соч. Гог., т. IV, стр. 521).

цировать. Напомнимъ показаніе весьма авторитетнаго свидѣтеля, гласящее, что «Гоголь былъ не лгунъ, а выдумщикъ, и всегда готовъ былъ сочинить цѣлую сказку, чтобъ отдѣлаться какъ-нибудь отъ скучныхъ или непріятныхъ вопросовъ» (См. примѣчанія Тихонравова во II-мъ томѣ Сочин. Гоголя, изд. 1889 г., стр. 649). Этотъ отзывъ принадлежитъ *С. Т. Аксакову*, который такъ хорошо зналъ Гоголя какъ человѣка и раньше и лучше многихъ понималъ и оцѣнилъ его какъ художника. Въ высокой степени цѣнны для насъ также слѣдующія слова С. Т. Аксакова (въ его извѣстной «Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ», напечатанной въ «Русск. Архивѣ» 1890 г.): «...объясняя себѣ поступки Гоголя его природною скрытностью и замкнутостью, его правилами, принятыми съиздѣтельства, что иногда должно не только не говорить настоящей правды людямъ, но и выдумывать всякій вздоръ для скрытія истины, я старался успокоить другихъ моими объясненіями. Я приписывалъ скрытность и даже какую-нибудь пустую ложь, которую употреблялъ иногда Гоголь, когда его уличали въ неискренности, единственно странности его характера и его разсѣянности... Впрочемъ, я долженъ сказать, что странности Гоголя иногда были не объяснимы и остались навсегда для меня загадками... Мнѣ приходилось объяснять самому себѣ поступки Гоголя точно такъ, какъ я объяснялъ ихъ другимъ, т.-е. что мы не можемъ судить Гоголя по себѣ, даже не можемъ понимать его впечатлѣній, потому что, вѣроятно, весь организмъ его устроенъ какъ-нибудь иначе, чѣмъ у насъ; что нервы его можетъ быть во сто разъ тоньше нашихъ: слышать то, чего мы не слышимъ, и содрогаться отъ причинъ намъ неизвѣстныхъ» («Исторія моего знакомства съ Гоголемъ», стр. 54).

И дѣйствительно, нервная и душевная организація этого необыкновеннаго человѣка представляла собою крайне чувствительный аппаратъ, дѣятельность котораго приводила къ тому, что Гоголь въ своихъ отношеніяхъ къ лю-

дамъ поневоля оказывался человѣкомъ двойственнымъ и вѣль, такъ сказать, двойную бухгалтерію: короткое знакомство, добрыя отношенія, уваженіе, дружба и т. д., связывавшія его со многими, осложнялись, отравлялись и портились преувеличенною, болѣзненною чувствительностью Гоголя къ «оборотной сторонѣ» хорошаго человѣка, ко всему мелкому, узкому и пошлому, что, въ той или иной мѣрѣ, свойственно всякой душѣ человѣческой. Гоголь могъ любить, уважать и цѣнить того или другого изъ близкихъ къ нему людей, хорошо зная его добрыя качества, умъ, честность и проч.; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ упорно и пристально, точно пригвожденный, всматривался въ обратную сторону хорошаго человѣка, и вотъ рядомъ съ этимъ человѣкомъ вырасталъ другой, его двойникъ, составленный изъ его пошлыхъ чертъ, изъ хлама и сора его души. Этотъ фантомъ становился между хорошимъ человѣкомъ и Гоголемъ и путалъ ихъ отношенія, нарушалъ ихъ простоту и искренность, но зато онъ же очень помогалъ художнику, служа ему «моделью» и «натурою»...

Оборотную сторону души человѣческой, пошлаго человѣка въ хорошемъ Гоголь видѣлъ сквозь самый толстый слой разныхъ добродѣтелей, сквозь непроницаемую броню всевозможныхъ высокихъ качествъ какъ показныхъ, такъ и дѣйствительныхъ. И потому-то такъ часто люди бывали ему противны, какъ и самъ онъ бывалъ противенъ себѣ. Съ годами, съ развитіемъ его душевнаго расстройства, эта сторона въ немъ разрасталась въ презрѣніе къ людямъ, въ мизантропію,—настроенія крайне тягостныя для натуры гениально художественной, глубоко гуманной и съ серьезными задатками моральныхъ стремленій.

Выдѣленіе «оборотной стороны» хорошаго человѣка и созданіе «двойниковъ», о которыхъ мы только что говорили, было художественнымъ экспериментомъ, на добрую долю произвольнымъ и бессознательнымъ: Гоголь не могъ не дѣлать этого и самъ не замѣчалъ, какъ это дѣ-

лалось. Но разъ двойникъ былъ готовъ; Гоголь нерѣдко производилъ надъ нимъ уже сознательные и преднамѣренные опыты.

Экспериментированіе надъ человѣкомъ было у Гоголя коренною, органическою чертой ума и натуры. Нарочито сказать то или другое или поступить такъ или иначе—съ цѣлью посмотрѣть, какъ это отразится, что отвѣтитъ или сдѣлаетъ экспериментируемый субъектъ,—это было, можно сказать, любимымъ занятіемъ Гоголя,—и самъ онъ порою склоненъ былъ смотрѣть какъ на «опытъ» даже на тѣ поступки свои, которые, по первоначальному замыслу, могли и не быть таковыми. Такъ, наприм., въ томъ же письмѣ по поводу «Мертвыхъ душъ», откуда мы взяли вышеприведенныя выдержки, онъ между прочимъ говорить, что ему «хотѣлось *попробовать*, что скажетъ вообще русскій человѣкъ, если его попотчуешь его же собственною пошлостью» (Соч. Гог. 1889, IV, стр. 89). Въ письмахъ Гоголя встрѣчаются указанія на то, что онъ нерѣдко говорилъ другимъ разныя непріятности и даже устраивалъ ссору съ цѣлью заставить ихъ высказаться. Такъ, напр., въ письмѣ къ Балабиной (отъ 7 ноября 1838 г.) онъ говорить: «Когда я былъ въ школѣ и былъ юношей, я былъ очень самолюбивъ...; мнѣ хотѣлось смертельно знать, что обо мнѣ говорятъ и думаютъ другіе. Мнѣ казалось, что все то, что мнѣ говорили, было не то, что обо мнѣ думали. Я нарочно старался завести ссору съ моимъ товарищемъ, и тотъ натурально въ сердцахъ высказывалъ мнѣ все то, что во мнѣ было дурного. Мнѣ этого было только и нужно...» Къ такому маневру прибѣгалъ Гоголь и впослѣдствіи. Въ письмѣ къ Шевыреву отъ 14 декабря 1844 г. онъ признается, что «иногда нарочно сердилъ» Погодина «только за тѣмъ, чтобы узнать, что онъ обо мнѣ думаетъ». Въ томъ и другомъ мѣстѣ по этому поводу высказывается мысль, что люди говорятъ правду только тогда, когда они раздражены, разсержены («только разсердившись, говорится правда»—въ письмѣ

7 ноября 1838 г.).—Къ этой мысли возвращается Гоголь, говоря о различныхъ недоумѣнiяхъ, вызванныхъ его книгою «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». Такъ, въ письмѣ къ Шевыреву отъ 10 марта 1847 г. читаемъ: «...эта разность, дикость и заносчивость много въ моей книгѣ расшевелить и задѣнетъ за живое многихъ умныхъ людей. Что же дѣлать, если такова натура русскаго человѣка, что его не заставишь до тѣхъ поръ говорить, покуда не выведешь его изъ терпѣнiя, зацѣпя за самую живую струну. Повѣрь, что безъ этой книги мнѣ бы не узнать всего того, что мнѣ необходимо знать для того, чтобы мои «Мертвыя души» вышли *то*, чѣмъ имъ слѣдуетъ быть». Такимъ образомъ изданiе «Выбранныхъ мѣстъ» представляется самимъ Гоголемъ какъ своего рода экспериментъ художника, произведенный надъ русскимъ обществомъ. Первоначальное побужденiе могло быть и, вѣроятно, было иное: Гоголь просто хотѣлъ поучать, морализировать. Но, разъ дѣло было сдѣлано, и книга произвела столь извѣстное—отрицательное—впечатлѣнiе на общество, Гоголь самъ сталъ смотрѣть на это предпрiятiе какъ на родъ опыта и прислушивался къ отзывамъ о книгѣ и различнымъ толкамъ о ея явторѣ—какъ экспериментаторъ, который хочетъ такимъ путемъ узнать людей да кстати провѣрить и себя самого. Въ письмахъ 1847 года мы часто встрѣчаемъ настойчивыя просьбы сообщать ему все, что говорятъ и пишутъ о книгѣ и о немъ. Въ томъ же письмѣ къ Шевыреву читаемъ: «Передавай самыя жесткiя, самыя язвительныя слова. Говорю тебѣ истинно, что отъ всего этого такая польза уму, сердцу и душѣ моей, какъ ты и представить себѣ не сумѣешь... Проси и другихъ записывать въ простотѣ и безхитростно всѣ слова, какiя ни услышать, именно, какъ ихъ услышать»... Нѣсколько раньше, Гоголь, по тому же поводу, писалъ С. Т. Аксакову: «На книгу мою нападуть со всѣхъ угловъ, со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ возможныхъ отношенiяхъ. Эти

нападенія мнѣ теперь слишкомъ нужны: они покажутъ мнѣ болѣе *меня самого* и покажутъ мнѣ въ то же время *васъ*, то-есть *моихъ читателей*. Не увидѣвши яснѣе, что такое въ настоящую минуту я самъ и что такое мои читатели, я былъ бы въ рѣшительной невозможности сдѣлать дѣльно свое дѣло» (письмо отъ 20 янв. н. ст. 1847 года).—«Одно помышленіе о томъ, съ какимъ неприличіемъ и самоувѣренностью сказано въ ней (въ книгѣ «Выбранныя мѣста») многое (читаемъ въ письмѣ къ кн. Л—ву, отъ 20 марта 1847 г.), заставляетъ меня горѣть со стыда... Стыдъ этотъ мнѣ нуженъ. Не пояись моя книга, мнѣ бы не было и въ половину извѣстно мое состояніе душевное...»—Въ письмѣ къ Плетневу (отъ 17 апрѣля 1847 г.) находимъ слѣдующее, характерное для Гоголя, заявленіе: «Повѣрь, что безъ этой книги не было бы на чемъ *испробовать нынѣшняго человека* *). А проба эта нужна, и въ этомъ отношеніи книга моя, несмотря на всѣ ея недостатки, сокровище. Ты самъ это испытаешь, если будешь на ней *пробовать* *) человека. Онъ отъ тебя не скроется въ своихъ сокровенныхъ и главнѣйшихъ помышленіяхъ, и состояніе души его выступитъ передъ тобою какъ разъ...» То же самое говоритъ онъ и въ письмѣ къ Смирновой (20 апр. 1847): «Замѣтили ли вы необыкновенное свойство моей книги... служить *пробнымъ камнемъ для узнанія нынѣшняго человека*? *) Въ сужденіяхъ своихъ о ней обнаружится предъ вами весь человекъ, даже позабывши свою осторожность. *Это весьма не бездѣлица для писателя, а особливо такого, для котораго предметомъ сталъ не шутя человекъ и душа человека* *)». Приведемъ еще такое же мѣсто изъ письма къ Шевыреву (27 апр. 1847 г.): «Книга имѣетъ свойство пробнаго камня: повѣрь, что на ней испробуешь какъ разъ нынѣшняго человека. Въ сужденіяхъ о ней непременно выскажется человекъ, со всѣми своими помышленіями,

*) Курсивъ мой.

даже тѣми, которыя онъ осторожно таить отъ всѣхъ, и вдругъ станетъ видно, на какой степени своего душевнаго состоянія стоитъ онъ. Вотъ почему мнѣ такъ хочется собрать всѣ толки всѣхъ о моей книгѣ».

Нельзя сомнѣваться въ искренности этихъ заявленій: слишкомъ часто повторяются они, и по всему видно, что эта мысль глубоко засѣла въ умѣ Гоголя.

Характерны и слѣдующія строчки того же письма: «Хорошо бы прилагать при всякомъ мнѣніи портретъ ¹⁾ того лица, которому мнѣніе принадлежитъ, если лицо мнѣ незнакомо. Повѣрь, что мнѣ нужно основательно и радикально пощупать общество».

Эти выдержки рисуютъ намъ Гоголя, какъ *экспериментатора души человеческой*. Онъ ее изслѣдовалъ (всегда ли съ успѣхомъ,—это другой вопросъ) этими экспериментальными приемами съ двоякою цѣлью: *моральною* и *художественною*. И любопытно, что тѣмъ больше овладѣвали имъ стремленія моральныя, тѣмъ живѣе сказывались и настойчивѣе заявляли о себѣ и его чисто-художественные интересы. Этика и искусство шли у него объ руку, не мѣшая другъ другу. Подтвержденія этому мы дадимъ въ дальнѣйшемъ. Здѣсь же укажу только на тѣ мѣста его писемъ, гдѣ онъ проситъ сообщать ему всякія подробности, разныя мелочи жизни и обстановки, характеристики («портреты») лицъ и отмѣчать черты типическія. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ къ Смирновой (отъ 27 янв. 1846 г.) онъ говоритъ: «Въ душѣ и сердцѣ человѣческомъ столько есть неувимыхъ оттѣнковъ и излучинъ, что всякій день могутъ случиться открытія и откровенія... Определите мнѣ характеры всѣхъ находящихся въ Калугѣ; не пропускайте мелочей и подробностей. Вы знаете, что я до нихъ охотникъ и что по нимъ мнѣ удавалось узнать многое, многое въ человѣкѣ, вовсе не мелочное, котораго иногда онъ не только не откры-

¹⁾ Т.-е. характеристику.

васть другимъ, но и самъ не знаетъ».—Въ другомъ письмѣ онъ проситъ Смирнову набрасывать для него очерки провинціальныхъ типовъ. «Напримѣръ, выставьте сегодня заглавіе: *Городская львица*, и, взявши одну изъ нихъ, такую, которая можетъ быть представительницею всѣхъ провинціальныхъ львицъ, опишите мнѣ ее со всѣми ухватками—и какъ садится, и какъ говоритъ, и въ какихъ платьяхъ ходитъ, и какого рода лбамъ кружить голову, — словомъ, личный портретъ во всѣхъ подробностяхъ. Потомъ завтра выставьте заглавіе: *Непонятая женщина*, и опишите мнѣ такимъ же образомъ непонятую женщину. Потомъ: *Городская добродѣтельная женщина*; потомъ: *Честный взяточникъ*; потомъ: *Губернскій левъ*». (пис. 22 фев. 1847).—Съ такою же просьбою обращается онъ къ А. С. Данилевскому и его женѣ (письмо отъ 18 марта 1847 г.), жившимъ въ Кіевѣ. «Эти бѣглые наброски съ натуры,—говоритъ онъ,—мнѣ теперь такъ нужны, какъ живописцу, который пишетъ большую картину, нужны этюды. Онъ хотъ, повидимому, и не вносить этихъ этюдовъ въ свою картину, но безпрестанно соображается съ ними, чтобы не напутать, не наврать и не отдалиться отъ природы».

Во всемъ этомъ ярко сказывается уже не моралистъ, а художникъ. Всѣ эти характеристики провинціальныхъ типовъ, эти наброски съ натуры, а также и разныя подробности и мелочи житейскаго обихода нужны были Гоголю именно какъ *художнику-реалисту*. Но не слѣдуетъ заключать отсюда, чтобы онъ въ этомъ случаѣ преслѣдовалъ задачу широкаго и разносторонняго бытописанія. Нѣтъ, онъ не задавался цѣлью описывать жизнь людей и изображать общество того времени такъ, чтобы вышла правдивая, исчерпывающая картина дѣйствительности. Онъ хотѣлъ только, чтобы тѣ образы, которые онъ создаетъ, были взяты изъ жизни, приурочены къ мѣсту и времени и производили иллюзію живыхъ людей, живьемъ выхваченныхъ изъ дѣйствительности. Объ этомъ

свидѣтельствуютъ слѣдующія мѣста изъ писемъ: «Не будутъ живы мои образы, если я не сострою ихъ изъ нашего матеріала, изъ нашей земли, такъ что всякъ почувствуетъ, что это изъ его же тѣла взято» (письмо къ Смирновой отъ 22 февр. 1847 г.). «Моя поэма, можетъ быть, очень нужная и очень полезная вещь, потому что никакая проповѣдь не въ силахъ такъ подѣйствовать, какъ рядъ *живыхъ примѣровъ*, взятыхъ изъ той же земли, изъ того же тѣла, изъ котораго и мы» (письмо къ Данилевскому и его женѣ, отъ 18 марта 1847 г.).— Тутъ же находимъ характерныя слова: «...мнѣ теперь очень нуженъ русскій человѣкъ, вездѣ, гдѣ бы онъ ни находился, въ какомъ бы званіи и сословіи онъ ни былъ».

Предметомъ, на которомъ сосредоточивались художественные и иные интересы Гоголя, былъ именно *русскій человѣкъ, психологія русскаго человѣка*, а не русская жизнь въ ея цѣломъ, въ ея statu quo и ея движеніи. Гоголь былъ по преимуществу *художникъ-психологъ*, какъ это вообще свойственно художникамъ экспериментаторамъ. Какъ человѣкъ и какъ моралистъ, онъ былъ весь погруженъ въ тѣ вопросы, которые онъ обозначаетъ терминомъ «душевное дѣло». Оно же составляло и объектъ его художественныхъ изысканій.

Здѣсь-то и выступалъ онъ какъ экспериментаторъ.

Прочтемъ слѣдующія строки изъ письма къ Плетневу отъ 5 янв. н. с. 1847 г.: «Драгоцѣнный даръ *слышать душу* *) человѣка мнѣ уже былъ издавна дарованъ Богомъ, и въ неразвитомъ своемъ состояніи онъ уже *руководилъ меня въ разговорахъ съ людьми* *), и передо мною сами собой отдѣлялись звуки истинныхъ словъ отъ звуковъ фальшивыхъ въ одномъ и томъ же человѣкѣ. Поэтому я весьма рано сталъ примѣчать, что есть дурного въ хорошемъ человѣкѣ и что есть хорошаго въ дурномъ человѣкѣ. Ко мнѣ становился человѣкъ вовсе не тою *стороною*,

*) Курсивъ мой.

какою онъ самъ хотѣлъ стать предо мною; онъ становился противувольно той стороною своей, которую мнѣ любопытно было узнать въ немъ, такъ что онъ иногда, самъ не зная какъ, обнаруживалъ себя предо мною больше, чѣмъ онъ самъ себя зналъ».

Здѣсь-то и слѣдуетъ искать главную причину тѣхъ недоразумѣній, какія такъ часто возникали между Гоголемъ и его друзьями. Аксаковы, Погодинъ, Шевыревъ, Плетневъ и другіе относились къ нему просто, душевно и бережно (даже Погодинъ, несмотря на недостатокъ деликатности и подчасъ грубоватость, впрочемъ благодущную), цѣня въ немъ великаго писателя, надежду и гордость Россіи. Съ своей стороны и онъ хотѣлъ бы относиться къ нимъ такъ же просто и душевно, — и порою это и удавалось ему. Но онъ не въ силахъ былъ выдержать эту роль до конца: онъ невольно становился въ положеніе изслѣдователя чужой души человѣческой, какъ всегда былъ изслѣдователемъ своей, — его друзья превращались въ объекты этихъ изысканій, — и простыя отношенія по необходимости осложнялись и портились. Нельзя безнаказанно копать подолгу и слишкомъ усердно ни въ своей, ни въ чужой душѣ: непременно опротивишь самъ себѣ и другія тебѣ опротивятъ. И я думаю, что, помимо всего прочаго, душевное разстройство Гоголя отчасти связывалось и съ этимъ вѣчнымъ самоанализомъ и экспериментированіемъ надъ другими. Характерная въ этомъ отношеніи фраза вырвалась у него въ одномъ письмѣ къ Смирновой (отъ 4 іюня 1845 г.): *«Не страдая теперь ни одной душевной болѣзью, происходящею отъ моихъ отношеній и положеній къ людямъ...»* *) я страдаю весь душою отъ страданій моего тѣла, и душа изнываетъ вся отъ страшной хандры...» — Болѣе всего, какъ говорится, «возились» съ Гоголемъ и баловали его Аксаковы, въ особенности Сергій Тимофеевичъ: въ ихъ домѣ Гоголь

*) Курсивъ мой.

былъ. принять какъ родной, — онъ неизмѣнно встрѣчалъ здѣсь такую ласку, такое участіе, такое снисхожденіе ко всѣмъ его слабостямъ и странностямъ, что, казалось бы, здѣсь - то Гоголь и долженъ былъ бы отдыхать душою и находить убѣжище отъ обуревавшихъ его тревогъ душевныхъ. Однако же оказывается, что для Гоголя радушіе и ласка Аксаковыхъ были тягостны и оказывали на него далеко не благотворное дѣйствіе. Онъ рѣшительно не могъ долго выносить той любви и того обожанія, какія онъ встрѣчалъ въ семьѣ Аксаковыхъ. И вотъ что писалъ онъ объ этомъ Смирновой (въ письмѣ отъ 20 мая 1847 г.): «Хотя я очень уважалъ старика ¹⁾ и добрую жену его за ихъ доброту, любилъ ихъ сына ²⁾ за его юношеское увлеченіе, рожденное отъ чистаго источника, несмотря на неумѣренное, излишнее выраженіе его; но я всегда однако же держалъ себя вдали отъ нихъ. Бывая у нихъ, я почти никогда не говорилъ ничего о себѣ; я старался даже вообще сколько можно меньше говорить и выказывать такіа качества, которыми бы могъ привязать ихъ къ себѣ. Я видѣлъ съ самаго начала, что они способны *залюбить не на животъ, а на смерть...* *) Словомъ, я бѣжалъ отъ ихъ любви...»

Здѣсь необходимо маленькое отступленіе.

Было бы большою ошибкой—основывать на данныхъ этого рода (ихъ найдется не мало) сужденіе о Гоголѣ, какъ о человѣкѣ сухомъ, холодномъ, неблагодарномъ, недобромъ. Онъ былъ человѣкъ несомнѣнно добрый, но недобродушный. Чувство благодарности было, конечно, вполне доступно ему, и онъ не разъ испытывалъ его, но случилось, что онъ поступалъ такъ, какъ можетъ поступать только неблагодарный. Здѣсь мы встрѣчаемся съ неразрѣшимыми, повидимому, противорѣчіями въ характерѣ этого загадочнаго человѣка. Объ этомъ у насъ будетъ рѣчь въ

¹⁾ Сергія Тимофеевича.

²⁾ Константина Сергіевича.

*) Курсивъ мой.

дальнѣйшемъ. Въ данномъ случаѣ относительная холодность и, пожалуй, родъ невольной неблагодарности Гоголя въ отношеніи къ Аксаковымъ отчасти объясняются тѣмъ, что избытокъ восторговъ и обожанія былъ для Гоголя въ данное время (1842—1847) тягостнымъ и досаднымъ осложненіемъ и безъ того трудной внутренней работы, которая въ немъ совершалась. Посвятить Аксаковыхъ въ ходъ этой внутренней работы онъ не могъ, потому что зналъ, что они не поймутъ ея такъ, какъ хотѣлось бы ему.

Попробуемъ представить себѣ эту замкнутую натуру, переживающую тяжелый душевный кризисъ, этотъ умъ, цѣликомъ углубленный въ рѣшеніе мудренной задачи, слагавшейся изъ своеобразно и нерационально поставленныхъ вопросовъ моральнаго и религіознаго самосознанія; вспомнимъ о болѣзненномъ, можетъ быть психопатологическомъ укладѣ натуры великаго человѣка; наконецъ, не будемъ забывать, что въ самомъ разгарѣ этого броженія души, этого разброда и конфликта душевныхъ силъ и стремленій совершалась гениальная работа художника,— и тогда мы поймемъ, какъ болѣзненно должна была содрогаться и сжиматься душа этого страдальца отъ шума восторговъ, казавшихся ему излишними, отъ похвалъ, ему ненужныхъ, отъ всякаго неосторожнаго прикосновенія, отъ всякой попытки заглянуть въ его внутренній міръ.

Вотъ что скрывается подъ вышеприведенными словами Гоголя: «...они (Аксаковы) способны залюбить не на животъ, а на смерть...»

И онъ «бѣжалъ отъ ихъ любви». «Бѣгство» отъ любви такихъ на рѣдкость хорошихъ, искреннихъ, умныхъ и даровитыхъ людей, какъ Аксаковы,—это фактъ, наглядно обрисовывающій всю глубину наболѣвшей потребности Гоголя оставаться замкнутымъ въ себѣ—такъ, чтобы ничто не нарушало тайнаго развитія его внутренней драмы, затаеннаго назрѣванія его душевныхъ мукъ...

Мы имѣемъ здѣсь возможность, употребляя его же выраженіе, «услышать его душу». Попробуемъ не только «услышать», но и понять, объяснить ее. Для этого необходимо сперва разгадать *умъ* Гоголя, опредѣлить его характеръ и особенности. Мы назвали этотъ умъ огромнымъ, но темнымъ, это требуетъ обоснованія и поясненія, чѣмъ мы и займемся въ слѣдующей главѣ, гдѣ, слѣдуя нашему плану, мы сопоставимъ умъ Гоголя съ умомъ Пушкина—огромнымъ и свѣтлымъ.

ГЛАВА II.

Гоголь какъ умъ.

I.

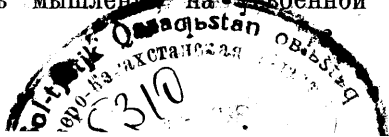
Въ числѣ тѣхъ противорѣчій, которыми изобиловала душевная организація Гоголя, было и слѣдующее, принадлежавшее къ сферѣ его мышленія: съ одной стороны, мы видимъ въ его жизни и дѣятельности упорную, можно сказать, неустанную (за вычетомъ тѣхъ перерывовъ, которые обуславливались обостреніемъ болѣзни) работу ума, съ другой же—ясно улавливаемъ всѣ признаки умственной лѣни. Какъ человѣкъ мыслящій, работающій головою, Гоголь былъ, если можно такъ выразиться: «трудолюбивый лѣнivecъ».

Несовмѣстимость или, лучше, непримиримость этихъ терминовъ—только логическая. Психологически же, т.-е. въ организаціи и дѣятельности ума, эти противорѣчія весьма часто совмѣщаются и даже примиряются, такъ что нерѣдко бывасть очень трудно разобрать, гдѣ кончается трудолюбіе ума и гдѣ начинается его лѣнь. Можно даже утверждать, что это противорѣчіе вытекаетъ изъ основныхъ свойствъ ума человѣческаго, изъ тѣхъ психологическихъ особенностей, которыми сфера мысли отличается отъ другихъ сферъ психики, — отъ чувства и воли. По самой природѣ своей умъ, въ противоположность чувству, есть

вѣчный работникъ: нашъ умъ не перестаетъ дѣйствовать ни на секунду, — онъ работаетъ даже во снѣ, и только смерть прекращаетъ его неутомимую дѣятельность. Эта послѣдняя совершается, какъ извѣстно, двояко: *сознательно* и *безсознательно*. Ослабленіе или заторможеніе сознательной дѣятельности (напр., во снѣ, въ обморокѣ) не устраняетъ работы безсознательной. Умъ работаетъ съ неустанностью заведенныхъ часовъ.

Но этотъ вѣчный труженикъ сплошь и рядомъ оказывается порядочнымъ лѣнтяемъ. Умъ, по самой природѣ своей, не можетъ не работать, но ему зачастую трудно и нежелательно мѣнять направление и ходъ своей работы, сворачивать съ одной дороги на другую, расширять свой кругозоръ, приобрѣтать новые интересы, обращаться къ новому матеріалу, а все это бываетъ безусловно - необходимо для успѣшности самой работы. Всякій изъ насъ по собственному опыту и по наблюденіямъ надъ другими хорошо знаетъ эту прирожденную неповоротливость ума человѣческаго, въ дѣятельности котораго такъ ясно проявляются черты шаблонности и склонность къ автоматизму. Вы привыкли, напр., отъ такого-то часа до такого-то заниматься извѣстнымъ дѣломъ, требующимъ нѣкотораго напряженія мысли. Попробуйте вдругъ нарушить этотъ порядокъ, — перенести данную работу на другіе часы или замѣнить ее другою, — и вы сейчасъ же почувствуете умственные неудобства этой перемѣны, — ваша работа не будетъ идти такъ легко и скоро, какъ прежде, пока вашъ умъ не усвоитъ новой привычки. Нарушеніе установившагося порядка и характера работы ученаго, художника, писателя причиняетъ ему настоящія страданія.

Гораздо важнѣе другое слѣдствіе или выраженіе той же основной психологической черты, той же шаблонности нашего мышленія: я разумѣю здѣсь все то, что можетъ быть подведено подъ понятіе *консервативности* ума человѣческаго. Достаточно извѣстно, какъ легко успокаивается онъ на привычныхъ формахъ мышленія, на усвоенной

системъ возрѣній, на традиціонныхъ понятіяхъ и какъ неохотно приступаетъ онъ къ критическому пересмотру своего достоянія. Даже убѣдившись въ негодности или недостаточности тѣхъ или другихъ усвоенныхъ формъ мысли, умъ человѣческій не хочетъ разстаться съ ними и упорно держится ихъ—по привычкѣ, по традиціи, т.-е., собственно говоря, потому, что ему удобнѣе орудовать ими, чѣмъ другими, новыми, къ которымъ онъ еще не приспособился. А усвоить новыя и построить новую систему возрѣній — это требуетъ труда и новаго навыка. И отъ этой работы умъ, если можно, уклоняется...

Бываютъ счастливо-организованные умы, одаренные исключительною гибкостью и рѣдкою широтой умственныхъ интересовъ, открытые всѣмъ впечатлѣніямъ и возбужденіямъ мышленія, — умы, которые радостно и бодро идутъ впередъ вмѣстѣ съ человѣчествомъ. Таковъ былъ, напр., Гёте... У насъ къ этому умственному типу, несомнѣнно, принадлежалъ Пушкинъ, лозунгомъ котораго было: «на поприщѣ ума нельзя намъ отступать»!

Къ совершенно противоположному типу принадлежалъ Гоголь.

Гоголь былъ современникомъ великихъ событій въ умственной и общественно-политической жизни зап. Европы, которую онъ извѣздилъ вдоль и поперекъ и гдѣ онъ долго жилъ. Оставляя въ сторонѣ движенія общественно-политическаго характера въ тѣсномъ смыслѣ, для пониманія которыхъ у него совсѣмъ не было «органа», мы укажемъ только на движенія и теченія эпохи 20—40-хъ гг. въ сферѣ литературы, искусствъ, науки и философіи. Поэтическое наслѣдіе Гёте и Шиллера въ Германіи, нѣмецкій романтизмъ, потомъ «юная Германія», поэзія Гейне; французская литература съ Гюго, Ламартиномъ, Жоржъ-Зандъ, Бальзакомъ и др., поэтическое наслѣдіе Байрона и новая англійская литература; могучія и глубокія философскія теченія, идущія отъ Гегеля, Фихте, Шеллинга; гуманитарныя и освободительныя идеи, восходящія къ

Спинозѣ, Лессингу, Канту, Гердеру; дальнѣйшее развитіе и критическій пересмотръ этихъ идей въ новой литературѣ; необычайное оживленіе въ области научныхъ изысканій (естествознаніе, лингвистика, право, исторія), привлекавшихъ вниманіе мыслящихъ людей, и т. д. и т. д. — вся эта работа умовъ, вся эта жизнь и роскошь духа, все это для Гоголя не существовало, ко всему этому онъ оставался глухъ и слѣпъ.

Вотъ что говоритъ объ этомъ П. В. Анненковъ въ своей извѣстной статьѣ «Гоголь въ Римѣ»: «...онъ рѣшительно ничего не читалъ изъ французской изящной литературы и принялся за Мольера только послѣ строгаго выговора, даннаго Пушкинымъ за небреженіе къ этому писателю. Такъ же мало зналъ онъ и Шекспира (Гёте и вообще нѣмецкая литература почти не существовали для него), и изъ всѣхъ именъ иностранныхъ поэтовъ и романистовъ было знакомо ему не по наслышкѣ и не по слухамъ одно имя — Вальтеръ-Скотта...» («Воспоминанія и критическіе очерки» 1877, I, стр. 187). И далѣе: «...взлѣбанный уединеніемъ Рима, онъ весь предался творчеству и пересталъ читать и заботиться о томъ, что дѣлается въ остальной Европѣ. Онъ самъ говорилъ, что въ извѣстныя эпохи одна хорошая книга достаточна для наполненія всей жизни человѣка. Въ Римѣ онъ только перечитывалъ любимыя мѣста изъ Данте, Иліады Гнѣдича и стихотвореній Пушкина» (тамъ же, стр. 200).

Обширная переписка Гоголя какъ нельзя лучше подтверждаетъ эти показанія одного изъ достовѣрнѣйшихъ свидѣтелей и дорисовываетъ печальную картину умственной темноты и лѣни Гоголя. Въ этой огромной массѣ писемъ съ трудомъ можно найти двѣ-три страницы, гдѣ сказанъ бы извѣстный интересъ къ тѣмъ или инымъ явленіямъ умственной жизни запада. Изъ сокровищницы богатой умственной культуры запада Гоголь выбралъ себѣ только одно — искусство (скульптуру, живопись и архитектуру): путешествуя и живя за границей онъ почти всегда

обращалъ вниманіе на старыя и новыя произведенія этихъ искусствъ и вникалъ въ ихъ характеръ, смыслъ и значеніе. Особливо заинтересовался онъ итальянскимъ искусствомъ, въ томъ числѣ (отчасти) и античнымъ. Но и эта область, столь близкая и столь сродни ему, не вызвала въ немъ сколько-нибудь значительной работы мысли, и, повидимому, какъ старая, такъ и новая литература по исторіи и теоріи искусства осталась ему неизвѣстною.

Мы имѣемъ здѣсь передъ собою фактъ, если не единственный въ своемъ родѣ, то, по крайней мѣрѣ, исключительно-рѣдкій. Чтобы гениальный поэтъ и человѣкъ съ такимъ большимъ, глубокимъ и тонкимъ умомъ, какъ Гоголь, могъ духовно существовать и творить внѣ умственной жизни вѣка, внѣ духовнаго общенія, безъ умственной пищи, какъ хлѣбъ насущный, необходимой всякому мыслящему уму, — это нѣчто почти невѣроятное, это — настоящая психологическая загадка. Чѣмъ выше умъ, чѣмъ богаче одаренъ человѣкъ дарами мысли и творчества, тѣмъ нужнѣе ему умственная пища, какъ въ видѣ матеріала для работы мысли, такъ и въ видѣ идей, точекъ зрѣнія, методовъ и т. д., выработанныхъ и установленныхъ другими дѣятелями на различныхъ поприщахъ умственного труда. И чѣмъ больше и оригинальнѣе умъ, тѣмъ больше беретъ онъ другихъ умовъ. Гоголь почти ничего не взялъ, да и не хотѣлъ брать. Очевидно, ему не нужны были тѣ умственные возбужденія, которыя такъ необходимы людямъ мысли вообще, дѣятелямъ творческой мысли въ особенности. Всякое творчество, какъ философское и научное, такъ и художественное, не можетъ обойтись безъ приобщенія къ результатамъ чужого творчества, въ особенности творчества великихъ дѣятелей мысли въ прошломъ и настоящемъ. Вспомнимъ, какъ много былъ обязанъ Гёте чтенію античныхъ писателей, вліянію Лессинга, изученію Спинозы; какое значеніе имѣли для Шиллера античные писатели, Руссо и т. д.; для Пушкина — новая французская литература, Байронъ

и Шекспиръ и т. д. Оригинальное и творческое мышленіе зажигается отъ другого оригинальнаго и творческаго мышленія, и чѣмъ больше такихъ возбудителей было въ распоряженіи мыслителя или художника, тѣмъ шире развернется и глубже будетъ захватывать его собственное творчество.

Гоголь является страннымъ исключеніемъ изъ этого правила...

Это «исключеніе», представляемое Гоголемъ, можно выразить такъ:

Гоголь создалъ великія произведенія, изъ которыхъ одно, «Мертвыя Души», безъ всякаго сомнѣнія, останется навсегда однимъ изъ крупнѣйшихъ вкладовъ въ сокровищницу міровой литературы. Въ этомъ гениальномъ созданіи заключено такъ много мысли, въ немъ такая глубина созерцанія, такая широта художественнаго кругозора, въ немъ проявился такой размахъ и подъемъ творчества, что читатель, не знающій ничего о Гоголѣ, въ правѣ сказать, заключая отъ произведенія къ автору: вотъ художникъ, у котораго природная сила мысли была изопрена изученіемъ великихъ произведеній искусства; вотъ поэтъ, выработавшій себѣ, на изученіи мыслителей разныхъ вѣковъ, широту художественнаго возрѣнія; онъ также, навѣрно, долго и, можетъ быть, въ подлинникѣ изучалъ Гомера, которому онъ не уступитъ въ пластикѣ изображенія, и былъ знатокомъ Шекспира, съ которымъ можетъ поспорить въ знаніи души человѣческой, въ психологіи характеровъ и страстей... И крайне будетъ озадаченъ этотъ читатель, когда узнаетъ, что Гоголь зналъ Гомера только по Гнѣдичу (и позже, уже послѣ изданія первой части «Мертвыхъ Душъ», по Жуковскому), Шекспира даже и не читалъ какъ слѣдуетъ, равно какъ и Гёте, а имена мыслителей зналъ, да и то не очень твердо, лишь по наслышкѣ.

Вотъ и попробуемъ разобраться въ этомъ противорѣчьи.

II.

Прежде всего замѣтимъ, что у настоящихъ художниковъ нельзя отдѣлять уму отъ таланта: ихъ талантъ—это одно изъ свойствъ или одна изъ сторонъ ихъ ума. Если талантъ огроменъ, то, стало быть, это огроменъ умъ, котораго принадлежностью является данный талантъ. Таланты могутъ быть, въ извѣстной мѣрѣ, отдѣляемы отъ ума только тогда, когда они—внѣшніе, узко-спеціальные, техническіе, часто зависящіе отъ особенностей физиологической организаціи (тонкость слуха при музыкальномъ талантѣ, сила зрѣнія при живописномъ и т. д.). Но умы высшаго порядка, умы творческіе, разъ они одарены какимъ-либо талантомъ, не могутъ, если позволено такъ выразиться, быть умнѣе или глупѣе своего таланта. Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду талантъ, органически присущій уму, обусловленный самимъ характеромъ, пошибомъ, интимнымъ устройствомъ этого ума. Такой умъ-талантъ не измѣнитъ себѣ, не будетъ ниже себя не только въ своемъ творествѣ, но и въ своихъ проявленіяхъ внѣ творчества. Вспомнимъ непоэтическія произведенія и письма Гёте, Шиллера, Гейне, Пушкина, Тургенева и др. Не даромъ эти вещи, часто совершенно-интимныя, не предназначавшіяся для публикаціи, получаютъ общій интересъ и входятъ въ національную, а иногда и общечеловѣческую литературу.

Обращаясь къ Гоголю, возьмемъ сперва тѣ верхи творчества, которыхъ онъ достигъ. Вспомнимъ типы «Мертвыхъ Душъ», наприм., Манилова, Собакевича, Плюшкина. Какая широта художественнаго обобщенія! Вѣдь это всемірные, общечеловѣческіе типы. Нѣтъ народа, гдѣ бы не нашлись свои Маниловы и Собакевичи. Но это не тѣ блѣдныя фигуры-схемы, которыя широки потому только, что малосодержательны, что онѣ—общія мѣста искусства. Нѣтъ, это фигуры строго-конкретныя, съ плотью и кровью, приуроченныя къ націи, классу, мѣсту, времени, т.-е. бо-

гатыя содержаніемъ, но въ то же время надѣленные огромною обобщающею силой. Спрашивается: талантомъ или умомъ созданы онѣ? Не талантомъ, какъ таковымъ, и не умомъ въ отдѣльности, а *геніальнымъ умомъ-талантомъ*. — Здѣсь послушаемъ, чтó говоритъ самъ Гоголь о своемъ творествѣ въ письмѣ къ Шевыреву (отъ 28 февр. 1843 г.): «...я могу теперь работать увѣреннѣе, тверже, осмотрительнѣе, благодаря тѣмъ подвигамъ, которые я предпринималъ къ воспитанію моему... Наприм., никто не зналъ, для чего я производилъ передѣлки моихъ прежнихъ пьесъ, тогда какъ я производилъ ихъ, *основываясь на разумнѣйшій самого себя, на устройство головы своей* *). Я видѣлъ, что на этомъ одномъ я могъ только навыкнута производить *плотное созданіе, сущное, твердое, освобожденное отъ излишествъ, вполне ясное и совершенное въ высокой трезвости духа...*» *).

Это мѣсто пригодится намъ и потомъ, въ нашихъ дальнѣйшихъ попыткахъ понять Гоголя. Здѣсь же оно цѣнно и важно намъ, какъ свидѣтельство о томъ, что въ процессѣ созданія и разработки образовъ Гоголь былъ *мыслитель* въ полномъ смыслѣ этого слова, т.-е. работалъ умомъ, со всѣми дарами его, какіе только были въ личности. Онъ вовсе не творилъ «однимъ талантомъ», однимъ поэтическимъ даромъ», — «какъ птичка поетъ». Такое птичье творчество было совершенно чуждо Гоголю, какъ чуждо оно всѣмъ истиннымъ художникамъ, всѣмъ настоящимъ поэтамъ. Творчество Гоголя было тяжелымъ подвигомъ мысли, трудной и кропотливой работой ума. Эта работа простиралась и на цѣлое, и на частности, не пренебрегая послѣдними мелочами.

Если «Мертвыя Души» и были начаты безъ заранее выработаннаго плана, то во время работы общій планъ труда не замедлилъ явиться въ головѣ Гоголя, и великій поэтъ, трудясь надъ знаменитой «поэмой», не пере-

*) Курсивъ мой.

гатыя содержаніемъ, но въ то же время надѣленные огромною обобщающею силой. Спрашивается: талантомъ или умомъ созданы онѣ? Не талантомъ, какъ таковымъ, и не умомъ въ отдѣльности, а *гениальнымъ умомъ-талантомъ*.— Здѣсь послушаемъ, чтó говоритъ самъ Гоголь о своемъ творествѣ въ письмѣ къ Шевыреву (отъ 28 февр. 1843 г.): «...я могу теперь работать увѣреннѣе, тверже, осмотрительнѣе, благодаря тѣмъ подвигамъ, которые я предпринималъ къ воспитанію моему... Наприм., никто не зналъ, для чего я производилъ передѣлки моихъ прежнихъ пьесъ, тогда какъ я производилъ ихъ, *основываясь на разумнѣйшій самого себя, на устройство головы своей* *). Я видѣлъ, что на этомъ одномъ я могъ только навыкнута производить *плотное созданіе, сущное, твердое, освобожденное отъ излишествъ, вполне ясное и совершенное въ высокой трезвости духа...*» *).

Это мѣсто пригодится намъ и потомъ, въ нашихъ дальнѣйшихъ попыткахъ понять Гоголя. Здѣсь же оно цѣнно и важно намъ, какъ свидѣтельство о томъ, что въ процессѣ созданія и разработки образовъ Гоголь былъ *мыслитель* въ полномъ смыслѣ этого слова, т.-е. работалъ умомъ, со всѣми дарами его, какіе только были въ личности. Онъ вовсе не творилъ «однимъ талантомъ», однимъ поэтическимъ даромъ», — «какъ птичка поетъ». Такое птичье творчество было совершенно чуждо Гоголю, какъ чуждо оно всѣмъ истиннымъ художникамъ, всѣмъ настоящимъ поэтамъ. Творчество Гоголя было тяжелымъ подвигомъ мысли, трудной и кропотливой работой ума. Эта работа простиралась и на цѣлое, и на частности, не пренебрегая послѣдними мелочами.

Если «Мертвыя Души» и были начаты безъ заранѣе выработаннаго плана, то во время работы общій планъ труда не замедлилъ явиться въ головѣ Гоголя, и великій поэтъ, трудясь надъ знаменитой «поэмой», не пере-

*) Курсивъ мой.

ставалъ разрабатывать и совершенствовать этотъ планъ. И, разумѣется, это было по преимуществу дѣломъ сознательной и при томъ критической работы мысли. Прочтемъ здѣсь слѣдующія строки изъ письма къ Шевыреву (отъ 2 марта 1843 г.): «...Представь себѣ архитектора, строящаго зданіе, которое все загромождено и заставлено у него лѣсомъ; чего стоитъ ему снимать лѣса и показывать неоконченную работу, какъ будто бы кирпичъ вчернѣ и первое пришедшее въ голову слово въ силахъ рассказать о фасадѣ, который еще въ головѣ архитектора». Здѣсь Гоголь сравниваетъ съ работою архитектора свою работу надъ построеніемъ и развитіемъ плана «Мертвыхъ Душъ», въ связи съ внутреннею моральною работою «самовоспитанія», къ которой онъ обратился въ данное время.

Помимо общаго плана, Гоголь затрачивалъ огромную массу труда на усовершенствованія художественнаго воспроизведенія фигуръ, на развитіе характеровъ, на разработку отдѣльных сценъ, подробностей и, наконецъ, языка. Это краснорѣчиво подтверждается рукописями Гоголя и сохранившимися первоначальными редакціями различныхъ произведеній. Медленнымъ, упорнымъ трудомъ *критики* собственныхъ созданій, вдумчивостью во всѣ детали, взвѣшиваніемъ отдѣльных выраженій, сокращеніями, измѣненіями и т. д. Гоголь и достигалъ того совершенства въ творчествѣ, которое онъ въ вышеприведенномъ мѣстѣ изъ письма къ Шевыреву (28 февр. 1843 г.) называетъ «высокою трезвостью духа». И такимъ путемъ онъ создавалъ произведенія въ самомъ дѣлѣ «сущныя», «твердыя», свободныя «отъ излишествъ и неумѣренности», «вполнѣ ясныя и совершенныя»... Да, этотъ человекъ, этотъ «взыскательный художникъ» имѣлъ полное право сказать (въ письмѣ къ Прокоповичу, отъ 28 мая 1843 г.): «они (его сочиненія) писаны долго, *въ обдумываніи многихъ изъ нихъ прошли годы*¹⁾, а потому не угодно ли

¹⁾ Курсивъ мой.

читателямъ моимъ тоже подумать о нихъ на досугѣ и всмотрѣться пристальнѣй...»

Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого долгаго обдумыванія, т.-е. продолжительнаго умственнаго труда, преимущественно сознательнаго, является слѣдующее любопытное обстоятельство. Когда читаешь первую часть «Мертвыхъ Душъ», а также и по окончаніи чтенія, кажется, будто это — большой томъ, обширное произведеніе. На самомъ же дѣлѣ это весьма небольшая книжка. Иллюзія происходитъ отъ того, что въ эту небольшую книжку вложено огромное содержаніе. Тамъ мы имѣемъ: рядъ большихъ художественныхъ типовъ, съ широкимъ захватомъ обобщенія и съ детально-разработанною индивидуальностью (Чичиковъ, Ноздревъ, Маниловъ, Собакевичъ, Плюшкинъ, Коробочка, Селифанъ, Петрушка), рядъ второстепенныхъ, эпизодическихъ лицъ, также весьма опредѣлительно-очерченныхъ (прокуроръ и другіе чиновники, Мижухевъ, губернаторская дочка, дамы, мужики), наконецъ, почти сплошную (за изъятіемъ немногихъ страницъ) образность изложенія: образы идутъ нескончаемою вереницей, служа то способомъ изображенія, то сравненіемъ, то художественною аллегоріей («притчею», какъ повѣсть о капитанѣ Копейкинѣ и эпизодъ о Кифѣ Мокіевичѣ).

Каждый изъ главныхъ образовъ-типовъ объемлетъ обширный кругъ явленій, частью бытовыхъ-русскихъ, частью общечеловѣческихъ; слѣдовательно, объемъ ихъ весьма великъ; а такъ какъ это — рѣзко-выраженныя и опредѣлительно-разработанныя индивидуальности, то весьма значительно и содержаніе, въ нихъ сгущенное. Отдѣльные образы въ описаніяхъ и сравненіяхъ въ большинствѣ случаевъ суть маленькія законченныя картинки, миниатюры, имѣющія свою цѣнность сами по себѣ и раскрывающія намъ цѣлыя перспективы, далеко уходящія въ глубь жизни или психики. Въ ряду этихъ образовъ важнѣйшее мѣсто принадлежитъ, конечно, тѣмъ, въ которые облечены мысли Чичикова въ знаменитомъ мѣстѣ гла-

вы VII, гдѣ онъ воспроизводитъ прошлое купленныхъ имъ «душъ»...

Наконецъ, вспомнимъ о гоголевскомъ «смѣхѣ», о художественной ироніи Гоголя, которая удваиваетъ содержательность всякой черты, въ которую она вплетена. Иронія сама по себѣ есть наполовину мысль, она — освѣщеніе факта, шагъ къ его критикѣ, постановка вопроса о немъ. Поэтому къ запасу мысли, вложенному въ образъ, присоединяется еще другой запасъ, привносимый ироніей. И если бы возможно было развернуть и мысленно охватить то содержаніе, которое внесено въ «Мертвыя Души» гоголевскимъ «смѣхомъ», то мы получили бы представленіе значительныхъ по количеству и весьма высокихъ по качеству цѣнностей мысли...

Нетрудно видѣть, что создать и сгустить въ поэтическихъ образахъ все это содержаніе, художественно-выраженное въ небольшой книжкѣ, значило произвести *гигантскую работу, и при томъ такую, которая подѣ силу только гениальному художественному уму*, — работу, въ которой творчество безсознательное и дѣятельность сознанія шли рядомъ, уравнивая и дополняя другъ друга, помогая другъ другу. Затрата умственныхъ силъ была огромная...

Вотъ и спросимъ: чѣмъ же питался этотъ гениальный умъ? Какими стимулами двигалась эта мысль? Неужели эта великая работа такъ-таки и обходилась «собственными средствами», безъ всякихъ возбужденій со стороны, безъ тѣхъ стимуловъ, которые исходятъ отъ другихъ умовъ?

III.

Мы уже знаемъ, что такихъ стимуловъ у Гоголя было мало — въ силу природной лѣни его ума, несокрушимой консервативности и недостаточной отзывчивости его мысли. Но они все-таки были и безъ нихъ Гоголь обойтись не могъ. Укажемъ хоть бы на *Жуковского* съ его широкой

гуманностью и его симпатичнымъ поэтическимъ даромъ, на *С. Т. Аксакова*, этого умницу съ несомнѣннымъ художественнымъ дарованіемъ, на *Шевырева* съ его эрудиціею, на *Языкова* съ его лирическимъ талантомъ, наконецъ, на *Смирнову* съ ея незауряднымъ женскимъ умомъ и образованіемъ и т. д. Что эти лица были для Гоголя источниками умственныхъ возбужденій, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Гоголь несомнѣнно черпалъ отъ нихъ немало и мыслей, и свѣдѣній, и вообще получалъ то оживленіе и освѣженіе умственной дѣятельности, которое всегда является слѣдствіемъ общенія умовъ. При ограниченности образованія, при ничтожной начитанности Гоголя такой по своему времени широко-образованный человѣкъ и несомнѣнный ученый, какъ Шевыревъ, былъ для него настоящей находкой и невольно, самъ того не вѣдая, служилъ двигателемъ его мысли. Не слѣдуетъ думать, будто великіе умы—таланты питаются и движутся только тѣми возбужденіями, которыя исходятъ отъ другихъ великихъ умовъ-талантовъ, отъ геніевъ. На ряду съ таковыми они всегда получаютъ значительныя возбужденія и отъ второстепенныхъ умовъ, отъ среднихъ дарованій, наконецъ, отъ вліянія женскихъ натуръ. Яркія подтвержденія этого даетъ между прочимъ біографія Гёте, котораго умъ развивался и возбуждался къ творческой дѣятельности не только силой вліяній, шедшихъ отъ Спинозы, Лессинга, Гердера, Шекспира, классиковъ и т. д., но и силою возбужденій менѣе сильныхъ, но зато болѣе постоянныхъ и интимныхъ, вытекавшихъ изъ общенія и дружескихъ связей съ «обыкновенными смертными» (вспомнимъ Мерка) и—болѣе или менѣе необыкновенными женщинами.

Что касается Гоголя, то важность для него общенія съ образованнымъ и умнымъ человѣкомъ наглядно подтверждается эпизодомъ его знакомства и его переписки съ Анненковымъ. Нѣкоторыя черты изъ этого эпизода послужать хорошо иллюстраціей нашей мысли.

Гоголь неуклонно шелъ своимъ путемъ и дѣлалъ свое

дѣло по-своему, но при этомъ онъ не выпускалъ случая прислушиваться къ тому, что говорятъ, какъ думаютъ и понимаютъ вещи умные люди, преимущественно тѣ, которые стояли на точкѣ зрѣнія, ему чуждой. Къ числу таковыхъ принадлежалъ *П. В. Анненковъ*, который умѣлъ особливо-возбуждающимъ образомъ дѣйствовать на мысль Гоголя, открывая ему новые горизонты, ставя новые вопросы, заставляя его задумываться надъ многимъ, надъ чѣмъ Гоголь не привыкъ задумываться. Въ 1847 году (отъ 7-го сент.) Гоголь писалъ Анненкову: «Ваше желаніе слѣдить все, не останавливаясь особенно ни надъ чѣмъ, очень понятно. Въ немъ слышится разумное стремленіе всего нынѣшняго вѣка. Но не понятенъ для меня духъ нѣкотораго *удовлетворенія* *) вашимъ нынѣшнимъ состояніемъ, точно какъ бы вы уже нашли важную часть того, что ищете, и какъ бы стали уже на верховную точку вашего разумѣнія и вашего воззрѣнія на вещи. Вы уже подымаете заздравный кубокъ и говорите: «да здравствуетъ простота положеній и отношеній, основанныхъ на практической дѣйствительности, здоровомъ смыслѣ, положительномъ законѣ, принципѣ равенства и справедливости!» Смыслъ всего этого необъятно обширенъ. Цѣлая бездна между этими словами и примѣненіями ихъ къ дѣлу. Если вы станете дѣйствовать и проповѣдывать, и то прежде всего замѣтять въ вашихъ рукахъ эти заздравные кубки, до которыхъ такой охотникъ русскій чело-вѣкъ, и перепьются всѣ, прежде чѣмъ узнаютъ, изъ-за чего было пьянство. Нѣтъ, мнѣ кажется, никому изъ насъ не слѣдуетъ въ нынѣшнее время торжествовать и праздновать настоящій мигъ своего *взгляда* *) и *разумнія* *). Онъ завтра же можетъ быть уже другимъ; завтра же можемъ мы стать умнѣй насъ *сегодняшнихъ*...» *)

Нельзя не видѣть, какъ расшевелилась и стала работать въ извѣстномъ направленіи мысль Гоголя, возбуж-

*) Курсивъ Гоголя.

денная Анненковымъ. Оттуда уже не далеко и до нѣкотораго расширенія тѣхъ горизонтовъ, которые у Гоголя были узки. Дальше читаемъ: «Несмотря на то, что *взглядъ мой на современность только что проснулся*¹⁾, и я еще новичокъ въ этомъ дѣлѣ, но сколько могу судить по тѣмъ результатамъ, которые *отбираю теперь отъ всѣхъ людей, прилежно наблюдающихъ за дѣйствующими нынѣ силами въ Европѣ*²⁾, я однако же замѣтилъ нѣкоторую неполноту въ вашихъ наблюденіяхъ...» Далѣе Гоголь указываетъ Анненкову на Англію, которую послѣдній «оставилъ совершенно въ сторонѣ» и гдѣ Гоголь усматриваетъ «важную сторону современнаго дѣла». Онъ совѣтуетъ Анненкову пожить въ Англіи, а «затѣмъ избрать предметомъ наблюденій не одинъ какой-нибудь классъ *пролетаріевъ*, изученіе котораго стало теперь моднымъ, но взглянуть на всѣ классы, не выключая никакого изъ нихъ». Тутъ же Гоголь указываетъ на то, что въ Англіи «мѣстами является разумное слитіе того, что доставила человѣку высшая *гражданственность*, съ тѣмъ, что составляетъ первообразную *патріархальность*...» Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что Гоголь какъ бы протеръ глаза, что живя въ Европѣ, онъ наконецъ увидѣлъ Европу, и его мысль пробудилась для изученія современности, откуда — возможность усвоенія новыхъ идей и идеаловъ. Безъ всякаго сомнѣнія, личное знакомство съ Анненковымъ, бесѣды съ нимъ и переписка въ значительной мѣрѣ послужили толчкомъ къ этому пробужденію.

На этомъ эпизодѣ мы между прочимъ наблюдаемъ слѣдующее: лѣнь ума, присущая Гоголю, была не только та, которая выражается въ косности, въ тупой приверженности къ старымъ воззрѣніямъ, сколько та, въ силу которой человѣкъ не находитъ въ себѣ достаточно ини-

¹⁾ Курсивъ мой.—Лучше поздно, чѣмъ никогда. Но и то сказать: шелъ 1847 годъ, и Гоголю было 38 лѣтъ.

²⁾ Курсивъ мой.

ціативы, чтобы приняться за усвоение новаго. *Это были не лѣнь мыслить, а лѣнь учиться.*

Всякій человекъ является въ жизни своей одновременно и «мыслителемъ» (у всякаго своя философія), и «ученикомъ» жизни, цивилизаціи, новыхъ идей, новыхъ стремлений и настроений, новыхъ завоеваній науки, философіи, искусства. Отношеніе въ каждомъ изъ насъ «мыслителя» къ «ученику» бываетъ весьма различно: одинъ является одинаково хорошимъ «мыслителемъ» и «ученикомъ», другой—«хорошимъ мыслителемъ» и плохимъ «ученикомъ», третій—наоборотъ и т. д. Есть люди, которые всѣмъ интересуются, за всѣмъ слѣдятъ, все читаютъ, и въ результатъ въ головѣ у нихъ получается нѣкоторая каша, которую они называютъ «міросозерцаніемъ»: это—хорошіе, т. е. прилежные «ученики» и совсѣмъ ужъ плохіе мыслители. Гоголь, наоборотъ, былъ отличный «мыслитель» и совсѣмъ плохой, лѣнивый «ученикъ». Онъ такъ и не научился ни пониманію современности, ея движенія, ея задачъ, ни новой философіи, ни тому, что давала мыслящему человеку художественная и прозаическая литература 30—40-хъ г.г. А вѣдь было чему научиться тамъ....

Лѣнивый ученикъ, Гоголь, подобно анекдотическому семинаристу, убоился «бездны премудрости». Тому роду лѣни ума, который былъ присущъ Гоголю, свойственны своеобразные—умственные—*страхи* передъ новымъ знаніемъ, новымъ синтезомъ знанія, новымъ направленіемъ умовъ. Гегельянство, этотъ истинный властитель думъ той эпохи, великая освободительная философія, благуемую которой испытали на себѣ Бѣлинскіе, Герцены, Прудоны, да и почти вся мыслящая Европа, казалось Гоголю «бездною премудрости», къ которой онъ чувствовалъ родъ инстинктивнаго страха и отвращенія. Это несомнѣнно—*обломовщина*, именно обломовщина ума, какъ органа познанія и движенія мысли.

Лѣнивый, плохой «ученикъ», Гоголь былъ однако по-

своему отличный «мыслитель», ибо обладалъ гениальнымъ умомъ-талантомъ. Лѣнь ума и умственные «страхи» не позволили ему выйти изъ темноты, но они не могли упразднить самобытной работы его мысли. И онъ неустанно работалъ мыслью, но только эта работа совершалась во тьмѣ.

Излишне приводить доказательства умственной темноты Гоголя,—многія страницы «Выбранныхъ мѣстъ» и писемъ слишкомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о ней (одно изъ самыхъ краснорѣчивыхъ — вѣра въ чорта).— Гораздо важнѣе показать, что этотъ темный умъ былъ великій умъ и что, пребывая во тьмѣ, Гоголь иногда видѣлъ и понималъ то, чего часто не видятъ и не понимаютъ люди, вышедшіе изъ тьмы, умы просвѣщенные...

Прочтемъ слѣдующее мѣсто изъ того же письма къ Анненкову: «Мнѣ кажется еще, что вы напрасно чуждаетесь спеціального труда. Какой-нибудь спеціальный трудъ долженъ быть непременно у каждаго изъ насъ. Сверхъ пребыванія на боевой вершинѣ современнаго движенія, нужно имѣть свой собственный уголокъ, въ который можно было бы на время уходить отъ всего. Нельзя, чтобы каждый изъ насъ не получилъ на долю свою какой-нибудь способности, ему принадлежащей; нельзя, чтобы не было ея и у васъ. Иначе мы бы всѣ походили другъ на друга, какъ двѣ капли воды, и весь міръ былъ бы одна мануфактурная машина. Безъ спеціального труда не образуется характеръ индивидуала, изъ которыхъ слагается общество, идущее *впередъ* *). Безъ этихъ своеобразно работающихъ единицъ *не быть* *) общему прогрессу».

Эта глубоко-вѣрная мысль отнюдь не общее мѣсто, и она не была случайнымъ замѣчаніемъ, пришедшимъ въ голову ad hoc, по поводу того обстоятельства, что Анненковъ, стоя «на боевой вершинѣ современнаго движе-

*) Курсивъ Гоголя.

нія», не избралъ себѣ опредѣленной спеціальности. Мы имѣемъ здѣсь возможность заглянуть въ интимную работу мысли Гоголя, какъ своеобразнаго «мыслителя» и художника.

Живя въ Европѣ, Гоголь давно уже отмѣчалъ многовѣковую культурность свропейца, воспитанную въ спеціальному трудѣ, и противопоставлялъ ее нашей русской некультурности, плохому развитію у насъ спеціального труда на разныхъ поприщахъ, отсутствію у насъ того, что можно назвать «культуемою труда». Вспомнимъ знаменитое мѣсто въ VII главѣ I части «Мертвыхъ Душъ»: «Максимъ Телятниковъ, сапожникъ. Хе, сапожникъ! Пьянь, какъ сапожникъ, говоритъ пословица. Знаю, знаю тебя, голубчикъ; если хочешь, всю исторію твою расскажу. Учился ты у нѣмца, который кормилъ васъ всѣхъ вмѣстѣ, билъ ремнемъ по спинѣ за неаккуратность и не выпускалъ на улицу повѣсничать, и былъ ты чудо, а не сапожникъ; и не нахвалился тобою нѣмецъ, говоря съ женой или съ камрадомъ. А какъ кончилось твое ученіе: «А вотъ теперь я заведусь своимъ домкомъ», сказалъ ты: да не такъ, какъ нѣмецъ, что изъ копейки тянется, а вдругъ разбогатѣю». И вотъ, давши барину порядочный оброкъ, завелъ ты лавчонку, набравъ заказовъ кучу, и пошелъ работать. Досталъ гдѣ-то въ три-дешева гнилушки кожи и выигралъ, точно, вдвое на всякомъ сапогѣ, да черезъ недѣли двѣ перелопались твои сапоги, и выбрали тебя подлѣйшимъ образомъ. И вотъ лавчонка твоя запустѣла, и ты пошелъ попивать да валаться по улицамъ, приговаривая: «Нѣтъ, плохо на свѣтѣ! Нѣтъ житья русскому человѣку: все нѣмцы мѣшаютъ!»

Вотъ картинка, въ которой, какъ и во многихъ другихъ «миніатюрахъ» «Мертвыхъ Душъ», поставленъ рѣшающій діагнозъ нашей «бѣдности да бѣдности». Діагнозъ гласитъ: 1) отсутствіе настоящаго труда, въ европейскомъ смыслѣ этого слова; 2) отсутствіе добросовѣстности въ трудѣ и вообще слабое развитіе совѣсти, кото-

рая вырабатывается, вмѣстѣ съ сознаніемъ обязательствъ и отвѣтственности, только въ культурной работѣ поколѣній; 3) стремленіе къ легкой наживѣ, окрыляемое природною талантливостью русскаго человѣка.—Но кто же это такъ мѣтко и вѣрно охарактеризовалъ сапожника Максима Телятника и набросалъ эту художественную картинку его трудовой и этической несостоятельности? Это сдѣлалъ П. И. Чичиковъ, самъ человѣкъ легкой наживы, самъ человѣкъ безъ труда и трудовой этики, талантливый и неунывающий россиянинъ, типичный представитель націи, не воспитавшейся въ условіяхъ интенсивной культуры, а потому и не обладающій тѣмъ «характеромъ», о которомъ сказано (въ письмѣ къ Анненкову), что онъ «не образуется безъ спеціального труда».

Вспомнимъ и другой образъ, въ которомъ дано выраженіе другой сторонѣ все той же русской невыдержанности и невоспитанности въ трудѣ: прототипъ Ильи Ильича Обломова, «Андрей Ивановичъ Тентетниковъ принадлежалъ къ семейству тѣхъ людей, которые на Руси не переводятся, которымъ прежде имена были: увальни, лежебоки, байбаки, и которыхъ теперь, право, не знаю, какъ назвать» (Вторая часть «Мертв. Д.», гл. I). Со времени знаменитаго романа Гончарова и классической статьи Добролюбова объ «Обломовщинѣ» мы называемъ ихъ «Обломовыми» и видимъ въ нихъ представителей нашего національнаго типа въ одномъ изъ крайнихъ и болѣзненныхъ выраженій его ¹⁾.

«Мертвыя Души»—это великая національная эпопея, гдѣ «выпукло и ярко» выставлено «на всенародныя очи» наше «ничего-недѣланіе» и этой сторонѣ ея подведенъ итогъ въ словахъ Платонова (IV гл. II-ой части): «иной разъ, право, мнѣ кажется, что будто русскій человѣкъ—какой-то пропащій человѣкъ. Хочешь все сдѣлать—и ни-

¹⁾ Другая сторона нашего національнаго типа была въ *Карамазовѣ*, о чемъ см. въ моей книгѣ „Л. Н. Толстой какъ художникъ“.

чего не можешь. Все думаешь—съ завтрашняго дня начнешь новую жизнь, съ завтрашняго дня сядешь на діету; ничуть не бывало: къ вечеру того же дня такъ объѣшься, что только хлопаешь глазами, и языкъ не ворочается—какъ сова сидишь, глядя на всѣхъ—право! И этакъ всѣ».

Письмо, гдѣ указывается на Англію и гдѣ говорится, что «безъ своеобразно работающихъ единицъ не быть общему прогрессу», служить отличнымъ комментариемъ къ идеѣ «Мертвыхъ Душъ» и вмѣстѣ является свидѣтельствомъ глубокой вдумчивости Гоголя, необыкновенной проницательности его ума.

Но здѣсь же обнаруживается и обратная сторона этого ума. Въ приведенномъ письмѣ (отъ 7-го сентября 1847 г.) читаемъ: «Всѣ мы ищемъ того же: всякій изъ мыслящихъ нынѣ людей, если только онъ благороденъ душой и возвышенъ чувствами, уже ищетъ законной желанной *середины* ¹⁾, уничтоженія лжи и преувеличенностей *во всемъ* ¹⁾ и снятія грубой коры, грубыхъ толкованій, въ которыя способенъ человѣкъ облекать самыя великія и съ тѣмъ вмѣстѣ простыя истины. Но всѣ мы стремимся къ тому различными дорогами, смотря по разнообразію данныхъ намъ способностей и свойствъ, въ насъ работающих: одинъ стремится къ тому путемъ *религии и самопознанія внутренняго* ²⁾, другой—путемъ изысканій историческихъ и *опыта (надъ другими)* ²⁾, третій—путемъ наукъ естествознательныхъ, четвертый — путемъ *поэтическаго постигновенія и орлиного соображенія вещей* ²⁾, не обхватываемыхъ взглядомъ простаго человѣка,—словомъ, разными путями, смотря по большому или меньшему въ себѣ развитію преобладательно въ немъ заключенной способности». Какимъ же путемъ шелъ самъ Гоголь? Онъ очевидно шелъ одновременно и путемъ «ре-

¹⁾ Курсивъ Гоголя.

²⁾ Курсивъ мой.

лигіи и самопознанія внутренняго», и тѣмъ, который онъ называетъ «опытомъ надъ другими», и наконецъ путемъ интуиціи художника («поэтическое постигновеніе»), — художника геніальнаго, который въ своихъ созданіяхъ дѣйствительно проявляетъ «орлиное соображеніе вещей». Изъ перечисленныхъ путей чужды были Гоголю два: путь «историческихъ изысканій» и «наукъ естествознательныхъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ чужды были ему и еще одинъ — самый главный — путь, въ приведенной выдержкѣ совсѣмъ не упомянутый. О существованіи его Гоголь, повидимому, и не догадывался. Нетрудно видѣть, что всѣ указанные имъ пути суть только особыя дороги и тропинки, частью идущія параллельно главному, столбовому пути, частью уклоняющіяся въ сторону отъ него. Та или другая изъ нихъ дѣйствительно избирается отдѣльными лицами сообразно ихъ дарованіямъ и вообще особенностямъ ихъ духовной организаціи. Главный же, столбовой путь къ свѣту, къ идеалу, къ выработкѣ раціональнаго, прогрессивнаго и жизнеспособнаго воззрѣнія, путь, который Гоголь просмотрѣлъ, это — *приобщеніе мыслящаго ума къ сокровищамъ всемірной умственной культуры и его воспитаніе въ духъ приемовъ, нормъ, понятій и идеаловъ общечеловѣческой научно-философской и общественной мысли, идущей впередъ*. Этотъ путь долженъ быть обязательенъ для всякаго мыслящаго человѣка, все равно, будетъ ли онъ историкомъ или естествоиспытателемъ, адептомъ религіи или художникомъ. И никакое «внутреннее самосознаніе», а равно и «поэтическое постигновеніе», вмѣстѣ съ «орлинымъ соображеніемъ вещей», не помогутъ дѣлу, не выведутъ человѣка къ свѣту сознанія и исторически-правильнаго (для данной эпохи) воззрѣнія на жизнь, на ея развитіе и задачи, если этотъ человѣкъ стоитъ въ сторонѣ отъ всемірнаго движенія умовъ, отъ многовѣковой культуры мысли. А чтобы не остаться въ сторонѣ, чтобы приобщиться къ этому движенію и культурѣ, нужно прежде всего *учиться*, нужно быть *хорошимъ ученикомъ въ міро-*

вой школы общечеловѣческаго знанія и идеала, и отъ этой ученической обязанности ничуть не избавляется тотъ, кто самъ—великій умъ и геній. Напротивъ, такой умъ и геній долженъ быть *тѣмъ* *нече* «хорошимъ ученикомъ».

Гоголь былъ совсѣмъ плохимъ «ученикомъ».

Напротивъ, отличнымъ «ученикомъ» былъ Пушкинъ, замѣнившій Гоголю то, что мы назвали «міровою школою общечеловѣческаго знанія и идеала».

Въ началѣ карьеры Гоголя ослѣпительно-яркій лучъ свѣта проникъ въ его темный умъ и озарилъ дальнѣйшій путь его творчества. Этотъ лучъ былъ Пушкинъ, и глубокий смыслъ и великую правду таить въ себѣ восклицаніе Гоголя (въ письмѣ къ Жуковскому отъ 30 октября 1837 г.): «О, Пушкинъ, Пушкинъ! какой прекрасный сонъ удалось мнѣ видѣть въ жизни, и какъ печально было мое пробужденіе!»

Перечисляя выше тѣхъ, кто такъ или иначе служилъ для Гоголя источникомъ умственныхъ возбужденій и могъ содѣйствовать расширенію его кругозора, я нарочито пропустилъ имя Пушкина: его вліяніе на Гоголя составляетъ особый вопросъ, къ разсмотрѣнію котораго мы и обратимся теперь.

IV.

Какъ много помогъ Пушкинъ Гоголю понять себя самого, свое настоящее призваніе, какъ онъ будилъ его мысль и возбуждалъ ея творческую работу,—все это достаточно извѣстно. Передача сюжетовъ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ»—только эпизодъ изъ кратковременной, къ сожалѣнію, исторіи общенія этихъ двухъ умовъ, суть котораго—въ благотворномъ, просвѣтительномъ вліяніи ума свѣтлаго на умъ темный. Гоголь отлично сознавалъ, чѣмъ онъ обязанъ Пушкину, и это сознаніе выразилось въ письмахъ, написанныхъ Гоголемъ по полученіи извѣстія о смерти великаго поэта. 16 марта 1837 г. онъ писалъ Плетневу (изъ Рима): «Все наслажденіе моей

жизни, все мое высшее наслаждение исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималось безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собою. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобрение свое—вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы. *Тайный трепетъ невкушаемаго на землѣ удовольствія обнималъ мою душу...* ¹⁾ Боже! нынѣшній трудъ мой ²⁾, внушенный имъ, его созданіе... я не въ силахъ продолжать его...

Погодину онъ писалъ (отъ 30 марта 1837 г.): «Я получилъ твое письмо въ Римѣ. Оно наполнено тѣмъ же, чѣмъ наполнены теперь всѣ наши мысли. Ничего не говорю о великости этой утраты. Моя утрата всѣхъ больше. Ты скорбишь какъ русскій, какъ писатель, я... я и сотою доли не могу выразить моей скорби. *Моя жизнь, мое высшее наслаждение умерло съ нимъ* ³⁾. Мои свѣтлыя минуты моей жизни были минуты, въ которыя я творилъ. *Когда я творилъ, я видѣлъ передъ собою только Пушкина* ³⁾. Ничто мнѣ были всѣ толки... мнѣ дорого было его вѣчное и непреложное слово. *Ничего не предпринималъ, ничего не писалъ я безъ его совѣта* ³⁾. Все, что есть во мнѣ хорошаго, всѣмъ этимъ я обязанъ ему. И теперешній трудъ мой ⁴⁾ есть его созданіе. Онъ взялъ съ меня клятву, чтобы я писалъ, и ни одна строка его ⁵⁾ не писалась безъ того, чтобы онъ не являлся въ то время очамъ моимъ. Я тѣшилъ себя мыслью, какъ будетъ доволенъ онъ, угадывалъ, что будетъ нравиться ему, и это было моею высшею и первою наградою. Теперь этой награды нѣтъ впереди! Что трудъ мой? Что теперь жизнь моя?..»

Нѣкоторыя преувеличенія въ этихъ письмахъ (напр.,

¹⁾ Курсивъ мой.

²⁾ „Мертв. Души“.

³⁾ Курсивъ мой.

⁴⁾ „Мертв. Души“.

⁵⁾ Т.-е.—труда („Мертв. Д.“).

«ни одна строка...», «ничего не писалъ безъ его совѣта...» и пр.) принадлежатъ къ числу тѣхъ оборотовъ рѣчи, какіе вообще были свойственны стилю Гоголя (гипербола), и отнюдь не должны быть поставляемы въ данномъ случаѣ въ упрекъ Гоголю. Они, не заключая въ себѣ полной фактической правды, отлично и вѣрно выражаютъ общую душевную правду того, что почувствовалъ Гоголь, когда узналъ о смерти Пушкина. Въ самомъ дѣлѣ, Пушкинъ, эта, по выраженію Тютчева, «Россіи первая любовь», былъ и для Гоголя въ своемъ родѣ «первою и единственною любовью». Если Гоголь кого-либо любилъ глубокой, радостной, трогательной любовью, если онъ кого-либо «обожалъ», то это только Пушкина, и слова: «моя жизнь, мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ» — вылились прямо изъ сердца и говорятъ несомнѣнную правду. Нетрудно представить себѣ, какую пустоту ощутилъ Гоголь, вмѣстѣ со всей образованной Россіей, когда вдругъ не стало Пушкина. И спустя два года съ-лишнимъ, въ сентябрѣ 1839 г., находясь уже въ Москвѣ, Гоголь восклицалъ (въ письмѣ къ Плетневу, отъ 27 сентября 1839 г.): «Какъ странно! Боже, какъ странно! Россія безъ Пушкина! Я приѣду въ Петербургъ—и Пушкина нѣтъ!..»—Эта роковая, эта незамѣнимая утрата была для Гоголя несомнѣнно чувствительнѣе, чѣмъ для другихъ: онъ духовно осиротѣлъ, онъ потерялъ единственного человѣка, авторитету котораго онъ добровольно и радостно подчинялся. Это *подчиненіе* составляло насущную потребность душевной жизни и самаго творчества Гоголя. Едва ли ошибемся мы, если скажемъ, что къ числу большихъ несчастій Гоголя принадлежало и то, что онъ слишкомъ рано и слишкомъ живо почувствовалъ въ себѣ необыкновеннаго человѣка, что онъ безповоротно убѣдился въ превосходствѣ своего ума, въ своей несомнѣнной гениальности. На этомъ главнымъ образомъ и основывался непріятный, самонадѣянный наставническій тонъ Гоголя и его претензіи поучать ближнихъ, управлять ихъ умами и

сердцами, навязывать имъ свой духовный авторитетъ. Для такой натуры, для такого характера, какъ Гоголь, въ высокой степени было важно сознаніе, что есть другой великій человѣкъ, другой геній, у котораго можно многому поучиться, котораго вліяніе благотворно. И Пушкинъ дѣйствительно былъ для Гоголя такою ограничивающею, сдерживающею силою, своего рода школой.

Сохранившіяся письма Гоголя къ Пушкину и нѣсколько записокъ послѣдняго даютъ наглядное представленіе объ участіи Пушкина къ работѣ Гоголя, а равно и о томъ, какъ послѣдній дорожилъ этимъ участіемъ. Нѣкоторыя выдержки будутъ здѣсь не лишними.

Вотъ письмо Гоголя отъ 7-го окт. 1835 г.: «Рѣшаюсь писать къ вамъ самъ; просилъ прежде Наталью Николаевну, но до сихъ поръ не получилъ извѣстія. Пришлите, прошу васъ убѣдительно, если вы взяли съ собою, мою комедію ¹⁾), которой въ вашемъ кабинетѣ не находится и которую я принесъ вамъ для замѣчаній... Сдѣлайте милость, пришлите скорѣе и сдѣлайте наскоро хоть сколько-нибудь главныхъ замѣчаній.—Началъ писать «Мертвыхъ Душъ». Сюжетъ растянулся на предлинный романъ и, кажется, будетъ сильно смѣшонъ. Но теперь остановилъ его на третьей главѣ. Ищу хорошаго ябедника, съ которымъ бы можно коротко сойтись. Мнѣ хочется въ этомъ романѣ показать хоть съ одного боку всю Русь.— Сдѣлайте милость, дайте какой-нибудь сюжетъ, хоть какой-нибудь, смѣшной или несмѣшной, но русскій чисто анекдотъ. Рука дрожитъ написать тѣмъ временемъ комедію. Если жъ сего не случится, то у меня пропадетъ даромъ время, и я не знаю, что дѣлать тогда съ моими обстоятельствами... Сдѣлайте (же) милость, дайте сюжетъ; духомъ будетъ комедія изъ пяти актовъ, и клянусь—куда смѣшнѣе чорта! Ради Бога, умъ и желудокъ мой оба голодаютъ. И пришлите «Женитьбу». Обнимаю васъ и цѣлую и желаю обнять скорѣе лично».

¹⁾ «Женитьба».

Изд. №
 Цифр
 г. П. Павловск

Въ другомъ письмѣ (декабря 1834 г.) онъ жалуется Пушкину на придирки цензуры къ нѣкоторымъ мѣстамъ «Записокъ сумасшедшаго», а потомъ говоритъ: «Жаль однако, что мнѣ не удалось видѣться съ вами. Я посылаю вамъ предисловіе ¹⁾; сдѣлайте милость, просмотрите, и если что, то поправьте и перемѣните тутъ же чернилами...» Посылая Пушкину вышедшія изъ печати «Арабески», Гоголь пишетъ, что нарочно посылаетъ два экземпляра: «одинъ экземпляръ для васъ, а другой разрѣзанный для меня. Вы читайте мой и сдѣлайте милость, возьмите карандашъ въ ваши ручки и никакъ не останавливайте негодованія при видѣ ошибокъ, но тотъ же часъ ихъ всѣхъ налицо. Мнѣ это очень нужно».

Записки Пушкина къ Гоголю прибавляютъ нѣсколько чертъ, рисующихъ живое, сердечное отношеніе великаго поэта къ начинающему писателю. Въ одной (25 авг. 1831 г.) онъ заранѣе поздравляетъ автора «Вечеровъ на хуторѣ» съ будущимъ успѣхомъ этой книги («поздравляю васъ съ первымъ вашимъ торжествомъ—съ фырканьемъ наборщиковъ и изъясненіями фактора... ²⁾). Въ другой запискѣ дѣло идетъ о «Невскомъ проспектѣ»: «Прочелъ съ удовольствіемъ. Кажется, все можетъ быть пропущено. Секцію жаль выпустить: она, мнѣ кажется, необходима для эффекта вечерней мазурки. Авось Богъ вынесетъ! Съ Богомъ!» Въ дневникѣ Пушкина находимъ (7 апр. 1833 г.): «Вчера Гоголь читалъ мнѣ сказку, какъ Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ. Очень оригинально и очень смѣшно.—Гоголь, по моему совѣту, началъ исторію русской критики». Въ октябрѣ 1835 года Пушкинъ пишетъ (изъ Михайловскаго) Плет-

¹⁾ Къ „Арабескамъ“, гдѣ были помѣщены „Записки сумасш.“.

²⁾ Отвѣтъ на письмо Гоголя отъ 21 авг., гдѣ Гоголь между прочимъ говоритъ: „любопытнѣе всего было мое свиданіе съ типографіею: только что я просунулся въ двери, наборщики, завидя меня, давай каждый фыркать и прыскать себѣ въ руку, отворачиваясь къ стѣнкѣ...“

неву по поводу изданія альманаха, для котораго Гоголь далъ «Коляску»: «Спасибо, великое спасибо Гоголю за его «Коляску», въ ней альманахъ далеко можетъ уѣхать; но мое мнѣніе—даромъ «Коляски» не брать, а установить ей цѣну. Гоголю нужны деньги» Въ письмѣ къ женѣ (изъ Москвы, 6 мая 1836 г.) Пушкинъ между прочимъ даетъ ей слѣдующее порученіе: «Пошли ты за Гоголемъ и прочти ему слѣдующее: видѣлъ я актера Щепкина, который ради Христа просить его пріѣхать въ Москву, прочесть Ревизора. Безъ него актерамъ не спѣться. Онъ говоритъ, комедія будетъ карикатурна и грязна (къ чему Москва всегда имѣла поцолзновеніе). Съ моей стороны, я тоже ему совѣтую: не надобно, чтобъ Ревизоръ упалъ въ Москвѣ, гдѣ Гоголя болѣе любятъ, нежели въ Петербургѣ».

Если бы Пушкинъ не умеръ такъ рано, и если бы дружескія связи между двумя нашими величайшими поэтами продлились на болѣе продолжительное время, то, безъ сомнѣнія, разсѣялась бы добрая доля той темноты, которою былъ объятъ великій умъ Гоголя.

Прежде всего Гоголь вынесъ бы изъ «школы» Пушкина уваженіе къ великимъ и невеликимъ дѣятелямъ европейской мысли и сочувствіе прогрессу общечеловѣческаго просвѣщенія. Онъ научился бы у Пушкина понимать и цѣнить великія культурныя и интеллектуальныя блага, пріобрѣтенныя передовыми народами Европы цѣною многолѣтняго труда и борьбы. И, быть можетъ, онъ сдѣлался бы, если и не отличнымъ, то хоть хорошимъ «ученикомъ» цивилизаціи...

V.

Въ противоположность Гоголю, Пушкинъ былъ отличный «ученикъ». Человѣкъ съ широкимъ образованіемъ и большою начитанностью (въ особенности въ литературахъ французской и англійской¹⁾), Пушкинъ не переставалъ

¹⁾ Нѣмецкую онъ зналъ меньше. Но все-таки Гёте и Шиллеръ были достаточно извѣстны ему.

слѣдить за движеніемъ умовъ въ Европѣ и въ своихъ сочиненіяхъ, журнальныхъ статьяхъ, замѣткахъ, дневникѣ и письмахъ обнаруживаетъ рѣдкую *любопытность* и *отзывчивость* живого и просвѣщеннаго ума. Пушкинъ былъ не только первоклассный писатель, но и *первоклассный читатель*—качество, для писателя весьма важное. Онъ любилъ книгу и оставилъ послѣ себя хорошо подобранную библіотеку. Онъ никогда не сказалъ бы, какъ это сдѣлалъ Гоголь, что «въ извѣстныя эпохи одна хорошая книга достаточна для наполненія всей жизни человѣка». Къ числу характерныхъ признаковъ такихъ свѣтлыхъ умовъ, жаждущихъ знанія, стремящихся «въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ», принадлежитъ и то, что они живо интересуются разнообразными какъ первостепенными, такъ и второстепенными, и посредственными произведеніями ума человѣческаго, и хорошо знаютъ, что иная, даже плохая, книга можетъ очень и очень пригодиться для работающаго ума, если не какъ стимулъ мысли, то, по крайней мѣрѣ, какъ матеріаль.

Но особливо ярко проявляется коренное различіе между умомъ Пушкина и умомъ Гоголя на ихъ отношеніи къ одному весьма важному для русскаго писателя предмету изученія, который для Пушкина представлялъ высшій и живой интересъ, а Гоголю казался нестерпимо скучнымъ и совсѣмъ нелюбопытнымъ. Это не что иное, какъ *русская исторія*. Пушкинъ уже въ первой половинѣ 20-хъ годовъ, работая надъ «Борисомъ Годуновымъ», изучалъ русскую исторію, и не только по Карамзину, но и по источникамъ. Затѣмъ, подготовительныя работы для исторіи Петра Великаго, «Исторія Пугачевского бунта», наброски критической статьи объ «Исторіи русскаго народа» Полевого, попытка объясненія «Слова о полку Игоревѣ», наконецъ необыкновенно умное письмо къ Чаадаеву (19 окт. 1836 г.)—все это служить достаточнымъ доказательствомъ интереса, вниманія и любви Пушкина къ нашему историческому прошлому. Иначе и не могло быть у писателя, который

явился первымъ выразителемъ нашего національнаго самосознанія. Добрая доля художественныхъ и вообще умственныхъ интересовъ Пушкина была направлена на историческое прошлое русскаго народа и государства. Это и есть единственный вѣрный путь для писателя, который хочетъ понимать настоящее и прозрѣвать въ будущее.

Гоголь не только не шелъ этимъ путемъ, но, повидимому, и не могъ бы, если бы даже и захотѣлъ, усвоить себѣ ясное и широкое *историческое* воззрѣніе на ходъ вещей въ Россіи.

Вотъ что профессоръ всеобщей исторіи, который «взошелъ на кафедру неузнанный и неузнанный сошелъ съ нея» (письмо къ Погодину отъ 6 дек. 1835 г.), писалъ въ 1834 г. Максимовичу: «... Брадке ¹⁾ пишетъ мнѣ, что не угодно ли мнѣ взять кафедру русской исторіи, что сіе-де прилично занятіямъ моимъ, тогда какъ онъ самъ обѣщалъ мнѣ, бывши здѣсь, что всеобщая исторія не будетъ занята до самаго моего приѣзда, хотя бы это было черезъ годъ, а теперь вѣрно ее отдали этому Цыху ²⁾, котораго принесло какъ нарочно. Право, странно: они воображаютъ, что различія предметовъ это такая маловажность и что кто читаетъ словесность, тому весьма легко преподавать математику или врачебную науку ³⁾. *Я съ ума сойду, если мнѣ дадутъ русскую исторію...*» (курсивъ мой). Въ другомъ письмѣ къ Максимовичу (10 іюня того же 1834 г.) Гоголь опять возвращается къ тому же вопросу: «тебя удивляетъ, почему меня такъ останавливаетъ русская исторія. Ты очень страненъ и говоришь еще о себѣ, что ты рѣшился же взять словесность. Вѣдь для этого у тебя было

¹⁾ Кураторъ кievскаго учебнаго округа. Дѣло идетъ о назначеніи Гоголя профессоромъ въ кievскій университетъ.

²⁾ Профессоръ харьковскаго университета.

³⁾ Въ то доброе старое время такъ и было: тотъ же Максимовичъ, къ которому адресовано это письмо, по специальности естественникъ, профессоръ *ботаники* въ московскомъ университетѣ, былъ переведенъ въ кievскій на кафедру русской словесности.

желаніе, а у меня нѣтъ. *Чортъ возьми, если бы я не согласился взять скорѣе ботанику или патологію, нежели русскую исторію*¹⁾. Если бы это было въ Петербургѣ, я бы, можетъ быть, взялъ ее, потому что здѣсь я готовъ, пожалуй, *два раза въ недѣлю на два часа отдать себя скукѣ...*» Эти выдержки вполне выясняютъ извѣстное выраженіе въ «Авторской исповѣди»: «у меня не было влеченія къ прошедшему», гдѣ имѣется въ виду именно историческое прошлое Россіи.

Это равнодушіе или даже отвращеніе Гоголя къ русской исторіи есть фактъ въ своемъ родѣ знаменательный и, какъ почти все у Гоголя, не лишенный своей психологической загадочности.

Если бы Гоголь былъ писатель второстепенный или же только мѣстный, областной, т.-е. если бы онъ былъ только авторомъ «Вечеровъ на хуторѣ» и «Тараса Бульбы», то указанное отношеніе его къ русской исторіи не представляло бы собою ничего особливо-страннаго. Но Гоголь, во-первыхъ, писатель-художникъ первой величины, великій геній искусства; во-вторыхъ, онъ—писатель, по своему національному укладу, общерусскій (о чемъ сейчасъ будетъ рѣчь у насъ); наконецъ, въ-третьихъ, онъ, среди нашихъ поэтовъ, является по преимуществу пѣвцомъ Россіи, какъ цѣлаго, какъ государства, и поэтомъ общерусской стихіи. Вспомнимъ: «... какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу, и выются около моего сердца? *Русь! чего же ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и затѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?...*» («Мертвыя Души», I, гл. XI). Да, между этимъ загадочнымъ великимъ человѣкомъ и Русью, именно Русью, какъ національно-объединеннымъ (общерусскимъ) языкомъ и государственностью) цѣлымъ, дѣйствительно «таилась» «непостижимая связь», и «полныя ожиданія

¹⁾ Курсивъ мой.

очи» были въ самомъ дѣлѣ обращены на геніальнаго художника. Вспомнимъ еще: «не такъ ли и ты, Русь, что бойкая тройка, несешься?..» и т. д. «...Русь, куда же несешься ты? Дай отвѣтъ. Не даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливаются колокольчики; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и *косясь посторониваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства*» (въ концѣ I части «Мерт. Душъ».) Это—поэтическое созерцаніе быстрого историческаго роста и движенія Руси—*какъ государства, какъ европейской державы и какъ національнаго (общерусскаго) цѣлаго*. Спрашивается: какой другой изъ нашихъ великихъ поэтовъ такъ воспѣвалъ эту Русь? У кого изъ нихъ вырывались изъ души, при созерцаніи *этой Руси*, такіе захватывающіе, такіе проникновенные звуки?

Ниже, въ особой главѣ, мы покажемъ, что самое творчество Гоголя, за вычетомъ «Вечеровъ на хуторѣ», «Тараса Бульбы» и отчасти «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», «Ссоры Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ» и нѣкоторыхъ другихъ вещей, гдѣ воспроизведены малорусская жизнь, нравы и національный складъ малороссовъ, главнымъ образомъ было направлено на воспроизведеніе общерусской стихіи, и важнѣйшіе монументальные типы, созданные творцомъ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ», являются *національными общерусскими* типами.

Нелишне вспомнить здѣсь и то, что Гоголь, не довольствуясь высокимъ произведеніемъ великаго общерусскаго поэта, возомнилъ себя чѣмъ-то въ родѣ пророка Руси, учителемъ жизни и морали... Какъ таковой (оставляя въ сторонѣ вопросъ о достоинствѣ и значеніи его проповѣди), онъ является прямымъ предшественникомъ нашихъ «морализующихъ» писателей, художниковъ-проповѣдниковъ, въ ряду которыхъ первыя мѣста принадлежатъ конечно Достоевскому и Л. Н. Толстому. И здѣсь, на этомъ поприщѣ, Гоголь явственно обнаруживается—какъ дѣятель *общерусскій*, какъ начинатель одного изъ направленій, при-

надлежащихъ спеціально къ общерусской умственной жизни. Сейчасъ увидимъ, что и какъ чело^вѣкъ, какъ *личность*, Гоголь былъ гораздо больше общерусс^кь, чѣмъ малоросс^кь.

И вотъ оказывается, что этотъ общерусскій писатель и моралистъ одинъ изъ основателей общерусской литературы и нашего общенациональнаго самосознанія, со-всѣмъ не интересовался историческимъ прошлымъ того цѣлаго, которому онъ принадлежалъ и служилъ, съ которымъ былъ связанъ тѣсными узами духовнаго сродства.

Противорѣчіе, здѣсь заключающееся, станетъ яснѣе, если примемъ во вниманіе слѣдующее.

Начиная отъ античной древности и кончая новѣйшимъ временемъ, всѣ великіе общенациональные поэты такъ или иначе интересовались историческимъ прошлымъ своей страны и обращались къ нему если не для того, чтобы черпать оттуда матеріалъ и сюжеты для своего творчества, то, по крайней мѣрѣ, для расширенія своего кругозора, для саморазвитія въ духѣ національнаго самосознанія. Эсхиль, Софокль и Эврипидъ у грековъ, Шекспиръ съ его трагедіями и драматическими хрониками изъ англійской исторіи, Вальтеръ-Скоттъ съ его романами изъ той же области являются прямыми и наиболѣе яркими представителями національно-историческихъ интересовъ и задачъ въ искусствѣ. Но, можетъ быть, еще болѣе сильнымъ подтвержденіемъ мысли, здѣсь развиваемой, служить то, что такъ или иначе отдають дань исторіи своей страны также и тѣ великіе поэты, которые по характеру своего генія, по особенностямъ дарованія, казалось бы, вовсе не призваны къ этому. Они не могутъ создать въ этой области великихъ, первостепенныхъ произведеній; они даютъ что могутъ, какъ Гёте далъ Германіи «Ганца-фонъ-Берлихингена», Шиллеръ — «Валленштейна». Но во всякомъ случаѣ, вносятъ ли они въ лабораторію своего творчества сюжеты изъ историческаго прошлаго своей страны или нѣтъ, они изучаютъ это прошлое, иногда прямо высту-

пая съ историческими трудами (Шиллеръ, Пушкинъ), всегда воспитывая, какъ бы выращивая въ себѣ, на почвѣ этихъ изученій, тотъ національный геній, лучшими представителями котораго они являются.

Великіе поэты всегда связаны съ своимъ національнымъ цѣлымъ тою дѣйствительно загадочною связью, которую Гоголь назвалъ «непостижимою» и постиженіе которой составляетъ одну изъ задачъ психологіи творчества.

Отъ этой чисто-научной задачи слѣдуетъ отличать ту, которую ставить себѣ самъ субъектъ, стремящійся къ самосознанію. Истинный поэтъ всегда чувствуетъ свою какъ бы органическую связь съ національнымъ цѣлымъ, и чѣмъ выше его дарованіе, чѣмъ шире его поэтическій кругозоръ и глубже захватъ его мысли, тѣмъ живѣе и явственнѣе чувствуетъ онъ свое національное значеніе и призваніе. Но иное дѣло—чувствовать, а иное—сознавать и понимать. Чувство, о которомъ мы говоримъ, есть фактъ или процессъ, принадлежащій къ обширной сферѣ ирраціональных, «стихійныхъ» процессовъ психики человѣческой. Его сознаніе и пониманіе субъектомъ—это уже другой фактъ или процессъ, принадлежащій къ той особой сферѣ психики, гдѣ совершается дѣятельность, превращающая процессы ирраціональные въ раціональные, въ осмысленные, въ продукты самосознанія и высшей мысли. Успѣшность этой дѣятельности зависитъ отъ культуры ума, отъ знаній, отъ упорядоченія этихъ знаній, отъ умственной дисциплины. Этимъ путемъ субъектъ (въ данномъ случаѣ поэтъ) и приходитъ къ самоопредѣленію, къ уясненію себѣ самому своего настоящаго призванія, къ яснымъ отвѣтамъ на вопросы: кто я? къ какому національному цѣлому принадлежу я въ сферѣ своего творчества? каково это цѣлое? откуда и куда идетъ оно, и какое мѣсто должно принадлежать ему въ болѣе обширномъ цѣломъ—въ человѣчествѣ?

Эти вопросы ставятся болѣе или менѣе правильно только при сильномъ свѣтѣ мысли, при хорошей культурѣ ума.

VI.

Гоголь ставилъ эти вопросы и пытался рѣшить ихъ по-своему, природными силами своего великаго ума, исходя, съ одной стороны, изъ непосредственнаго чувства, а съ другой—опираясь на геніальную интуицію и на художественныя созерцанія необычайной глубины и силы.

Какъ онъ дѣлалъ это и къ какимъ результатамъ приходилъ, мы постараемся разсмотрѣть и усиленно освѣтить въ слѣдующей главѣ, гдѣ исходною точкою послужить намъ изученіе той, въ высокой степени любопытной, стороны творчества Гоголя, которую можно назвать стихійнымъ тяготѣніемъ всѣхъ художественныхъ стремленій и помысловъ Гоголя къ Россіи, какъ единственному объекту его творчества, и поэтическимъ созерцаніемъ Руси изъ прекраснаго далека.

Настоящую же главу закончимъ подведеніемъ итога всему сказанному объ умѣ Гоголя.

1) Гоголь былъ геніальный самородокъ, великій умъ-талантъ, одаренный необычайными силами художественно-образнаго мышленія. Насколько велики были эти силы, видно изъ того, что онъ могъ въ своемъ творествѣ обходиться безъ тѣхъ стимуловъ, которые являются результатомъ общенія съ другими умами, т.-е. безъ изученія великихъ поэтовъ и мыслителей. Разумѣется, отсутствіе этихъ стимуловъ не могло быть абсолютнымъ: это былъ только минимумъ общенія. Но для Гоголя было достаточно этого минимума, чтобы возбудить его художественную мысль; достаточно намека, случайно занесенной искры, чтобы воспламенить его воображеніе и вызвать вдохновенную работу его ума.

2) Умъ Гоголя былъ по преимуществу *творческій*, особливо приспособленный къ широкимъ художественнымъ обобщеніямъ, къ созданію большихъ, національных и общечеловѣческихъ *типовъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ въ немъ большую силу *сознательно-критической мысли*,

подвергающей строгой критикѣ результаты его же собственнаго творчества. Его художественная работа запечатлѣна глубокою вдумчивостью, движется осмотрительно, съ постоянною оглядкой на пройденный путь, съ явнымъ, сознательнымъ *самообладаніемъ* художника. Гоголь, если можно такъ выразиться, старался обуздывать порывы своихъ вдохновеній, дисциплинировать свое творческое воображеніе, и такимъ путемъ онъ восполнялъ недостатокъ культуры своего ума, пробѣлы своего художническаго воспитанія. Онъ хорошо понималъ, что ему слѣдуетъ воздерживаться отъ излишней роскоши въ творествѣ, отъ разгула воображенія, что большія умственные силы нуждаются въ большой дисциплинѣ. Иначе онъ явился бы въ искусствѣ дикаремъ, какимъ Шекспиръ казался Вольтеру. Поистинѣ изумительно это самообладаніе художника, эта разсудительность въ творествѣ поэта, который былъ одаренъ такой подавляющей, бьющей черезъ край силою вдохновенія,—художника, въ головѣ котораго столпилось столько яркихъ образовъ, столько художественныхъ идей, столько глубокихъ созерцаній... Всю эту роскошь мысли нужно было упорядочить, чтобы претворить ее въ созданія «твердыя», «сущныя» и «совершенныя въ высокой трезвости духа». Гоголь достигалъ этого природною *критическою* силою своего ума.

3) Творческая и критическая работа этого художника была громадна. Иначе говоря, громадна была *затрата умственныхъ силъ*. Но, къ сожалѣнію, крайне слаба была другая его работа—какъ «ученика», т.-е. работа *накопленія умственныхъ силъ*. Его огромный умъ слишкомъ много тратилъ и слишкомъ скудно питался. Оттуда—недостатокъ свѣта, отсутствіе широкихъ идей, принадлежащихъ къ величайшимъ умственнымъ благамъ, которыя выработало человѣчество, — тѣхъ идей, которыя, не принимая непосредственнаго участія въ самомъ процессѣ художественнаго творчества, имѣютъ однако огромное значеніе для искусства, ибо питаютъ и просвѣщаютъ умъ худож-

ника. «Лѣнивый ученикъ», Гоголь довольствовался крохами этой пищи...

Онъ не зналъ, что значитъ настоящая умственная пища, какой приливъ душевныхъ силъ является слѣдствіемъ общенія съ великими умами, какъ освѣжается вся душа и окрыляется мысль отъ расширенія умственныхъ горизонтовъ. Ему не дано было испытать животворящихъ радостей мысли, освободившейся отъ оковъ старыхъ формъ и идей и бодро стремящейся впередъ вмѣстѣ съ человѣчествомъ,—высокихъ радостей созерцанія безконечности въ стремленіяхъ ума и идеала.

Но истинному художнику не можетъ быть чуждо нѣкоторое, хотя бы смутное и робкое, чаяніе этихъ радостей мысли. Оно не было вполнѣ чуждо и Гоголю. Таясь въ глубинѣ его художественныхъ созерцаній, оно могло бы освободиться и взыграть, если бы продлился тотъ «чудный сонъ», который Гоголь «видѣлъ въ своей жизни»: просвѣщающее и облагораживающее вліяніе Пушкина со всею широтою его возрѣній, со всею глубиною его общечеловѣческихъ сочувствій, со всею лучезарностью и движеніемъ его мысли...

ГЛАВА III.

Гоголь и Россія.—„Русь изъ прекраснаго далѣка“.

I.

Въ предыдущей главѣ мы указали на русское національное призваніе Гоголя, которое такъ странно совмѣщалось у него съ равнодушіемъ или даже отвращеніемъ къ изученію историческаго прошлаго той «Руси», пѣвцомъ которой онъ былъ по преимуществу. Отмѣтить это противорѣчіе намъ нужно было для характеристики ума Гоголя.

Въ настоящей главѣ мы хотѣли бы раскрыть *психологію отношеній Гоголя къ Руси, какъ цѣлому*. Намъ интересуютъ здѣсь внутренняя, интимная сторона національно-

русского призванія Гоголя и отраженіе различныхъ душевныхъ процессовъ, сюда относящихся, въ его мысли, въ его самосознаніи.

Этотъ вопросъ неразрывно связанъ съ исторіей главнаго труда Гоголя, — труда, которымъ онъ такъ блистательно оправдалъ свое призваніе великаго національнаго поэта Руси. Вотъ и посмотримъ, какими настроеніями, чувствами и мыслями сопровождалась работа надъ «Мертвыми Душами», заполнившая собою всю жизнь поэта съ половины 30-хъ годовъ и до самой смерти.

«Поэма» была начата въ 1835 году, задуманная на сюжетъ, данный Пушкинымъ, въ видѣ большого сатирическаго произведенія, въ которомъ должна была отразиться, «хоть съ одного боку», *вся Россія* ¹⁾.

По мѣрѣ того какъ работа подвигалась впередъ, и планъ «Одиссеи» Чичикова выяснялся и развертывался въ головѣ великаго «хохла», — этотъ «хохолъ» все живѣе чувствовалъ и яснѣе сознавалъ, что онъ дѣлаетъ великое дѣло, которое будетъ имѣть огромное всероссійское національное значеніе. Въ этой мысли онъ укрѣплялся съ каждымъ шагомъ впередъ и не стѣснялся выражать ее въ письмахъ. Такъ, уже въ іюнѣ 1836 года, когда работа была только въ началѣ, онъ писалъ Жуковскому: «... Мнѣ ли не благодарить Пославшаго меня на землю! *Какихъ высокихъ, какихъ торжественныхъ ощущеній, невидныхъ, незамѣтныхъ для свѣта, исполнена жизнь моя! Клянусь, я что-то сдѣлаю, чего не дѣлаетъ обыкновенный человекъ* ²⁾. Львиную силу чувствую въ душѣ своей и замѣтно слышу переходъ свой изъ дѣтства, проведеннаго въ школьныхъ занятіяхъ, въ юношескій возрастъ...». Далѣе говорится, что все, написанное имъ доселѣ, это только —

¹⁾ „Началъ писать „Мертвыхъ Душъ“. Сюжетъ растянулся на предлинный романъ и, кажется, будетъ сильно смѣшонъ... Мнѣ хочется въ этомъ романѣ показать хотя съ одного боку всю Русь“. (Письмо къ Пушкину отъ 7-го октября 1835 г.).

²⁾ Курсивъ мой.

ученическая проба пера, незрѣлые опыты, и что настоящее, великое дѣло—впереди. Для совершенія этого дѣла ему необходимо быть, какъ можно дольше, внѣ отечества, на чужбинѣ, гдѣ онъ отдохнетъ душой отъ тѣхъ непріятностей и огорченій, которыя онъ испыталъ на родинѣ и которыя въ концѣ-концовъ послужатъ ему на пользу, въ интересахъ его внутреннего воспитанія. «Для меня нѣтъ жизни внѣ моей жизни (читаемъ здѣсь), и нынѣшнее мое удаленіе изъ отечества, оно послано свыше, тѣмъ же Великимъ Провидѣніемъ, ниспославшимъ все на воспитаніе мое...» (Письмо изъ Гамбурга отъ 28/16 іюня 1836 г.).

Какъ бы мы ни относились къ вопросу объ «искренности» Гоголя, но мѣста въ письмахъ, въ родѣ приведеннаго, гдѣ онъ говоритъ о своемъ воспитаніи для великаго подвига, объ участіи Промысла, о необходимости для него далекихъ путешествій и жизни за границею и т. д., дышать несомнѣнною правдой: въ нихъ своеобразно выразилось то, что въ самомъ дѣлѣ происходило въ его душѣ, когда совершался ростъ его духа и генія, и перековывались въ поэтическія созерцанія и художественные образы различныя впечатлѣнія, вынесенныя изъ Россіи. Удалиться отъ непосредственнаго общенія съ объектами этихъ впечатлѣній, избавиться такимъ путемъ отъ чувствъ личнаго раздраженія и горечи было для Гоголя въ данное время насущною потребностью художника-мыслителя. Въ письмѣ къ Погодину (отъ 22/10 сент. того же 1836 г.) онъ говоритъ между прочимъ: «...на Руси есть такая изрядная коллекція гадкихъ рожъ, что невтерпѣжъ мнѣ пришлось глядѣть на нихъ. Даже теперь плевать хочется, когда объ нихъ вспомню. Теперь передо мною чужбина, вокругъ меня чужбина...». Онъ живо чувствовалъ и сознавалъ, что для самага успѣха его дѣла ему необходима «чужбина», какъ среда, гдѣ тягостныя и безотрадныя впечатлѣнія, вынесенныя изъ Россіи, волшебною силою вдохновенія превращались въ художественные образы, а горечь, раздраже-

ніе и весь порядокъ скорбныхъ чувствъ смѣнялись тѣми «высокими, торжественными ощущеніями», о которыхъ говоритъ онъ въ вышеприведенной выдержкѣ изъ письма къ Жуковскому. Въ этомъ же письмѣ говорится: «Долѣе, какъ можно долѣе буду въ чужой землѣ. И хотя мысли мои, мое имя, мои труды будутъ принадлежать Россіи, но самъ я, но бранный составъ мой будетъ удаленъ отъ нея».

Работу надъ «Мертвыми Душами», начатую въ Россіи, Гоголь возобновилъ въ Швейцаріи, въ Веве, о чемъ узнаемъ изъ письма къ Данилевскому (изъ Лозанны, отъ 23 окт. 1836 г.) ¹⁾ и изъ письма къ Жуковскому отъ 12 ноября того же года изъ Парижа: «Осень въ Веве, наконецъ, настала прекрасная, почти лѣто. У меня въ комнатѣ сдѣлалось тепло, и я принялся за «Мертвыхъ Душъ», которыхъ было началъ въ Петербургѣ. Все начатое передѣлалъ я вновѣ, обдумалъ болѣе весь планъ и теперь веду его спокойно, какъ лѣтопись... *Если совершу это твореніе такъ, какъ нужно его совершить, то... какой огромный, какой оригинальный сюжетъ! Какая разнообразная куча! Вся Русь явится въ немъ!..*» ²⁾.

Работа продолжалась въ Парижѣ. „«Мертвыя» текутъ живо, свѣжѣе и бодрѣе, чѣмъ въ Веве (читаемъ въ томъ же письмѣ), и мнѣ совершенно кажется, какъ будто я въ Россіи: передо мною все наше, наши помѣщики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы, — словомъ, вся православная Русь. Мнѣ даже смѣшно, какъ подумаю, что я пишу «Мертвыхъ Душъ» въ Парижѣ... *Огромно велико мое твореніе* ³⁾, и не скоро конецъ его. Еще возстанутъ противъ меня новыя сословія и много разныхъ господъ; но что жъ мнѣ дѣлать! Уже судьба моя враждовать съ моими земляками. *Терпѣніе!* ³⁾ *Кто-то не-*

¹⁾ „Я сдѣлался болѣе русскимъ, чѣмъ французомъ, въ Веве, и это все произошло отъ того, что я началъ здѣсь писать и продолжать моихъ „Мертвыхъ Душъ“, которыхъ было оставилъ...“.

²⁾ Курсивъ мой.

³⁾ Курсивъ Гоголя.

зримый пишетъ передо мной могущественнымъ жезломъ. Знаю, что мое имя послѣ меня будетъ счастливѣе меня, и потомки твоихъ же земляковъ моихъ, можетъ быть, съ глазами влажными отъ слезъ, произнесутъ примиреніе моей тѣни“ 1).

Этотъ мотивъ—«вражда» съ «земляками», тягота и горечь русскихъ впечатлѣній и отношеній, откуда—живая потребность быть подальше отъ нихъ и жить «на чужбинѣ», гдѣ эти впечатлѣнія претворяются въ художественныя созерцанія Руси и гдѣ такимъ образомъ должно осуществиться великое національное призваніе поэта,—этотъ мотивъ повторяется и на разные лады звучить въ послѣдующихъ письмахъ. Въ отвѣтъ на письмо Погодина, гдѣ послѣдній, сообщая о смерти Пушкина, звалъ Гоголя въ Россію, Гоголь пишетъ между прочимъ: «Ты приглашаешь меня ѣхать къ вамъ. Для чего? Не для того ли, чтобъ повторить вѣчную участь поэтовъ на родинѣ?.. Для чего я пріѣду? Не видалъ я развѣ дорогого сборища нашихъ просвѣщенныхъ невѣжд?.. О, когда я вспомню нашихъ судей, меценатовъ, ученыхъ умниковъ, благородное наше аристократство, сердце мое содрогается при одной мысли! Должны быть сильныя причины, когда онѣ меня заставили рѣшиться на то, на что бы я не хотѣлъ рѣшиться...». Все живѣе чувствовалъ онъ и яснѣе сознавалъ невозможность для него ужитья среди непосредственныхъ впечатлѣній тогдашней русской дѣйствительности и, оставаясь въ Россіи, любить ее любовью художника-мыслителя и художника-гражданина. Только «на чужбинѣ», созерцая Русь «изъ прекраснаго далѣка», онъ ощущалъ живое дѣйствіе этой любви, этого стихійнаго тяготѣнія къ своему національному цѣлому. И вотъ онъ пишетъ (въ томъ же письмѣ къ Погодину—изъ Рима отъ 30 марта 1837 г.): «Или я не люблю нашей неизмѣримой, нашей родной русской земли! Я живу около года въ чужой землѣ,

1) Курсивъ мой.

вижу прекрасныя небеса, міръ, богатый искусствами и челоѣкомъ; но развѣ перо мое принялось описывать предметы, могущіе поразить всякаго? Ни одной строки не могъ я посвятить чуждому. *Непреодолимою цѣпью прикованъ я къ своему, и нашъ бѣдный, неяркій міръ нашъ, наши курныя избы, обнаженные пространства предпочелъ я небесамъ лучшимъ, привѣтливѣе глядящимъ на меня. И я ли послѣ этого могу не любить своей отчизны?»*¹⁾

Поселившись въ Римѣ, Гоголь весьма скоро приспособился къ условіямъ тамошней жизни и чувствовалъ себя въ вѣчномъ городѣ такъ хорошо, какъ нигдѣ. Климатъ, природа, памятники искусства, вся обстановка жизни, національный складъ итальянцевъ, пришедшійся ему такъ по душѣ,—все это располагало его къ созерцательной жизни и творческой работѣ художника, и здѣсь онъ и написалъ (въ разное время) большую часть «Мертвыхъ Душъ». Если бы возможно было, онъ остался бы здѣсь навсегда. И съ этихъ поръ въ его письмахъ то и дѣло встрѣчаются восторженные гимны Италіи и въ особенности Риму, и почти всегда эти гимны сопровождаются выраженіемъ рѣзкаго, порою очень странно звучащаго отвращенія къ жизни въ Россіи. Вотъ одно изъ наболѣе характерныхъ мѣстъ этого рода: «Она (Италія)—моя! Никто въ мірѣ ея не отниметъ у меня. Я родился здѣсь. *Россія, Петербургъ, сны, подлецы, департаментъ, кафедра, театр*—все это мнѣ снилось. Я проснулся опять на родинѣ»¹⁾ (письмо къ Жуковскому, отъ 30-го окт. 1837 г., изъ Рима). «О Римъ, Римъ! О Италія! Чья рука вырветъ меня отсюда!» восклицаетъ онъ въ письмѣ къ Данилевскому (2 февр. 1838 г.). Въ письмахъ этого времени встрѣчаются иногда довольно пространныя описанія Рима, его памятниковъ, храмовъ, часовенъ, процессій, карнавала и т. д., и по всему видно, что совокупность условій жизни и впечатлѣній Рима дѣйствовала самымъ благотворнымъ образомъ на творчество Го-

¹⁾ Курсивъ мой.

голя,—здѣсь посѣщали его лучшія его вдохновенія, здѣсь, вмѣстѣ съ чувствомъ отвращенія къ жизни въ Россіи, особливо ярко вспыхивала у него та любовь къ Россіи или то стихійное тяготѣніе къ ней, въ силу котораго почти всѣ его художническіе помыслы устремлялись къ ней одной. Изъ этого-то «прекраснаго далѣка» и созерцалъ онъ Русь, которой и былъ посвященъ грандіозный замыселъ великой поэмы. Вспомнимъ: «...Русь! Русь! вижу тебя, изъ моего чуднаго, прекраснаго далѣка тебя вижу. Бѣдно, разбросанно и непріятно въ тебѣ; не развеселять, не испугаютъ взоровъ дерзкія дива природы, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства... Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ... Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ухахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣснѣ? Что зоветъ и рыдаетъ, и хватается за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу, и выются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами?..» («Мертвыя Души», ч. I, гл. XI).

Это была прежде всего связь тяготѣнія великаго художника къ тому національному цѣлому, къ которому онъ принадлежалъ. Живѣ всего чувствовалъ онъ всю силу этого тяготѣнія въ минуты вдохновеній, въ часы творчества. А вдохновеніе наичаще приходило къ нему въ Римѣ, и тамъ дольше, чѣмъ гдѣ-либо, онъ могъ предаваться творческой работѣ, — неудивительно поэтому, что именно въ Римѣ онъ и любилъ Русь, предметъ его художническихъ замысловъ, его вдохновеній.

И онъ все болѣе и болѣе привязывался къ Италіи, къ Риму,—ему казалось, что это и есть его настоящая, его поэтическая родина, «родина души его», и будто только здѣсь онъ можетъ жить и творить... Такъ, въ письмѣ къ Балабиной (изъ Рима, 1838 г.) онъ между прочимъ говоритъ: «И когда я увидѣлъ, наконецъ, во второй разъ

Римъ, о, какъ онъ мнѣ показался лучше прежняго! Мнѣ казалось, что будто я увидѣлъ свою родину, въ которой нѣсколько лѣтъ не бывалъ я, а въ которой жили только мои мысли. Но нѣтъ, это все не то: не свою родину, но родину души своей я увидѣлъ, гдѣ душа моя жила прежде меня, прежде чѣмъ я родился на свѣтъ».

И тѣмъ невозможнѣе представлялась ему жизнь въ другихъ мѣстахъ, въ особенности же въ Россіи. На пути въ отечество, въ сентябрѣ 1839 г., онъ писалъ Жуковскому: «Если бы вы знали, чего мнѣ стоило бросить Римъ, хотя я знаю, что это не больше, какъ на два-три мѣсяца. Но клянусь, если бы мнѣ предлагали милліоны, и эти милліоны помножили еще на милліоны, и потомъ удесятирили эти милліоны, я бы не взялъ ихъ, если бы это было съ условіемъ оставить Римъ, хотя на полгода...». Гоголь въ этотъ пріѣздъ возвращался въ Россію впервые послѣ смерти Пушкина, и тѣмъ безотраднѣе казалась ему жизнь въ отечествѣ. Прибывъ въ Москву и собираясь въ Петербургъ, онъ писалъ Плетневу: «Боже, какъ странно! Россія безъ Пушкина! Я пріѣду въ Петербургъ—и Пушкина нѣтъ! Зачѣмъ вамъ теперь Петербургъ?.. Бросьте все, и ѣдемъ въ Римъ! О, если бы вы знали, какой тамъ пріютъ для того, чье сердце испытало утраты. Какъ наполняются тамъ незамѣстимыя пространства пустоты въ нашей жизни! Какъ близко тамъ къ небу! Боже, Боже, Боже! О мой Римъ! Прекрасный мой, чудесный Римъ!..».

Наступилъ 1840 годъ, а Гоголь все еще сидѣлъ въ Москвѣ. Какъ тяжело ему было въ Россіи, какъ болѣзненно-страстно рвался онъ въ Италію, въ «свой» Римъ, видно изъ слѣдующихъ мѣстъ его писемъ.

«Боже! Какъ я глупъ, какъ я ничтожно, несчастно-глупъ! И какое странное мое существованіе въ Россіи! (пишетъ онъ Жуковскому изъ Москвы въ началѣ 1840 года). Какой тяжелый сонъ! О, когда бъ скорѣе проснуться! Ничто, ни люди, встрѣча съ которыми принесла бы радость, ничто не въ состояніи возбудить меня. Нѣсколько

разъ брался я за перо писать вамъ и какъ деревянный стоялъ предъ столомъ: казалось, будто застыли всѣ нервы, находящіеся въ соприкосновеніи съ моимъ мозгомъ, и голова моя окаменѣла». Въ другомъ письмѣ къ Жуковскому (того же года) онъ опять восклицаетъ: «О Римъ мой, о мой Римъ! Ничего я не въ силахъ сказать... Но если бы меня туда перенесло теперь, Боже, какъ бы освѣжилась душа моя!» Около того же времени (25 января 1840 г.) въ письмѣ къ Погодину онъ говоритъ: «О, выгони меня, ради Бога и всего святого, вонъ въ Римъ, да отдохнетъ душа моя! Скорѣе, скорѣе! Я погибну...».

Наконецъ, ему удалось уѣхать. Въ декабрѣ того же 1840 года онъ уже былъ въ Римѣ и опять принялся за работу надъ «Мертвыми Душами», а вмѣстѣ съ тѣмъ вновь явилось у него и чувство любви къ Россіи. 28 декабря (1840 г.) онъ писалъ С. Т. Аксакову изъ Рима: «Я теперь przygotowляю къ современной очисткѣ первый томъ «Мертвыхъ Душъ». Переменяю, перечищаю, многое перерабатываю вовсе... Между тѣмъ дальнѣйшее продолженіе его выясняется въ головѣ моей чище, величественнѣй, и теперь я вижу, что можетъ быть со временемъ кое-что колоссальное, если только позволятъ слабыя мои силы...» Ниже, въ этомъ же письмѣ, характерно слѣдующее: «*Да, чувство любви къ Россіи, слышу, во мнѣ сильно*¹⁾. Много, что казалось мнѣ прежде непріятно и невыносимо, теперь мнѣ кажется опустившимся въ свою ничтожность и незначительность, и я дивлюсь, ровный и спокойный, какъ я могъ ихъ когда-либо принимать такъ близко къ сердцу».

Въ концѣ 1841 года Гоголь опять пріѣхалъ въ Россію для печатанія первой части «Мертвыхъ Душъ». Много непріятностей и хлопотъ (главнымъ образомъ въ отношеніи къ цензурѣ) ожидало его здѣсь, и уже 10 января 1842 г. онъ писалъ (изъ Москвы) Максимовичу: «Если бы

¹⁾ Курсивъ мой.

ты зналъ, какъ тягостно мое существованіе здѣсь, въ моемъ отечествѣ! Жду и не дождусь весны и поры ѣхать въ мой Римъ, въ мой рай, гдѣ я почувствую вновь свѣжесть и силы, охладѣвающія здѣсь...». Въ письмѣ къ Балабиной (того же года) читаемъ: «Вы уже знаете, какую глупую роль играетъ моя странная фигура въ нашемъ родномъ омутѣ, куда я не знаю, за что попалъ. Съ того времени, какъ только ступила моя нога въ родную землю, мнѣ кажется, какъ будто я очутился на чужбинѣ»... Въ письмѣ къ Плетневу (6 февр. 1842 г.) онъ восклицаетъ: «О, какъ бы мнѣ нуженъ былъ теперь мой тихій уголъ въ Римѣ, куда не доходятъ до меня никакія тревоги и волненія!»

Печатаніе «Мертвыхъ Душъ» приближалось къ концу, и въ маѣ 1842 г., собираясь опять за границу, въ «свой» Римъ, Гоголь писалъ Данилевскому: «Черезъ недѣлю послѣ сего письма ты получишь отпечатанныя «Мертвыя Души», преддверіе немного блѣдное той великой поэмы, которая строится во мнѣ и разрѣшитъ, наконецъ, загадку моего существованія». А по пути въ Римъ онъ писалъ Жуковскому изъ Берлина (26 іюня 1842 года): «Скажу только, что съ каждымъ днемъ и часомъ становится свѣтлѣй и торжественнѣй въ душѣ моей, что не безъ цѣли и значенія были мои поѣздки, удаленія и отлученія отъ міра, что совершалось незримо въ нихъ воспитаніе души моей... что чаще и торжественнѣй льются душевныя мои слезы и что живетъ въ душѣ моей глубокая, неотразимая вѣра, что небесная сила поможетъ взойти мнѣ на ту лѣстницу, которая предстоитъ мнѣ, хотя я стою еще на низайшихъ и первыхъ ступеняхъ ея. Много труда и пути, и душевнаго воспитанія впереди еще! Чище горняго снѣга и свѣтлѣй небесъ должна быть душа моя, и тогда только я приду въ силы начать подвиги и великое поприще, тогда только разрѣшится загадка моего существованія!»

II.

Этотъ рядъ выдержекъ рисуеъ намъ тотъ сложный процессъ, который совершался въ душѣ Гоголя въ періодъ между 1836 и 1842 годами, когда онъ работалъ надъ первою частью «Мертвыхъ Душъ». Теперь постараемся дать этому душевному процессу сильное истолкованіе.

Въ его составъ входитъ рядъ моментовъ, изъ которыхъ каждый можетъ имѣть свое объясненіе, являющее ложный видъ «достаточнаго основанія».

Первый моментъ — «бѣгство» Гоголя изъ Россіи въ 1836 году и горечь, съ которою онъ отзывается объ отечествѣ въ это время — легко объясняется тѣми непріятностями, какія выпали на долю автора «Ревизора» послѣ постановки знаменитой комедіи. Это была первая и, кажется, самая бурная «ссора» Гоголя съ соотечественниками. Ему пришлось испытать то, что весьма часто приходится испытывать писателямъ-сатирикамъ. Болѣзненно-чуткая и неуравновѣшенная натура Гоголя была глубоко потрясена всѣми кривыми толками, всей массой тупого непониманія, осужденіями и своего рода «гоненіями» со стороны подавляющей массы общества, представителями которой были въ литературѣ Сенковскій, Булгаринъ и др. Послѣдовавшая вскорѣ смерть Пушкина явилась новымъ ударомъ, который, можно сказать, ошеломилъ Гоголя, выбилъ его изъ колеи ¹⁾. Потухъ свѣтъ, озарявшій его темный путь, и отнынѣ великое дѣло Гоголя должно было совершаться во тьмѣ; разсѣять эту тьму не могли, — для него — тѣ лучи, которые исходили отъ немногихъ просвѣщенныхъ умовъ, понимавшихъ, что такое Гоголь и въ чемъ его призваніе. Россія безъ Пушкина казалась ему

¹⁾ См. соотвѣтственные мѣста изъ писемъ, приведенныя въ гл. II (и въ этой). Вотъ еще одно: „Смерть Пушкина, кажется какъ будто отняла отъ всего, на что погляжу, половину того, что могло бы меня развлекать“ (въ письмѣ къ Прокоповичу отъ 19 сентября 1837 г. изъ Женевы).

еще непригляднѣе, еще безотраднѣе... И всѣ его — *личныя, интимныя* — связи съ отечествомъ ограничивались теперь семьею и дружескими отношеніями съ нѣсколькими лицами, которые его понимали и цѣнили, которыхъ онъ любилъ, — съ Данилевскимъ, Прокоповичемъ, Жуковскимъ, Погодинымъ, Аксаковымъ и нѣкоторыми другими.

Второй моментъ — очарованіе Италіею вообще и Римомъ въ частности — нетрудно истолковать тѣмъ, что, при общемъ благотворномъ дѣйствіи на Гоголя климата, природы Италіи, культурной обстановки и художественныхъ впечатлѣній, какія доставлялъ вѣчный городъ, здѣсь впервые, какъ говорится, окончательно «наладилась» завѣтная работа Гоголя надъ «Мертвыми Душами» и установился извѣстный навыкъ, всегда необходимый для творчества. Уже въ силу одного этого навыка, т.-е. усвоенной умомъ привычки работать среди опредѣленной обстановки, Гоголь долженъ былъ привязаться къ Италіи, и эта привязанность къ мѣсту по необходимости становилась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дальше подвигалась работа. А эта работа была «вдохновенная», она доставляла поэту высокія умственные наслажденія, и «восторги творчества» ассоціировались съ впечатлѣніями мѣста. Выражая свою восторженную любовь къ Риму, Гоголь, повидимому, не подозревалъ, что для него величіе Колизея, красота храма св. Петра, таинственная прелесть старинныхъ часовенъ и т. д. усугублялись тѣмъ, что здѣсь, среди этой чарующей обстановки, создавались и разрабатывались фигуры героев «Мертвыхъ Душъ». Нельзя сомнѣваться въ томъ, что Чичиковъ съ Коробочкой, Селифанъ съ Петрушкой и т. д. не мало украсили — для Гоголя — Римъ, и что Колизей и храмъ св. Петра безъ Собакевича, Манилова и Ноздрева утратили бы для поэта Руси добрую долю своего обаянія...

Третій моментъ — любовь къ Россіи изъ прекраснаго далѣка — психологически связанъ съ только что рассмотрѣннымъ вторымъ: «восторги творчества», усугубляя оча-

рованіе Римомъ, въ то же время примиряли поэта съ его отечествомъ, которое и было объектомъ этого творчества. Горечь личныхъ обидъ, острыя впечатлѣнія недавней «ссоры» съ соотечественниками исчезали въ радостяхъ вдохновеннаго труда. Среди созерцаній Руси изъ прекраснаго далѣка не было мѣста другимъ чувствамъ къ ней, кромѣ чувства той любви, подъ которою скрывалось тяготѣніе великаго поэта къ своему національному цѣлому.

Четвертый моментъ — тоска по Риму и отвращеніе къ жизни въ Россіи, которыя Гоголь испытывалъ и такъ откровенно рѣзко выражалъ въ своихъ письмахъ во время пріѣздовъ въ отечество, — получаетъ свое освѣщеніе изъ предыдущаго. Отъ поэзіи творчества Гоголь переходилъ тогда къ тягостной для него прозѣ существованія, осложненной къ тому же денежными затрудненіями, долгами, недоразумѣніями съ друзьями московскими и петербургскими, хлопотами и всякимъ инымъ, какъ онъ выражался, «дрязгомъ жизни» ¹⁾. Гоголь примирялся съ отечествомъ и любилъ его, когда, живя въ Италіи, онъ создавалъ свои великолѣпные національные типы (ихъ отрицательный характеръ ничуть не мѣшалъ этой «любви»); но когда онъ, живя въ Россіи, вступалъ въ непосредственное дѣловое, житейское общеніе съ дѣйствительностью, воплощенною въ этихъ типахъ, тогда онъ чувствовалъ себя отвратительно.

Итакъ, всѣ эти моменты находятъ себѣ объясненіе, и при томъ такъ, что раскрывается внутренняя связь между ними.

Но нетрудно видѣть всю недостаточность этихъ объ-

¹⁾ Эти отношенія къ друзьямъ и „недоразумѣнія“ прослѣжены шагъ за шагомъ и документально разслѣдованы въ капитальномъ трудѣ В. И. Шенрока („Матеріалы для біографіи Гоголя“, именно въ томахъ III и VI). Въ высокой степени цѣнны эпизодическія изслѣдованія покойнаго Н. С. Тихонравова (въ примѣчаніяхъ къ изданію сочиненій Гоголя) и проф. А. И. Кирпичникова („Гоголь и Погодинъ“ въ „Русск. Стар.“).

ясненій: въ своей элементарности и прагматичности они годились бы для всякаго другого писателя, который находился бы въ положеніи Гоголя. Они только намѣчаютъ, но отнюдь не истолковываютъ намъ данный душевный процессъ *во всей его индивидуальности*—такъ, чтобы изъ этого объясненія мы могли вынести что-нибудь новое, что-нибудь опредѣленное и болѣе или менѣе важное для пониманія душевнаго уклада Гоголя и для освѣщенія темныхъ путей его творчества.

Поэтому необходимо, такъ сказать, индивидуализировать приведенныя объясненія, исходя изъ того, что въ предыдущихъ главахъ мы говорили о характерныхъ особенностяхъ ума и натуры творца «Мертвыхъ Душъ».

Обращаясь къ этой задачѣ, мы сперва укажемъ на слѣдующее обстоятельство, которое, на первый взглядъ, легко можно принять за выраженіе одного изъ многихъ противорѣчій, какими такъ богата натура Гоголя. Мы указывали уже на *замкнутость*, на *неэкспансивность*, какъ на одну изъ отличительныхъ чертъ его характера. Это признается всѣми и было отмѣчено еще современниками великаго писателя. И однако же едва ли найдется у насъ другой писатель, который бы раскрылъ намъ свою душу, свои тайныя помышленія, свои страданія, наконецъ разныя подробности, относящіяся къ творческой работѣ, въ такой мѣрѣ, съ такою обстоятельностью, съ такою откровенностью, какъ сдѣлалъ это Гоголь—и не только въ интимныхъ письмахъ къ друзьямъ, но и въ печатныхъ произведеніяхъ («Авторская исповѣдь», нѣкоторыя страницы «Выбранныхъ мѣстъ»). Въ то время какъ въ сочиненіяхъ и письмахъ Пушкина и Тургенева едва можно набрать сотню-другую *строкъ* этого рода признаній, въ литературномъ наслѣдіи Гоголя они занимаютъ *десятки страницъ*. Какъ согласовать это съ столь извѣстною скрытностью, неэкспансивностью Гоголя?

Противорѣчіе—только кажущееся и оно легко устраняется слѣдующимъ соображеніемъ.

Въ первой главѣ мы указали на то, что творчество Гоголя было, въ значительной мѣрѣ, *субъективнымъ*, т.-е. онъ во многомъ исходилъ изъ *самонаблюдения*, и свои художественные эксперименты зачастую производилъ *надъ самимъ собой*. Повидимому, эта субъективность въ творчествѣ связывалась интимными психическими узами съ самой натурой Гоголя, съ его характеромъ, какъ чловѣка, и представляла собою, въ сферѣ творчества, какъ бы отраженіе и коррелятъ все той же *замкнутости въ себѣ*, все той же склонности носиться съ своимъ «я», предаваться самонаблюденію въ большей мѣрѣ, чѣмъ это свойственно всякой рефлектирующей и стремящейся къ самосознанію душѣ чловѣческой. Вообще представляется вѣроятнымъ, что существуетъ психическое сродство между такимъ избыткомъ самоанализа, какъ чертой характера, и субъективностью творчества, какъ особенностью таланта, подобно тому, какъ, съ другой стороны, должно быть сродство между душевнымъ укладомъ, характеризующимся извѣстнымъ минимумомъ самоуглубленія и здоровою воздержанностью самоанализа, и объективностью творческаго дара. Какъ бы то ни было, но въ отношеніи къ Гоголю нельзя отрицать того, что субъективный пошибъ его творчества какъ нельзя лучше гармонировалъ съ присущей ему «замкнутостью въ себѣ», съ его самоуглубленіемъ и самоанализомъ—чертами, которыя, въ своемъ послѣдовательномъ и отчасти болѣзненномъ развитіи, привели вскорѣ къ самобичеванію, самоугрызениямъ, покаяніямъ и, наконецъ, къ постановкѣ извѣстной мудреной задачи «своего душевнаго дѣла». При сильно выраженныхъ особенностяхъ такого душевнаго уклада и соотвѣтственнаго ему творческаго дарованія внутреннее «я» чловѣка становится центромъ, вокругъ котораго вращаются сперва всѣ его личные стремленія, помыслы, идеалы,—вообще его внутренний міръ, а потомъ въ эту сферу психического тяготѣнія вовлекается и внѣшняя среда, и тогда все, что не «я», все объективное, получаетъ для чловѣка смыслъ и

значеніе лишь постольку, поскольку оно входитъ въ кругъ его душевныхъ интересовъ и въ сферу его интимнаго пониманія. Все прочее, безъ дальнихъ разговоровъ, отмечается, какъ ненужное, неважное, пустое, ничтожное. На такой ступени развитія субъективности натуры, ума и дарованія осуществляется тотъ укладъ духа, который можно назвать *«эгоцентричностью сознанія»*. Этотъ укладъ ясно виденъ у Л. Н. Толстого, впрочемъ, отчасти умѣряемый широкимъ образованіемъ и разносторонностью его умственныхъ и нравственныхъ интересовъ. У Гоголя несомнѣнно была очень ярко выраженная эгоцентричность сознанія, къ тому же усиливаемая скудостью его образованія, темнотою его мысли, узкостью и неразносторонностью его умственныхъ интересовъ.

Вотъ именно этотъ *эгоцентрическій* укладъ психики Гоголя и долженъ быть взятъ исходною точкой всѣхъ попытокъ психологическаго (и при томъ «индивидуализированнаго») объясненія тѣхъ душевныхъ состояній, которыя переживалъ великій поэтъ въ рассматриваемое время, когда онъ, созерцая Русь изъ прекраснаго далѣка, воплощалъ эти созерцанія въ бессмертныхъ образахъ и картинахъ «Мертвыхъ Душъ».

И прежде всего, для устраненія вышеуказаннаго кажущагося противорѣчія, замѣтимъ, что, какъ бы человѣкъ ни былъ скрытенъ и неэкспансивенъ, разъ онъ — натура эгоцентрическая и «полонъ собою», онъ невольно расскажетъ о себѣ, откроетъ свою душу тѣмъ или инымъ способомъ гораздо скорѣе и полнѣе, чѣмъ сдѣлалъ бы это самый экспансивный, самый откровенный человѣкъ неэгоцентрическаго уклада, — человѣкъ, который не «носитъ» съ самимъ собою, а больше смотритъ по сторонамъ и живетъ впечатлѣніями міра внѣшняго въ большей мѣрѣ, чѣмъ рефлексіей своего внутренняго бытія. По пословицѣ «что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ», человѣкъ, полный собою, говоритъ о себѣ, потому что быть полнымъ собою значить, въ извѣстномъ смыслѣ, «болѣть собою».

Слишкомъ центральное положеніе человѣческаго «я» есть бремя неудобноносимое. Вниманіе, напряженно устремленное внутрь, утомляется скорѣе и больше, чѣмъ вниманіе, обращенное къ внѣшнему міру. Ибо и темно, и тревожно въ душѣ человѣческой, и взоръ, прикованный къ ея микроскопу, смотритъ въ темноту и по необходимости становится игральцемъ всего, что тамъ залежалось, что тамъ глухо бродитъ, что прячется,—разныхъ болѣе или менѣе допотопныхъ понятій, спящихъ въ безсознательной сферѣ духа, различныхъ иллюзій сознанія и тайныхъ самообмановъ чувствъ, имѣющихъ свой смыслъ и свою душевную правду, пока они скрыты, и становящихся ложью, когда обнаружены.

Даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ жизни и дѣятельности человѣка, когда онъ не испытываетъ особенной душевной боли, когда онъ вполне удовлетворенъ и счастливъ, крайній эгоцентризмъ духа есть уже болѣзнь и самъ по себѣ можетъ причинить своеобразныя душевныя страданія, особыя томленія мысли и совѣсти, которыя будутъ искать себѣ выхода, дѣйствительнаго или кажущагося облегченія во внѣшнихъ выраженіяхъ, въ словѣ, въ признаніи, въ исповѣди, въ поступкахъ, наконецъ въ творчествѣ, если человѣкъ обладаетъ творческимъ даромъ. Тѣмъ паче становится этотъ укладъ болѣзненно, иногда роковою, и причиняетъ жестокия муки тогда, когда условія жизни и дѣятельности человѣка складываются неблагопріятно для него, когда ему приходится такъ или иначе переносить несправедливость, «кривые толки, шумъ и брань», видѣть себя непонятымъ, неоцѣненнымъ, когда наносятся чувствительные удары самолюбію или самомирію человѣка. И человѣкъ будетъ очень и очень «болень собою» и непременно будетъ много, много говорить или писать все о себѣ, о себѣ...

Такъ было съ Гоголемъ.

Высказаться, «исповѣдаться», и при томъ публично выразиться въ словѣ и въ дѣйствиіи (и чѣмъ меньше «дѣй-

ствія», тѣмъ больше «словъ») было для Гоголя, какъ натуры крайне эгоцентрической, глубокою душевною потребностью. Оттуда и обиліе интимныхъ писемъ, и «Авторская исповѣдь», и появленіе «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями», и страсть поучать, наставлять, проповѣдывать (если не ошибаюсь, всѣ проповѣдники—натуры эгоцентрическія), и наконецъ тотъ особый родъ «хлестаковщины», который составлялъ одну изъ чертъ личнаго характера Гоголя и долженъ быть отличае́мъ отъ хлестаковщины, воплощенной въ безсмертномъ образѣ Ивана Александровича Хлестакова. Лично-гоголевская хлестаковщина—не лганье, а только невольное, преждевременное оповѣщеніе о литературныхъ предпріятіяхъ, которыя только задуманы («8 томовъ» исторіи Малороссіи, «нѣчто колоссальное», о «Мертвыхъ Душахъ», которыя едва были начаты, выраженіе «преддверіе той великой поэмы, которая строится во мнѣ» и т. д. и т. д.). Это только отсутствіе авторской скромности. Повидимому, скромность вообще не свойственна натурамъ эгоцентрическимъ ¹⁾).

Читая вышеприведенныя выдержки изъ писемъ, вникая въ ихъ приподнятый, болѣзненно-страстный тонъ, мы живо представляемъ себѣ *повышенное самочувствіе* человѣка, который ни при какихъ условіяхъ не перестаетъ ощущать давленіе своего «я». Случится ли непріятность, горе, или, наоборотъ, явится радость,—это «я» давитъ на душу и окрашиваетъ всѣ впечатлѣнія въ первомъ случаѣ чрезмѣрностью болевыхъ ощущеній, во второмъ—избыткомъ душевнаго наслажденія. Такой человѣкъ не можетъ от-

¹⁾ Замѣтимъ кстати, что нескромность и хвастовство, свойственныя юности, являются выраженіемъ того нормального и преходящаго эгоцентризма, который присущъ всякому человѣку, когда онъ молодъ, полонъ силъ и бодро смотритъ въ свое будущее. *Этотъ* юный эгоцентризмъ съ годами умѣряется и исчезаетъ. Настоящія эгоцентрическія натуры—это тѣ, у которыхъ эгоцентризмъ съ годами не проходитъ, а, напротивъ, все усиливается.

даться впечатлѣнію такъ, чтобы его «я» на время потонуло въ этомъ впечатлѣніи. Восторгаясь Римомъ, Гоголь не переставалъ чувствовать свое «я», которое восторгалось. Въ Россіи, среди разныхъ непріятностей, гнетущихъ впечатлѣній, страдая отъ «дразга жизни», онъ живо ощущалъ свое «я», которое страдало. Эгоцентрическій укладъ Гоголя можетъ быть охарактеризованъ такъ: невольно, самъ не отдавая себѣ отчета въ томъ, Гоголь становился, въ своихъ отношеніяхъ къ окружающей средѣ, къ людямъ, къ жизни, на точку зрѣнія, выражаемую въ формулѣ: *«я и все прочее»*. И вотъ именно «все прочее» отражалось въ его душѣ не само по себѣ, а черезъ посредство настроеній его «я», которое навязчиво и неотступно сопровождало всякому впечатлѣнію, всякому душевному движенію. Его чувства осложнялись самочувствіемъ. Быть можетъ, во всемъ этомъ слѣдуетъ видѣть извѣстный психозъ, но и помимо психоза Гоголь могъ быть такимъ въ силу эгоцентрическаго уклада своей натуры. Вспомнимъ еще разъ Л. Н. Толстого, образецъ вполне здоровой и даже уравновѣшенной и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзко эгоцентрической натуры: вѣдь и у него отчетливо проявляется точка зрѣнія, выражаемая тою же формулой: *«я и все прочее»*, и въ его мысляхъ, впечатлѣніяхъ, ощущеніяхъ всегда съ большею или меньшею ясностью обнаруживается то, что мы называемъ настоящимъ присутствіемъ центрального «я». Нѣтъ надобности быть психически больнымъ (опредѣленною формой психоза) для того, чтобы «болѣть» слишкомъ центральнымъ положеніемъ своего «я», его давленіемъ на всю психику.

Для Гоголя, какъ натуры эгоцентрической, въ высокой степени характерно также и то, что всю жизнь онъ бился надъ разрѣшеніемъ «загадки своего существованія». Ему всегда казалось, что онъ «посланъ» въ міръ свыше (вспомнимъ: «мнѣ ли не благодарить Пославшаго меня на землю...» — въ письмѣ къ Жуковскому), что ему предстоитъ великое «поприще», что жизнь его должна быть какимъ-

то «служеніемъ». Это также одно изъ проявленій общей неспособности души отдаться впечатлѣнію, дѣлу, призванію такъ, чтобы не думать о себѣ, не чувствовать себя. Пытливый взоръ художника, созерцавшаго Русь, то и дѣло устремлялся внутрь. Великій поэтъ одновременно видѣлъ и Русь, и себя самого, ее созерцающаго. И какъ разновидность общей формулы «я и все прочее», возникла болѣе частная формула «я, Гоголь и Русь». Упрочиваясь на этой точкѣ зрѣнія, онъ думалъ «разрѣшить загадку своего существованія», и созерцанія Руси сливались въ одно цѣлое, въ одну сложную задачу съ тѣми внутренними самосозерцаніями, на которыхъ основывалось его «душевное дѣло»,—дѣло воспитанія себя, нравственного совершенствованія. Казалось бы, послѣ созданія первой части «Мертвыхъ Душъ» призваніе Гоголя, какъ великаго національнаго поэта-сатирика и мощнаго двигателя общественнаго сознанія на Руси, выяснилось съ достаточною опредѣленностью; но онъ продолжалъ думать, что загадка его существованія еще далеко не разрѣшена, и все глубже и глубже вперялъ онъ взоръ внутрь себя, а тамъ становилось все темнѣе, все тревожнѣе. Помимо разныхъ чисто личныхъ невзгодъ, которыя только осложняли дѣло или обостряли душевную боль, великая тревога его души состояла въ томъ, что онъ, въ силу все того же крайне эгоцентрическаго уклада натуры, не могъ цѣликомъ отдаться своему призванію художника, не былъ въ состояніи повиноваться велѣніямъ своего генія. Не даромъ уже, воплотивъ свои созерцанія Руси въ бессмертные типы и картины «Мертвыхъ Душъ», онъ пришелъ къ вопросу: «Русь! какая непостижимая связь таится между нами?» Великое художественное дѣло не разрѣшило личной задачи художника и выдвинуло новый вопросъ. Ему казалось, что онъ призванъ къ чему-то иному: въ великомъ художественномъ подвигѣ не растворилось, не упразднилось то, что было дано въ формулѣ: «я и Русь». Формула осталась попрежнему и требовала новой рабо-

ты. Попрежнему «Русь» смотрѣла (такъ казалось ему) на поэта очами, полными ожиданія. «Русь! чего же ты хочешь отъ меня?» вопрошалъ онъ. Полныя ожиданія очей дѣйствительно были обращены на него,—это были очи Бѣлинскаго, Аксаковыхъ, Анненкова, Тургенева, Герцена и др., но на *эти* очи Гоголь обращалъ мало вниманія. Весь погруженный въ себя, «полный собою», можно сказать подавленный тяжестью своего «я», онъ былъ жертвою иллюзій, будто съ такою же силою и властностью выступаетъ его личность и передъ лицомъ «Руси», будто «все, что ни есть на Руси, обратило въ него полныя ожиданія очей» («Мертв. Д.» ч. I, гл. XI). Оттуда роковымъ образомъ зарождалась мысль, что его личная задача далеко не исчерпывается призваніемъ художника. Его эгоцентризмъ былъ того рода, который характеризуется или осложняется стремленіемъ человѣка проявить свое «я» не столько въ творчествѣ, сколько въ другомъ, иногда довольно трудномъ выраженіи, которое мы назовемъ *«осуществленіемъ общественной стоимости»* человѣка. Нѣтъ надобности, конечно, быть натурою эгоцентрическою, чтобы стремиться къ осуществленію своей общественной стоимости. Это—стремленіе вообще человѣческое, слишкомъ человѣческое... Но у натуръ эгоцентрическихъ оно должно проявляться съ особливою настойчивостью. Повидимому, разъ онъ одержимъ этой «духовной жаждой» проявленія себя въ общественной средѣ, онъ томится и страдаетъ при невозможности достичь его въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ натуры иного склада. Это станетъ яснѣе, когда мы разяснимъ, что именно понимаемъ мы подъ терминомъ «осуществленіе общественной стоимости человѣка».

III.

Человѣкъ, искони «животное общественное», прежде всего хочетъ быть членомъ общества, единицею въ группѣ себѣ подобныхъ. Личная задача всякаго нормального

человѣка сводится къ тому, чтобы, вступая въ сознательную и лично отвѣтственную жизнь, онъ не оказался въ общественной средѣ нулемъ или балластомъ. Въ обществахъ, стоящихъ на болѣе или менѣе низкихъ, архаическихъ или «варварскихъ» ступеняхъ культуры, гдѣ еще нѣтъ расцвѣта индивидуальности, человѣку не трудно стать членомъ общества, почувствовать и сознать себя единицею въ группѣ. Тамъ люди, можно сказать, рождаются съ готовою общественною стоимостью, которую, придя въ возрастъ, они безпрепятственно осуществляютъ среди несложныхъ, стойкихъ, относительно неподвижныхъ формъ общественности. Тамъ общественная роль человѣка заранее опредѣлена и мѣсто ему уготовано,— проложенъ и утоптанъ его путь въ жизни, для прохожденія котораго не требуется особой подготовки, спеціальныхъ знаній, личныхъ качествъ. При несложности отношеній, при незначительности индивидуальныхъ различій человѣческой особи не трудно приспособиться къ группѣ, войти въ тѣсное общеніе съ себѣ подобными, безъ чего невозможно осуществленіе общественной стоимости. Пусть, съ нашей точки зрѣнія, она ничтожна, она—грошъ, но это «грошъ» реальный, а не только мечта о грошѣ, не только стремленіе къ нему. Совершенно иную картину являютъ намъ отношенія личности къ группѣ въ современномъ цивилизованномъ обществѣ, характеризующемся большою сложностью отношеній, многообразіемъ и нерѣдко трудностью задачъ, предстоящихъ человѣку, необходимостью особой подготовки, спеціальныхъ знаній, господствомъ борьбы и конкуренціи, пышнымъ развитіемъ индивидуализма. Здѣсь человѣкъ, вступая въ сознательную жизнь, долженъ еще найти, раздобыть, завоевать себѣ мѣсто въ обществѣ, вовсе не уготованное ему заранее; фактъ присутствія человѣка въ обществѣ еще не дѣлаетъ его величиной общественной. Лишь крайне рѣдко становится онъ таковою произвольно, въ силу стеченія особо благопріятныхъ условій; въ огромномъ большинствѣ случаевъ осу-

оществленіе общественной стоимости является мудренною задачей со многими неизвѣстными, которую человѣкъ долженъ рѣшить самъ, конкурируя съ другими, вооружаясь знаніями всякаго рода, приспособляясь къ требованіямъ и условіямъ все усложняющейся и растущей цивилизаціи. Вопросъ труда и заработка на разныхъ поприщахъ, т.-е. личная задача матеріально необезпеченнаго человѣка найти въ обществѣ спросъ на свой трудъ и пріобрѣсть средства къ существованію, образуетъ лишь особую, хотя и чрезвычайно важную сторону общаго вопроса осуществленія человѣкомъ своей общественной стоимости. Можно быть вполне обезпеченнымъ матеріально и все-таки не осуществить своей общественной стоимости. Относясь къ тому порядку психическихъ явленій, который обнимается понятіемъ *психологии общественныхъ отношеній и связей личности*, задача осуществленія общественной стоимости есть, по существу, задача *общественно-психологическая*. Суть дѣла здѣсь не въ томъ, чтобы человѣкъ фактически находился въ обществѣ, имѣлъ въ немъ свое мѣсто, дѣло, заработокъ, а чтобы онъ, имѣя это, кромѣ того *чувствовалъ себя величиной общественной и звеномъ въ психологической цѣпи, связующей людей въ организованное социальное цѣлое*. Если онъ не чувствуетъ этого, то его общественная стоимость не можетъ считаться осуществленною. Весьма и весьма часто ея осуществленіе въ самомъ дѣлѣ зависитъ отъ того, найдетъ ли человѣкъ въ обществѣ спросъ на свой трудъ. Но всегда возможны случаи, когда люди, найдя этотъ спросъ и пріобрѣтя прочное положеніе въ обществѣ, все-таки остаются случайными наемниками, не вступаютъ въ тѣсное, интимное общеніе съ соціальною средой, не чувствуютъ себя въ ней величиною общественною. Съ другой стороны, мы видимъ людей, которымъ не приходится завоевывать себѣ свое мѣсто въ обществѣ, потому что оно само собою упрочивается за ними въ силу ли ихъ таланта, или ихъ богатства, или, наконецъ, происхожденія. Для нихъ осуществленіе

общественной стоимости представляет задачу сравнительно легкую. Но это еще не значитъ, что она непременно будетъ рѣшена ими. Нерѣдко оказывается, что ихъ, видимому осуществленная общественная стоимость на добрую долю—фиктивна, что она какъ бы пародія настоящей общественной стоимости, что въ сущности эти люди только *живутъ* въ обществѣ, какъ проѣзжающіе въ гостинницѣ. Встрѣчаются также и такіе случаи: человекъ сознаетъ себя несомнѣнною величиной въ обществѣ и дѣлаетъ дѣло, которому нельзя отказать въ общественномъ значеніи, но общество не цѣнитъ его заслугъ, не понимаетъ пользы и смысла его дѣятельности,—и человекъ поневолѣ является «лишнимъ». Таковымъ онъ можетъ сдѣлаться и по своей винѣ, т.-е. по неумѣнію согласовать свою дѣятельность съ интересами общества. Въ томъ и въ другомъ случаѣ его общественная стоимость остается неосуществленною, хотя бы онъ и не былъ «безпріютнымъ скитальцемъ», какъ Рудинъ. Дѣйствительность представляетъ большое разнообразіе случаевъ неосуществленія общественной стоимости людей и не зачѣмъ перечислять ихъ. Сложились даже *типы* людей съ неосуществленною общественною стоимостью, извѣстные подъ названіями: «неудачники», «лишніе люди», «отщепенцы» и т. д.

Все вышесказанное объединяется въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) осуществленіе общественной стоимости предполагаетъ: а) общественное значеніе дѣятельности человека, б) признаніе этого значенія обществомъ, в) сознаніе личностью, что она—величина общественная. 2) Подъ *обществомъ* понимается въ данномъ случаѣ та социальна-организованная среда, къ которой личность фактически принадлежитъ—какъ житель, обыватель, дѣятель, гражданинъ. При классовомъ характерѣ общественнаго строя ближайшею средой, гдѣ осуществляется общественная стоимость личности, являются именно *классы*; но личность можетъ, разумѣется, стремиться къ осуществленію своей общественной стоимости и въ болѣе ши-

рокой средѣ, вѣ классовѣ, служа на томъ или иномъ поприщѣ всему народу или же государству, если послѣднее не носить слишкомъ опредѣленнаго классоваго характера. 3) Среда, гдѣ осуществляется общественная стоимость человѣка, можетъ быть для одного уже, для другого шире; она можетъ мѣняться: сейчасъ человѣкъ имѣетъ свою общественную стоимость въ одномъ мѣстѣ, въ одномъ классѣ, въ одномъ государствѣ; съ теченіемъ времени онъ можетъ перенести ее въ другое мѣсто, въ другой классъ, въ другое государство. 4) *Общественная стоимость человѣка есть явленіе прижизненное*: со смертію человѣка она исчезаетъ, въ противоположность другому значенію человѣка — національному, а также общечеловѣческому, которыя со смертію не всегда прекращаются, а нерѣдко еще возрастаютъ, иногда же только послѣ смерти и выясняются съ полною опредѣленностью.

Этотъ послѣдній пунктъ (различеніе общественной стоимости человѣка съ одной стороны и его національнаго или общечеловѣческаго значенія съ другой) представляетъ особую важность и требуетъ нѣкоторыхъ поясненій.

Национальное или, еще шире, общечеловѣческое значеніе приобрѣтають сравнительно немногія личности, большею частью въ силу извѣстныхъ дарованій или того, что называется геніальностью ¹⁾. Общественная стоимость (въ возможности)—это принадлежность всѣхъ и каждаго (кромѣ, разумѣется, тѣхъ, которые отъ природы не способны къ общественной жизни, напр., идіоты, психически-больные, прирожденные преступники и проч.). Осуществляясь въ широкой соціальной средѣ (напр., въ государствѣ), общественная стоимость выдающагося человѣка можетъ возвыситься до національнаго или даже общече-

¹⁾ Говорю „большею частью“, потому что возможны (да и бывали) случаи, когда, благодаря исключительнымъ обстоятельствамъ, приобрѣтали такое значеніе лица, не имѣвшія особыхъ дарованій или вообще соотвѣтственнаго призванія.

рокой средѣ, внѣ классовъ, служа на томъ или иномъ поприщѣ всему народу или же государству, если послѣднее не носить слишкомъ опредѣленнаго классоваго характера. 3) Среда, гдѣ осуществляется общественная стоимость человѣка, можетъ быть для одного уже, для другого шире; она можетъ мѣняться: сейчасъ человѣкъ имѣетъ свою общественную стоимость въ одномъ мѣстѣ, въ одномъ классѣ, въ одномъ государствѣ; съ теченіемъ времени онъ можетъ перенести ее въ другое мѣсто, въ другой классъ, въ другое государство. 4) *Общественная стоимость человѣка есть явленіе прижизненное*: со смертью человѣка она исчезаетъ, въ противоположность другому значенію человѣка — національному, а также общечеловѣческому, которыя со смертью не всегда прекращаются, а нерѣдко еще возрастаютъ, иногда же только послѣ смерти и выясняются съ полною опредѣленностью.

Этотъ послѣдній пунктъ (различеніе общественной стоимости человѣка съ одной стороны и его національнаго или общечеловѣческаго значенія съ другой) представляетъ особую важность и требуетъ нѣкоторыхъ поясненій.

Національное или, еще шире, общечеловѣческое значеніе приобрѣтаютъ сравнительно немногія личности, большею частью въ силу извѣстныхъ дарованій или того, что называется геніальностью¹⁾. Общественная стоимость (въ возможности)—это принадлежность всѣхъ и cadaго (кро-мѣ, разумѣется, тѣхъ, которые отъ природы не способны къ общественной жизни, напр., идіоты, психически-больные, прирожденные преступники и проч.). Осуществляясь въ широкой соціальной средѣ (напр., въ государствѣ), общественная стоимость выдающагося человѣка можетъ возвыситься до національнаго или даже общече-

¹⁾ Говорю „большею частью“, потому что возможны (да и бывали) случаи, когда, благодаря исключительнымъ обстоятельствамъ, приоб-рѣтали такое значеніе лица, не имѣвшія особыхъ дарованій или вообще соотвѣтственнаго призванія.

ловѣческаго значенія (Солонъ, Периклъ, Цезарь, Наполеонъ, Петръ Великій, Николай Милютинъ, Бисмаркъ и т. д., и т. д., при огромномъ разнообразіи въ размѣрахъ и самомъ характерѣ значенія личности). Въ этихъ случаяхъ мы видимъ *совмѣщеніе* двухъ явленій (общественной стоимости и національнаго или общечеловѣческаго значенія), но самыя-то явленія остаются различными, — явлениями разнаго порядка. И, очевидно, чувствовать свое національное значеніе — это одно, а чувствовать свою общественную стоимость осуществленною — это другое. Это — два разныхъ чувства. Сплошь и рядомъ осуществленіе даже очень большихъ общественныхъ стоимостей отнюдь не приводитъ къ пріобрѣтенію ихъ обладателями значенія національнаго. И наоборотъ: даже великое національное или общечеловѣческое значеніе великаго человека вовсе не предполагаетъ, что онъ при жизни осуществилъ свою общественную стоимость. Вѣдь національное или общечеловѣческое значеніе можно пріобрѣсти, находясь, такъ сказать, внѣ общества, т.-е. не будучи непосредственнымъ участникомъ въ жизни опредѣленной соціальной группы и слѣдовательно не имѣя фактической возможности осуществить свою общественную стоимость. Яркій примѣръ этого — *Спиноза*, колоссальное всемірное значеніе его внѣ сомнѣнія; но общественной стоимости этотъ великій человекъ не имѣлъ, ибо не былъ единицею ни въ какомъ коллективномъ дѣлѣ и жилъ, вѣрнѣе — «существовалъ», внѣ общества, принадлежа «только» человечеству на всѣ грядущіе вѣка.

И по-своему онъ былъ счастливъ. Онъ не нуждался ни въ какой общественной стоимости. Но это большая рѣдкость. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ ни національное, ни общечеловѣческое значеніе не отнимаютъ у человека живой душевной потребности чувствовать свою общественную стоимость осуществленною. Человекъ жаждетъ быть сейчасъ, ежедневно, постоянно, въ своемъ будничномъ существованіи, опредѣленною общественною

величиною, единицею (а не нулемъ) въ средѣ, гдѣ онъ живетъ, съ которою онъ сроднился, гдѣ всѣ важнѣйшіе интересы его. Завидная, славная доля національнаго генія не парализуетъ стремленія къ блаженству быть обывателемъ. Ибо, по существу «обывательское», чувство осуществленной общественной стоимости есть въ самомъ дѣлѣ одно изъ наиболѣе «блаженныхъ» чувствъ. Оно изъ числа тѣхъ, происхожденіе которыхъ теряется въ глубинѣ доисторическихъ временъ, когда человѣческой личности не было, а было только человѣческое общество—стадо. Чувство, о которомъ мы говоримъ, представляетъ собою одну изъ позднихъ и сложныхъ метаморфозъ *стаднаго чувства*. Оно—*инстинктъ*. И всѣ проявленія его отмѣчены стихійностью и силою, свойственными инстинктамъ.

Невозможность осуществить свою общественную стоимость нерѣдко сопровождается душевными страданіями. Участь отщепенца слишкомъ тяжела, иногда невыносима, и, если не ошибаюсь, многія самоубійства, въ послѣднемъ счетѣ, должны быть относимы къ этой причинѣ. Правда, на ряду съ этимъ мы видимъ не мало людей, повидимому, вполне равнодушныхъ къ возможности или невозможности осуществить свою общественную стоимость. Это, конечно,—отнюдь не Спинозы, неисключительно—великія индивидуальности, поднявшіяся выше общественности, а индивидуумы съ атрофированнымъ социальнымъ чувствомъ, опустившіеся ниже уровня общественности,—социальные нули и балластъ... Симптомомъ такой атрофіи служить полное отсутствіе у нихъ чувства *честолубія*, какъ, съ другой стороны, наличность этого чувства является показателемъ живого стремленія человѣка къ осуществленію его общественной стоимости.

Теперь мы можемъ вернуться къ Гоголю. Намъ кажется, что многое во внутреннемъ мірѣ и въ поступкахъ этого загадочнаго человѣка получить свое объясненіе, если подойдемъ къ нему съ точки зрѣнія предлагаемыхъ

здѣсь понятій общественной стоимости человека, стремленія къ ея осуществленію и честолюбія, какъ симптома этого стремленія.

IV.

Начнемъ съ симптома. Честолюбіе Гоголя достаточно извѣстно изъ его біографіи и засвидѣтельствовано имъ самимъ. Сюда относится между прочимъ слѣдующее мѣсто въ «Авторской исповѣди»: «Я не могу сказать утвердительно, точно ли поприще писателя есть мое поприще. Знаю только то, что въ тѣ годы, когда я сталъ задумываться о моемъ будущемъ (а задумываться о будущемъ я началъ рано, въ тѣ поры, когда всѣ мои сверстники думали еще объ играхъ), мысль о писателѣ мнѣ никогда не всходила на умъ, хотя мнѣ всегда казалось, что я сдѣлаюсь человѣкомъ извѣстнымъ, что меня ожидаетъ просторный кругъ дѣйствій и что я сдѣлаю даже что-то для общаго добра. *Я думалъ, просто, что я выслужусь, и все это доставитъ служба государственная. Отъ этого страсть служить была у меня въ юности очень сильна. Она пребывала неотлучно въ моей головѣ впереди всѣхъ моихъ дѣлъ и занятій...*» ¹⁾. Этимъ признаніямъ нельзя не придавать большого значенія. Они вполне согласуются съ тѣмъ, что мы знаемъ о жизни Гоголя въ Петербургѣ въ началѣ 30-хъ годовъ, когда онъ, можно сказать, былъ поглощенъ столь характернымъ для русскаго человѣка дѣломъ—исканіемъ «мѣста» на государственной службѣ и лелѣялъ честолюбивыя мечты. Достаточно извѣстно, что необходимость матеріальнаго обезпеченія была далеко не единственною и не главною пружиною, имъ двигавшею въ этомъ случаѣ. Равно извѣстно и то, что его честолюбіе не было обыкновеннымъ честолюбіемъ маленькаго чиновника-провинціала, мечтающаго дослужиться до тепленькаго мѣстечка съ приличнымъ окладомъ и чиномъ.

¹⁾ Курсивъ мой.

Еще въ 1827 г., только собираясь въ Петербургъ, 18-ти-лѣтній юноша, онъ писалъ Косяровскому: «Еще съ самыхъ временъ прошлыхъ, съ самыхъ лѣтъ почти непониманія, я пламенѣлъ неугасимою ревностью сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства, я кипѣлъ принести хотя малѣйшую пользу. Тревожныя мысли, что я не буду мочь, что мнѣ преграждать дорогу, что не дадутъ возможность принести ему малѣйшую пользу, бросали меня въ глубокое уныніе. Холодный потъ проскакивалъ на лицѣ моемъ при мысли, что, можетъ быть, мнѣ доведется погибнуть въ пыли, не означивъ своего имени ни однимъ прекраснымъ дѣломъ—быть въ мірѣ и не означить своего существованія—это было для меня ужасно. Я перебиралъ въ умѣ всѣ состоянія, всѣ должности въ государствѣ и остановился на одномъ—на юстиціи. Я видѣлъ, что здѣсь работы будетъ болѣе всего, что здѣсь только я могу быть благодареніемъ, здѣсь только буду истинно полезенъ для человѣчества. Неправосудіе, величайшее въ свѣтѣ несчастіе, болѣе всего разрывало мое сердце...» и т. д.—Гоголя-юношу, стучавшагося въ двери канцелярій и департаментовъ, манила какая-то неопредѣленная, ему самому неясная, мечта о какомъ-то великомъ поприщѣ, о служеніи отечеству,—и подъ его юнымъ и наивнымъ «карьеризмомъ» скрывалось инстинктивное стремленіе къ тому, что я называю «осуществленіемъ общественной стоимости человѣка». По условіямъ времени, для этого почти не было другихъ поприщъ, кромѣ государственной службы. Общество еще цѣликомъ было заслонено государствомъ. «Выйти въ люди» значило сдѣлаться чиновникомъ. Служить отечеству значило поступить на государственную службу.

Излишне описывать тѣ разочарованія, которые необходимо долженъ былъ испытать здѣсь геніальный юноша, еще не уяснившій себѣ своего настоящаго призванія. Приведемъ только слѣдующее мѣсто изъ письма къ матери отъ 30 апрѣля 1829 г.: «Каждая столица вообще ха-

рактизуется своимъ народомъ, набрасывающимъ на нее печать національности; на Петербургъ же нѣтъ никакого характера: иностранцы, которые поселились сюда, обжились и вовсе не похожи на иностранцевъ; а русскіе, въ свою очередь, обиностранились и сдѣлались ни тѣмъ, ни другимъ. Тишина въ немъ необыкновенная, никакой духъ не блеститъ въ народѣ, все служащіе да должностные, всѣ толкуютъ о своихъ департаментахъ да коллегіяхъ, все подавлено, все погрязло въ бездѣльных, ничтожныхъ трудахъ, въ которыхъ безплодно издерживается жизнь ихъ...»

Уже по этой выдержкѣ можно было предугадать, что честолюбивый юноша не осуществитъ своей общественной стоимости службою въ департаментахъ и будетъ пытаться осуществить ее гдѣ-нибудь внѣ департаментовъ. И вотъ мы видимъ Гоголя на педагогическомъ и «ученомъ» поприщѣ—преподавателемъ въ институтъ благородныхъ дѣвицъ и профессоромъ университета. Но этому повороту въ его карьерѣ частью предшествовали, частью съ нимъ совпали другія, болѣе важныя, событія—его выступленіе на литературное поприще, появленіе «Вечеровъ на хуторѣ» и «Миргорода», знакомство съ Плетневымъ, Жуковскимъ и Пушкинымъ, его первые успѣхи, какъ писателя, первые лучи восходящей славы, первое сознаніе своего великаго таланта и своего истиннаго призванія.

И съ этого момента въ Гоголѣ одновременно растутъ и вступаютъ въ довольно сложныя взаимоотношенія, даже въ конфликтъ, «двѣ личности», съ двумя различными призваніями и дорогами въ жизни. Одна—это Гоголь—великій писатель, личность съ огромнымъ *національнымъ* всероссійскимъ значеніемъ; другая—это Гоголь—носитель потенциальной и крайне настойчивой общественной стоимости и соотвѣтственнаго честолубія. Насколько быстро и успѣшно оправдывалось призваніе писателя, настолько туго и неудачно шло дѣло осуществленія общественной стоимости. Гоголю пришлось испытать тѣ душевныя муки,

которыя хорошо извѣстны всѣмъ честолюбцамъ-неудачникамъ. Литературные успѣхи не могли заглушить ихъ. Значеніе и слава писателя были безсильны устранить неудобноносимое бремя неосуществленной общественной стоимости. И съ этой тяготой и отравой души Гоголь останется на всю жизнь—до гроба.

Какъ велика была у Гоголя потребность осуществить свою общественную стоимость, видно между прочимъ изъ того, что уже въ первомъ петербургскомъ періодѣ его литературной дѣятельности невольно проявляется у него какъ бы инстинктивное стремленіе быть не только писателемъ-художникомъ, но и *писателемъ-гражданиномъ*, непосредственно вліять на общество. Оттуда—раннее обращеніе къ драматической формѣ, къ театру, какъ естественному проводнику этого вліянія. Повидимому, уже тогда онъ сознавалъ то, что было высказано имъ гораздо позже въ статьѣ «О театрѣ» («Выбранныя мѣста», статья XIV): «Театръ ничуть не бездѣлица и вовсе не пустая вещь, если примешь въ соображеніе то, что въ немъ можетъ помѣститься вдругъ толпа изъ пяти, шести тысячъ чело-вѣкъ, и что вся эта толпа, ни въ чемъ несходная между собою, разбирая ее по единицамъ, можетъ вдругъ потрястись однимъ потрясеніемъ, зарыдать однѣми слезами и засмѣяться однимъ всеобщимъ смѣхомъ. Это такая каѳе-дра, съ которой можно много сказать міру добра».

Въ этомъ-то смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ стремленія вліять на общество, «служить» ему посредствомъ художественнаго слова и такимъ путемъ осуществить свою общественную стоимость, вполне оправдывается терминъ «писатель-гражданинъ», которымъ г. Венгеровъ озаглавилъ свои интересныя статьи о Гоголѣ (въ «Русскомъ Богатствѣ»). Впослѣдствіи, съ дальнѣйшимъ развитіемъ художественныхъ и вообще душевныхъ силъ Гоголя, этотъ инстинктъ «гражданина» подскажетъ ему своеобразную теорію служенія отечеству и государству на поприщѣ писателя-художника и моралиста. Въ «Авторской испо-

вѣди» онъ говоритъ: «Мнѣ захотѣлось служить ¹⁾ въ какой бы ни было, хотя на самой мелкой и незамѣтной должности, но служить землѣ своей, такъ служить, какъ я хотѣлъ нѣкогда, и даже гораздо лучше, нежели я нѣкогда хотѣлъ. *Я примирился и съ писательствомъ своимъ только тогда, когда почувствовалъ, что на этомъ поприщѣ могу также служить землѣ своей* ²⁾. Но и тогда однако же я помышлялъ, какъ только кончу большое сочиненіе, вступить, по примѣру другихъ, въ службу и взять мѣсто...». Литературная дѣятельность представляется здѣсь какъ бы суррогатомъ настоящаго служенія «землѣ своей», которое отождествляется съ занятіемъ «мѣста» на государственной службѣ. Какъ извѣстно, это не состоялось: карьера профессора университета не удалась, и, выйдя въ отставку въ 1835 г., Гоголь потомъ ужъ не поступалъ на службу. Но былъ моментъ, именно около половины 30-хъ годовъ, когда ему казалось, что дѣятельность писателя-художника могла бы явиться не суррогатомъ государственной службы, а особымъ «служеніемъ», равносильнымъ ей. Это видно изъ слѣдующаго мѣста той же «Авторской исповѣди»: «...какъ только я почувствовалъ, что на поприщѣ писателя могу сослужить также службу государственную, я бросилъ все: и прежнія свои должности, и Петербургъ, и общество близкихъ душъ моей людей, и самую Россію, чтобы вдали и въ уединеніи отъ всѣхъ обсудить, какъ это сдѣлать, чтобы доказать, что я былъ также гражданинъ земли своей и хотѣлъ служить ей...» ²⁾).

Какъ бы мы ни относились къ «Авторской исповѣди» въ цѣломъ (написанной, какъ извѣстно, съ цѣлью не то оправданія себя, не то разъясненія разныхъ недоразумѣній, вызванныхъ изданіемъ «Выбранныхъ мѣстъ»), приведенныя выдержки являются документомъ, подтверждаю-

¹⁾ Уже послѣ того, какъ вполне выяснилось его настоящее призваніе—писателя.

²⁾ Курсивъ мой.

щимъ взглядъ на Гоголя, какъ на «писателя-гражданина» по призванію. Иначе говоря, Гоголь не принадлежалъ къ числу тѣхъ художниковъ, которые находятъ полное удовлетвореніе въ своемъ творествѣ, которые, если можно такъ выразиться, «духовно сыты» своими художественными созерцаніями и не ощущаютъ настоящей потребности быть дѣятелями жизни, стать единицею, имѣющею свой удѣльный вѣсъ въ соціальной средѣ. Онъ не могъ успокоиться на сознаніи своего значенія какъ великаго національнаго поэта,—ему нужны были живыя—*прижизненные*—связи не только съ національнымъ, но и съ общественнымъ цѣлымъ. Этимъ цѣлымъ была для него вся Россія,—онъ стремился осуществить свою общественную стоимость не въ томъ или иномъ классѣ, не въ той или другой мѣстности, не въ опредѣленной, болѣе или менѣе узкой, средѣ, а въ громадномъ, объединенномъ—всероссійскомъ—цѣломъ, представителемъ котораго являлось государство. Выраженіемъ этого стремленія и были его помыслы о службѣ и его взглядъ на свою литературную дѣятельность то какъ на суррогатъ службы, то какъ на особый родъ «служенія землѣ своей», равносильный «государственному».

V.

Изучая Гоголя съ этой стороны, мы получаемъ возможность глубже проникнуть во внутренній міръ этого загадочнаго челоѣка, и намъ станутъ яснѣе тѣ душевныя состоянія, которыя переживалъ онъ, когда, созерцая Русь изъ прекраснаго далѣка, онъ созидалъ великую національную «поэму».

Психологія этого созерцанія была гораздо сложнѣе, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Не только какъ художникъ, не спокойнымъ зрителемъ, не исключительно поэтомъ-созерцателемъ являлся Гоголь, когда, живя въ Римѣ, онъ воплощалъ «Русь» въ безсмертные образы и картины «Мертвыхъ Душъ». Въ непосредственной связи

съ творчествомъ художника трепетали въ его душѣ и тѣ струны, въ игрѣ которыхъ такъ причудливо переплеталось тяготѣніе великаго поэта къ своей національной стихіи съ тяготѣніемъ человѣческой личности къ своей общественной средѣ. Эти двѣ тяги, національная и общественная, претворялись въ живыя чувства высокаго подъема и большой глубины,—въ душевныя движенія, которыя, среди искращагося—«гоголевскаго»—смѣха проступали «незримыми», «невѣдомыми міру» слезами.

Въ «Авторской исповѣди», уже заднимъ числомъ, этотъ процессъ представленъ такъ: «Проектъ и цѣль моего путешествія были очень неясны. Я зналъ только, что ѣду вовсе не за тѣмъ, чтобы наслаждаться чужими краями, но скорѣй, чтобы натерпѣться, точно какъ бы предчувствовалъ, что узнаю цѣну Россіи только внѣ Россіи и добуду любовь къ ней вдали отъ нея».

Эта «любовь къ Россіи вдали отъ нея», любовь, которую нужно было «добывать» за границею, только на первый, поверхностный взглядъ можетъ показаться въ своемъ родѣ «странною», пожалуй, чисто-разсудочною, «головною», и дать поводъ вспомнить слова, сказанныя кѣмъ-то въ одномъ изъ романовъ П. Д. Боборыкина: «русскій человѣкъ особенно сильно любитъ свое отечество тогда, когда у него заграничный паспортъ въ карманѣ». Нѣтъ, любовь, о которой говоритъ Гоголь, была настоящимъ, подлиннымъ чувствомъ, крѣпко и цѣпко державшимся въ глубинѣ души двумя корнями: тягой къ національности и той другой тягой, которую мы называемъ стремленіемъ осуществить свою общественную стоимость.

Первая требуетъ еще нѣкоторыхъ поясненій, которыя мы дадимъ ниже (въ гл. V-ой), а вторая, достаточно ясная послѣ всего вышесказаннаго, окончательно дорисовывается тѣми неустанными помыслами о благѣ Россіи и тѣмъ стремленіемъ найти «правильный» путь для плодотворной дѣятельности «на пользу отечества», которые такъ занимали Гоголя во второй половинѣ 40-хъ годовъ, въ эту

столь знаменательную въ его жизни эпоху, когда въ его «больной» душѣ совершался рѣшительный поворотъ въ сторону моральной проповѣди, аскетизма и мистики. Разсмотрѣнію этой эпохи мы посвятимъ слѣдующую главу. Здѣсь же приведемъ только одинъ документъ, относящійся къ концу ея и свидѣтельствующій о томъ, что даже въ это печальное время порабощенія великаго поэта злобѣщей власти мрачнаго фанатика, о. Матвѣя, все еще было живо у Гоголя стремленіе къ живому дѣлу, къ плодотворной работѣ «на пользу отечества». Я разумѣю проектъ докладной записки, въ которой Гоголь, прося «позволенія и даже средствъ проводить три зимніе мѣсяцы въ году въ Греціи или на островахъ Средиземнаго моря и три лѣтніе—гдѣ-нибудь внутри Россіи», срокомъ на три года, говорить, что это ему необходимо для окончанія «Мертвыхъ Душъ», гдѣ будетъ «выставлено наружу все здоровое и крѣпкое въ нашей природѣ», и что въ тотъ же срокъ онъ, кромѣ того, можетъ исполнить и другой, не менѣе важный, трудъ. Дѣло идетъ о книгѣ, «за которую многіе отцы семейства скажутъ» ему «спасибо»: «намъ нужно живое, а не мертвое изображеніе Россіи, та существенная, говорящая ея географія, начертанная сильнымъ, живымъ слогомъ, которая поставила бы русскаго лицомъ къ Россіи еще въ то первоначальное время его жизни, когда онъ еще отдается во власть гувернеровъ—иностранцевъ, но когда всѣ его способности свѣжѣе, чѣмъ когда-либо потомъ, а воображеніе чутко и удерживаетъ навѣски все, что ни поражаетъ его. Такую книгу (мнѣ всегда казалось) могъ составить только такой писатель, который умѣетъ схватывать вѣрно и выставлать сильно и выпукло черты и свойства *народа* ¹⁾, а всякую *мystность* ¹⁾ (тоже) со всѣми ея красками выставлать такъ живо, поставлать такъ ярко, чтобы она навсегда осталась въ глазахъ,—который, наконецъ, имѣлъ бы способность

¹⁾ Курсивъ подлинника.

сосредоточивать сочиненіе въ одно слитное цѣлое такъ, чтобы вся земля отъ края до края, со всею особенностью своихъ мѣстностей, свойствами кражей и грунтовъ врѣзалась бы, какъ живая, въ память даже несовершеннолѣтняго отрока, и было бы ему очевидно даже и во младенчествѣ, какому углу Россіи что именно свойственно и прилично, и не шло бы ему потомъ въ голову, придя въ зрѣлый возрастъ, заводить несвойственныя ей фабрики и мануфактуры, довѣряя иностраннымъ промышленникамъ, заботящимся о временной собственной выгодѣ. И точно такимъ же образомъ, чтобы ему во младенчествѣ видны были въ настоящемъ видѣ качества и свойства русскаго народа, со всѣмъ разнообразіемъ особенностей, какими отличаются его вѣтви и племена. Чтобы еще во младенчествѣ ему было видно, къ чему именно каждый (sic) изъ этихъ племенъ способенъ вслѣдствіе орудій и силъ, ему данныхъ, и обращалъ бы онъ вниманіе потомъ, когда приведетъ его Богъ въ зрѣломъ возрастѣ сдѣлаться государственнымъ человѣкомъ, на особенности каждаго изъ нихъ, уважалъ бы обычаи, порожденные законами каждой *мѣстности* ¹⁾, и не требовалъ бы повсемѣстнаго выполненія того, что хорошо въ одномъ углу и дурно въ другомъ. — Книга эта составляла давно предметъ моихъ размышленій. Она зрѣетъ вмѣстѣ съ нынѣшнимъ моимъ трудомъ ²⁾ и, можетъ быть, въ одно время съ нимъ будетъ готова. Въ успѣхѣ ея я надѣюсь не столько на свои силы, сколько на любовь къ Россіи, слава Богу, безпрестанно во мнѣ увеличивающуюся...» (опубликовано впервые профессоромъ И. А. Линиченко въ «Рус. Мысли» 1896 г., кн. 5-ая. — «Письма Н. В. Гоголя» подъ ред. В. И. Шенрока, т. IV, стр. 344—345).

Этотъ въ высокой степени любопытный документъ говоритъ самъ за себя. Разумѣется, планъ «отчизновѣдѣ-

1) Курсивъ подлинника.

2) Окончаніе „Мерт. Душъ“.

нія», здѣсь набросанный, не могъ быть выполненъ въ то время ни Гоголемъ, ни кѣмъ либо другимъ.—Но какая вѣрная мысль, какая здравая постановка вопроса, и все это въ эпоху ¹⁾, когда Гоголь, погруженный въ помыслы о загробной жизни, казалось, былъ такъ далекъ отъ всего земного, такъ чуждъ вопросамъ времени и пониманію задачъ жизни!..

Сейчасъ увидимъ, что самый поворотъ въ сторону крайняго мистицизма совмѣщался у Гоголя съ постановкою и даже своеобразнымъ рѣшеніемъ той личной задачи, которую мы называемъ стремленіемъ осуществить свою общественную стоимость.

VI.

Неосуществленная общественная стоимость, сказали мы, есть бремя неудобноносимое, и когда человѣкъ видитъ всю невозможность ея осуществленія, тогда нерѣдко его душа, именно его будничная, повседневная, прозаическая душа обывателя, наполняется горькими чувствами обиды, оскорбленнаго честолюбія, отравляется сознаниемъ, что онъ не нуженъ, что онъ лишній, и своеобразно-враждебно настраивается въ отношеніи къ данной—родной—средѣ. И чѣмъ ближе и дороже человѣку эта среда, тѣмъ болѣе обостряется эта специфическая «вражда». И, смотря по человѣку, цѣлая гамма разныхъ дополнительныхъ или производныхъ чувствъ возникаетъ на почвѣ такого разлада личности съ ея общественною средой. Мы находимъ здѣсь и жалкія, мелкія, но при всемъ томъ нерѣдко въ самомъ дѣлѣ жестокія, буднично-мелодраматическія страданія обывателя-неудачника, не сумѣвшаго стать единицею въ своемъ муравейникѣ, потому что даже и для этого муравейника онъ—«не настоящій» человѣкъ; мы находимъ здѣсь и приподнятыя, аффектированныя душевныя движенія «непонятыхъ» натуръ, и болѣе или менѣе искреннюю поддѣлку

¹⁾ Документъ относится къ 1850-му году.

подъ участь неоцѣненного, осмѣяннаго «дѣятеля», или гонимаго «обличителя», пародію на тѣхъ, о комъ по праву можно сказать, что они—«не пророки въ своемъ отечествѣ», и настоящую трагедію «лишнихъ людей», и наконецъ истинно-высокія страданія гражданина, а чаще всего — тупую тоску, унылую скуку ненужнаго, безцѣльнаго существованія человѣка, у котораго нѣтъ никакого другого призванія, кромѣ какъ быть единицею въ общественномъ цѣломъ, и которому пришлось быть нулемъ...

Но возможенъ и иной исходъ: натуры сильныя и «полныя собою», съ богатымъ внутреннимъ содержаніемъ, нерѣдко, при невозможности осуществить свою общественную стоимость въ данной средѣ, при данныхъ условіяхъ мѣста и времени, стремятся либо передѣлать эту среду по-своему, либо искусственно создать для себя новую среду, или, наконецъ, берутся за то, и за другое вмѣстѣ. Это—реформаторы разнаго рода, проповѣдники — моралисты, основатели религіозныхъ и иныхъ сектъ. При такомъ исходѣ тѣ чувства, на которыя мы только что указали, не застаиваются въ душѣ человѣка, и онъ быстро переходитъ отъ унынія, тоски, скуки, мелкой или немелкой «вражды» и т. д. къ иному порядку чувствъ. Его душа становится ареною новыхъ движеній чувствъ, страстей и мысли, движеній болѣе или менѣе творческаго, зиждительнаго характера. На этомъ пути жажда общественныхъ связей незамѣтно переходитъ въ жажду вліять на людей, подчинять умы и сердца своему нравственному авторитету, и честолюбіе, какъ чувство-симптомъ, уступаетъ мѣсто властолюбію.

Такой именно оборотъ и приняли общественно-психологическія отношенія Гоголя, но только у него весь процессъ сильно осложнился, во-первыхъ, перекрестнымъ дѣйствіемъ его геніальнаго художественнаго дарованія, его призванія, какъ великаго національнаго поэта, а во-вторыхъ, тою темнотою его ума, той ирраціональностью его мышленія, въ силу которыхъ онъ не могъ правильно по-

ставить свою лично-общественную задачу и стать жертвою крайняго мистицизма.

Здѣсь, въ этой главѣ, насъ интересуеъ первое, т.-е. перекрестное дѣйствіе его художественнаго дарованія и соотвѣтствующаго ему призванія великаго національнаго поэта сатирика.

Это дѣйствіе выразилось въ томъ, что безсознательно, инстинктивно Гоголь, если можно такъ выразиться, «ухватился» за свое великое національное значеніе, какъ за суррогатъ общественнаго значенія, — онъ, смѣшавъ національное съ общественнымъ, сталъ смотрѣть на свое дѣло художника, какъ на орудіе осуществленія своей общественной стоимости. Работая надъ «Мертвыми Душами» и поэтически созерцая Русь изъ прекраснаго далѣка, онъ лепѣлъ мысль, или, скорѣе, иллюзію, будто тѣмъ самымъ онъ становится непосредственнымъ участникомъ общественной (въ обширномъ смыслѣ) жизни своего отечества, входитъ органическимъ звеномъ въ ту соціальную среду, которую онъ называлъ «Русью». Несомнѣнное — и огромное въ своихъ послѣдствіяхъ — общественное значеніе его сатиры, какъ понимали это лучшіе умы времени (сперва Пушкинъ, потомъ Аксаковы, Бѣлинскій, Анненковъ, Тургеневъ и др.), было ему самому далеко не ясно, и во всякомъ случаѣ не на немъ онъ могъ осуществить свою общественную стоимость. Этой стороною своей дѣятельности онъ пріобрѣлъ великое имя и производилъ обаяніе, равносильныя тѣмъ, какія были удѣломъ Пушкина, въ передовыхъ кругахъ, западническомъ и славянофильскомъ; но для него это было ничтожнымъ суррогатомъ, которымъ онъ весьма мало дорожилъ. Онъ хотѣлъ чувствовати свой «соціальный вѣсъ» въ обширномъ цѣломъ, именуемомъ Русью, онъ стремился стать единицею въ государствѣ, а не въ ничтожныхъ численностию своихъ членовъ передовыхъ кружкахъ: онъ не въ силахъ былъ понять огромное значеніе этихъ кружковъ въ дѣлѣ созданія нашего общественнаго и національнаго самосознанія, — да

впрочемъ, если бы онъ и понималъ это, кружки мыслящихъ людей, все равно, не могли служить для него тою *соціальною средой*, въ которой онъ нуждался для осуществленія своей общественной стоимости. И вообще «общество» того времени (а не только передовые круги) не годилось ему для этой—личной—цѣли: слишкомъ было оно ничтожно и безсильно. Только *государство*, которое, обнимая всю Русь, было тогда единственною авторитетною, властною, дѣйствующею и живущею «соціальною средой», являлось въ его глазахъ стихіей, гдѣ могъ опредѣлиться «удѣльный вѣсъ» его личности. Въ передовыхъ кругахъ, какъ западническомъ, такъ славянофильскомъ, ему было тѣсно, и онъ тянулся къ государству, не замѣчая, или, можетъ быть, не желая замѣчать, что тамъ ему сиротливо, пожалуй даже совсѣмъ нѣтъ мѣста. Не замѣчалъ онъ этого, и ему казалось, будто онъ, какъ авторъ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ», являясь поэтомъ національнымъ, какъ бы состоитъ на государственной службѣ, точно это казенныя торжественныя оды. И, правду сказать, своего рода торжественной одой,—только, разумѣется, не казенный, звучать знаменитыя лирическія мѣста въ XI-ой главѣ первой части «Мертвыхъ Душъ». Тамъ воспѣвается необъятный просторъ Руси («грозна объемлетъ меня могучее пространство...»), «чудная, сверкающая даль», быстрое, головокружительное «движеніе» Руси, конечно, прежде всего, какъ государства («Русь, куда жъ несешься ты?.. Летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и, косясь, стараются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства»). Но изъ-за поэтического образа этого государства уже явно пробивалась національность, именно *общерусская*,—неофициальная, а живая, подлинная, та, которая находитъ свое лучшее выраженіе въ высшемъ творчествѣ. Вопросы: «Русь! чего же ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами?» и далѣе: «Что пророчить сей необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли, не родиться безпредѣльной мысли, когда ты

сама безъ конца...», относятся уже не къ государству, а къ *національному* цѣлому, и въ нихъ прежде всего проявилось чувство національнаго тяготѣнія великаго поэта къ этому цѣлому.

Мы видимъ здѣсь два цѣлыхъ—*государство* и *національность*, но не усматриваемъ третьяго—*общества*. За отсутствіемъ или неразличеніемъ послѣдняго, общественная стоимость великаго поэта могла осуществиться только въ первомъ, и онъ, подставляя свое національное тяготѣніе на мѣсто общественнаго, лелѣялъ мечту встать «единицею» въ средѣ государственной. И чѣмъ больше подвигался онъ въ своемъ вдохновенномъ трудѣ, тѣмъ больше укрѣплялся онъ въ мысли, что дѣлаетъ дѣло, имѣющее государственную важность, во всякомъ случаѣ такое, которому правительство должно покровительствовать. Быть можетъ, благосклонное отношеніе Николая Павловича къ «Ревизору» заронило въ душу Гоголя первое семя этой горделивой идеи, которое сперва прозябало въ тиши и дало плодъ позже, когда, оканчивая первую часть «Мертвыхъ Душъ», поэтъ завязывалъ связи съ извѣстнымъ кругомъ высокопоставленныхъ лицъ (Смирнова, граф. А. П. Толстой, Вьельгорскіе) и писалъ имъ тѣ письма, изъ которыхъ потомъ и составила пресловутая книга «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». Не лишне отмѣтить также, что въ его ходатайствахъ о пособіи, при всемъ почтительно-просительномъ тонѣ, звучитъ увѣренность, что онъ имѣетъ право на поощреніе и поддержку со стороны государства ¹⁾.

¹⁾ Напр., въ письмѣ къ гр. С. С. Уварову (1840 г.): „почему знать, можетъ быть, несмотря на мой трудный и тернистый путь, суждено бѣдному имени моему достигнуть потомства. И ужели вамъ будетъ пріятно, когда правосудное потомство, отдавъ вамъ должное за ваши прекрасные подвиги для наукъ, скажетъ въ то же время, что вы были равнодушны къ созданіямъ рускаго слова и не тронулись положеніемъ бѣднаго, обремененнаго болѣзнями, писателя, не могшаго найти себѣ угла и пріюта въ мірѣ, тогда какъ вы первые могли бы быть его заступникомъ и меценатомъ...“ и т. д.

И постепенно «Русь», объект его художественного творчества, излюбленный предмет его поэтических созерцаний, превращалась для него въ государственно-національную среду, гдѣ онъ стремился стать единицею и даже *дѣйствующею силою*, орудіемъ которой должна была служить моральная проповѣдь. Этимъ путемъ онъ и думалъ претворить «непостижимую связь», которая «тайлась» между нимъ и Русью, въ ту вполне постижимую, осязательную, живую связь личности съ цѣлымъ, которую мы называемъ осуществленіемъ общественной стоимости человѣка. Излишне пояснять, что для установленія *такой связи*, чтобы она не осталась чистой иллюзіей, необходимо было сперва завязать живыя, душевныя, интимныя отношенія съ болѣе тѣснымъ кругомъ лицъ, которыя могли бы явиться посредствующимъ звеномъ между великимъ поэтомъ-моралистомъ и великимъ государственнымъ цѣлымъ и стать проводниками предполагаемаго воздѣйствія писателя на эту обширную соціальную среду. Въ тѣсномъ кругѣ высокопоставленныхъ лицъ должна была совершиться, такъ сказать, *предварительная проба общественной стоимости* національнаго поэта — *уже не просто какъ обывателя, а какъ своеобразнаго дѣятеля, гражданина и патріота*. Такимъ путемъ *предварительной пробы въ тѣсномъ кругѣ* обыкновенно и идутъ къ своей цѣли великіе реформаторы, основывающіе секты и поднимающіе великія движенія, которымъ суждено развернуться въ обширной, государственной или національной, средѣ. Тѣмъ же путемъ направляются и тѣ, которые только мнятъ себя реформаторами и выступаютъ съ идеями, несогласуемыми съ задачами общественнаго прогресса. Ихъ дѣятельность, по необходимости, будетъ только пародіею на дѣятельность настоящихъ реформаторовъ. Нашему великому поэту и пришлось разыграть такую пародію...

Дальше «предварительной пробы» онъ не пошелъ и не могъ пойти. Производилась же она въ кружкѣ морально и религіозно настроенныхъ лицъ, — Вьельгорскихъ, Тол-

стихъ, Смирновыхъ и др., гдѣ его проповѣдь, его мысли и наставленія встрѣчали созвучный откликъ, гдѣ устанавливались живыя связи взаимнаго пониманія и сочувствія. Здѣсь впервые Гоголь почувствовалъ себя «величиною общественною», а такъ какъ члены кружка были особы высокопоставленныя, которымъ, казалось, открывалась полная возможность, путемъ государственной службы, дѣйствовать на широкомъ социальномъ поприщѣ, именуемомъ Русью, то сама собою навязывалась великому поэту иллюзія—стать, черезъ посредство даннаго интимнаго кружка, великою дѣйствующею силою на Руси, вліять на ходъ вещей, искоренять неправду, чуть ли не совершить чудо превращенія Чичиковыхъ, Собакевичей, Ноздревыхъ, Плюшкиныхъ и пр.—въ людей добра и правды... Это иллюзія въ свою очередь вліяла на дальнѣйшее развитіе замысла «Мертвыхъ Душъ», и въ перспективѣ уже возникали фантастическіе образы, кающагося Чичикова, нравственно преображеннаго Плюшкина, пожалуй даже душевно-изящнаго Собакевича... Уже создались «положительные» типы въ родѣ пресловутаго Констанжогло... Неудивительно, что поэтъ два раза жегъ свои рукописи.

Въ эти тяжелые—не для одного Гоголя—годы (вторая половина 40-хъ и начало 50-хъ) внутренній міръ великаго художника являлъ слѣдующую «картину» своего рода «болѣзни сознанія»: пристально и напряженно всматривается онъ въ свою собственную душу, онъ «полонъ собою» и чутко слѣдитъ за ходомъ своего «душевнаго дѣла», и вмѣстѣ съ тѣмъ столь же напряженно и пристально созерцаетъ онъ Россію, но уже не столько въ качествѣ художника, сколько въ качествѣ своеобразнаго гражданина-моралиста, и пишетъ о томъ, какъ «нужно любить Россію», о томъ что «нужно проѣздить по Россіи», о благотворной дѣятельности лицъ высокопоставленныхъ, направленной на улучшеніе нравовъ, на искорененія разныхъ беззаконій, объ обязанностяхъ помѣщика, о томъ, «что такое губернаторша»... Извѣстная книга («Вы-

бранныя мѣста»), гдѣ все это изложено, явилась печальнымъ памятникомъ этого періода жизни великаго поэта... И даже теперь, когда мы можемъ спокойно и объективно судить о ней, мы все еще, перечитывая ее, невольно вспоминаемъ ставшія классическими слова Базарова: «я сегодня прескверно себя чувствую, точно начитался писемъ Гоголя къ калужской губернаторшѣ». Недавнія попытки реабилитировать эту книгу еще печальнѣе ея самой... Но въ оправданіе Гоголя, кромѣ всего вышесказаннаго, можно еще отмѣтить его полную искренность: ни въ какомъ смыслѣ здѣсь онъ не лгалъ, не притворялся, и въ самомъ дѣлѣ такъ думалъ, такъ вѣрилъ, такъ понималъ вещи. какъ это изложено въ книгѣ ¹⁾.

Изданіемъ этой книги онъ думалъ сдѣлать рѣшительный шагъ впередъ въ своихъ стремленіяхъ осуществить свою общественную стоимость. И, конечно, ни на шагъ не подвинулся дальше... Ею онъ выходилъ изъ тѣснаго, интимнаго круга, гдѣ уже была сдѣлана «предварительная проба», и очутился въ непріятномъ, «грозно-объемлющемъ» пространствѣ, на «снѣгомъ занесенной станціи», и съ потрясающимъ разочарованіемъ, почти съ отчаяніемъ долженъ былъ убѣдиться въ неизбѣжномъ крушеніи своихъ замысловъ и въ непригодности, въ недѣйствительности своей моральной проповѣди.

Тѣмъ не менѣе эта проповѣдь остается по-своему важнымъ фактомъ какъ въ психологіи самого Гоголя, такъ и въ историческомъ движеніи русской литературы. Къ разсмотрѣнію этой стороны дѣла, къ изученію Гоголя-моралиста, мы и должны обратиться теперь.

¹⁾ Окончательное выясненіе искренности Гоголя въ данномъ случаѣ составляетъ одну изъ многихъ заслугъ Шенрока (см. преимущественно въ IV-мъ томѣ „Матеріаловъ“).